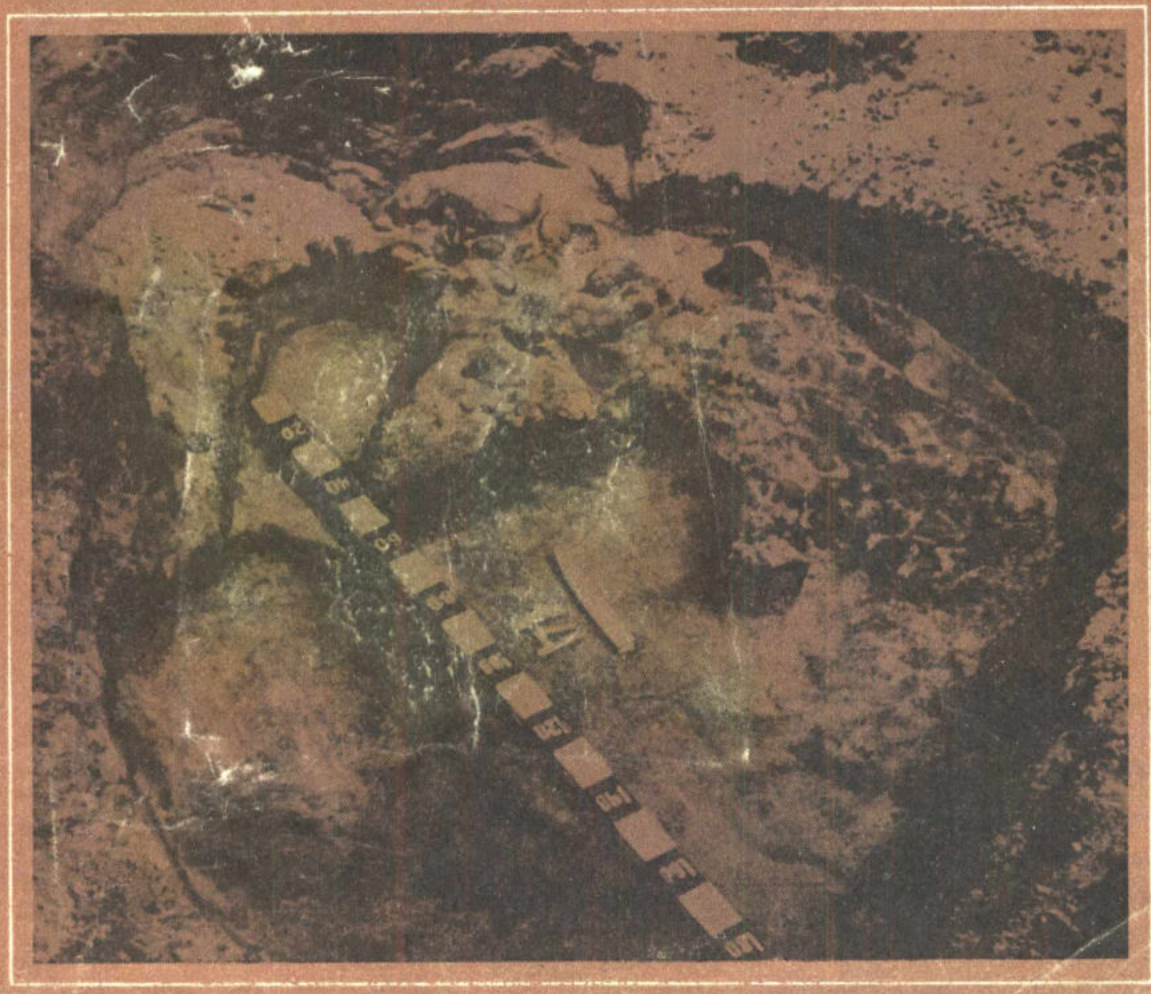
АРХЕОЛОГИЯ

С. А. БЕЛЯЕВА

ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII–XIV в.



АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

С. А. БЕЛЯЕВА

ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII—XIV В.

(По материалам археологических исследований)

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1982

Монография является первой обобщающей работой в отечественной историографии, посвященной изучению культурно-исторического развития Южной Руси второй половины XIII—XIV в. по материалам археологических исследований. Рассматривается историко-географическая ситуация, сложившаяся в Среднем Поднепровье XIII—XIV вв., выделяются основные признаки материальной культуры южнорусских земель золотоордынского периода. Дается характеристика экономического развития территории. Сделаны выводы о единстве развития общерусской материальной культуры исследуемой эпохи и глубокой историко-культурной общности трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Для археологов, историков, краеведов, преподавателей и студентов исторических факультетов.

Ответственный редактор *В. В. Седов*

Рецензенты *А. Т. Смиленко*,
Б. А. Тимощук

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии
и документалистике

Б $\frac{0505010000\text{-}228}{\text{М221(04)-82}}$ БЗ-19-5-82

© Издательство «Наукова думка», 1982

ВВЕДЕНИЕ

История и культура южнорусских земель во второй половине XIII—XIV в. является одной из актуальных и в то же время малоизученных тем отечественной исторической науки. Ее исследование имеет принципиальное значение для решения многих кардинальных научных проблем, прежде всего таких, как проблема влияния иноземных завоеваний на ход исторического развития и материальную культуру Южной Руси, проблема древнерусского наследия (культурной и этнической преемственности) и его участия в развитии последующей культуры, проблема формирования трех братских народов — русского, украинского, белорусского и другие вопросы.

Она имеет и большое политическое значение, так как до сих пор утверждение о положительном влиянии Золотой Орды на развитие государственности и культуры Руси провозглашается современными буржуазными историками реакционных взглядов для обоснования тезиса об «извечной отсталости» нашей страны. В свою очередь этот тезис широко используется в различных сферах антикоммунистической пропаганды [1].

Исследуемый период насыщен сложными политическими событиями, которые во многом определили судьбу региона. В 1239—1240 гг. южнорусские земли подверглись жесточайшему разгрому полчищами Батыя. В результате завоевания установилась система политико-экономической зависимости, поставившая Южную Русь в крайне неблагоприятные условия, что облегчало захват этой территории литовскими, а затем и польскими феодалами. Важность внешнеполитического

[1] *Данилова Л. В.* Русское средневековье в современной историографии США — ВИ, 1961, № 3, с. 63—86; *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, с. 234—247; Очерки русской культуры XIII—XIV вв. М., 1969, ч. 1, с. 13—16.

фактора в этот период настолько велика, что изучение истории южнорусских земель второй половины XIII—XIV в., в каком бы аспекте оно не проводилось, нельзя представлять оторванным от событий политической истории и прежде всего завоевания их восточными кочевниками в середине XIII в. Вопрос о роли Золотой Орды в истории Руси был поднят еще русскими летописцами и достаточно широко дискутировался в дореволюционной историографии. Суть спора сводилась к признанию либо ее отрицательной, либо положительной роли. Однако система доказательства этих положений практически строилась на одних и тех же данных — кратких летописных сообщениях, иногда с привлечением топонимики.

В советской историографии мнение о какой-либо положительной роли завоевания было полностью отвергнуто на основе тщательного изучения значительно расширившегося фонда источников. В него кроме русских летописей вошли сообщения иностранных авторов. Шире использовались данные нумизматики и эпиграфики. Решающее значение имели археологические материалы из раскопок древнерусских городов и сел, которые погибли или были разрушены в период нашествия. Именно они послужили неоспоримым доказательством отрицательной роли иноземных поработителей.

Теоретическая база решения проблемы была разработана на основе марксистско-ленинской методологии, в частности на основе тезиса о взаимоотношении обществ с различными способами производства. Большое значение для понимания характера и специфики материальной культуры второй половины XIII—XIV в. имели исследования в области политической и культурной истории, в результате которых в ряде работ (Б. А. Рыбаков, И. Б. Греков и др.) была выдвинута обоснованная концепция об укреплении консолидации всех русских земель, в том числе и южнорусских во второй половине XIV в.

Однако вторая половина проблемы — что представляли собой южнорусские земли и какова их материальная культура после завоевания, а также их дальнейшее развитие практически оставалась нерешенной.

Благодаря разработкам в области теории русского и европейского феодализма, пополнению источниковедческой базы новыми эпиграфическими и нумизматическими данными и особенно появлению археологического материала стало возможным вплотную подойти к решению проблемы.

Исследуемый период является частью большого этапа зрелого или развитого феодализма. Однако хронологические рамки работы (1239—1240 гг.— конец XIV в.) обусловлены конкретным историческим содержанием периода, спецификой его политических, экономических и культурных слагаемых.

Начало его приходится на 1239—1240 гг., когда южнорусские земли были покорены кочевниками Востока, искусственно нарушившими процесс создания предпосылок объединения русских земель [2].

Конец периода совпадает с концом XIV в., когда изменение политической ситуации после Кревской унии 1385—1386 гг. вновь парализовало объединительные тенденции консолидации Южной Руси с Великим Владимирским княжеством [3].

В экономическом плане такое выделение в известной мере объясняется тем, что за это время южнорусские земли проходят путь от этапа глубокого застоя во второй половине XIII в. к стабилизации и новому подъему со второй половины XIV в., причем аналогичное

[2] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы.., с. 215.

[3] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой орды. М., 1975, с. 486.

явление прослеживается на всей территории Руси.

И наконец, до конца XIV в. в древнерусской литературе сохраняется и подчеркивается идея единства всех русских земель, историческое значение Киева, что придает культурным явлениям того времени широкое общерусское звучание.

Методологической основой для оценки периода является известное положение В. И. Ленина: «...каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя.., никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно» [4].

Естественно, в одной работе невозможно охватить все сферы исторического процесса второй половины XIII—XIV в. Принимая во внимание новизну источниковедческой базы, отсутствие специальных исследований, автор главные задачи предлагаемой работы видел в том, чтобы обобщить накопленный материал, выделить основные признаки материальной культуры этой эпохи и изучить вопрос о культурной преемственности периодов до и послезавоевания; в рамках поставленных задач дать сравнительную историко-географическую характеристику Киевщины, Черниговщины и Переяславщины; рассмотреть некоторые аспекты экономического развития, вопросы датировки и хронологического взаимоотношения памятников, их место среди памятников других русских земель. Перечисленные задачи обусловили выбор направления, круг исследования и его методы.

Пользуясь случаем, автор выражает благодарность лицам, принимавшим участие в создании и подготовке работы к печати своими советами и критическими замечаниями: А. Е. Москаленко, В. И. Довженку, В. Ф. Генингу, П. П. Толочко, В. В. Седову, М. П. Кучере, А. Т. Смиленко, Б. А. Тимощуку, В. Д. Барану и В. И. Бидзиле.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 36, с. 46.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Обзор историографии. Специальных работ по теме исследования нет. Однако ряд вопросов, прямо или косвенно связанных с историей южнорусских земель второй половины XIII—XIV в., затрагивался дореволюционными и советскими историками в обобщающих трудах по отечественной истории или в отдельных статьях.

Исходной точкой в оценке исследуемого периода являлось отношение того или иного историка к таким важнейшим событиям, как кочевническое завоевание середины XIII в. и пребывание южнорусских земель в составе Великого княжества Литовского. Это предопределило острый характер научных споров, продолжавшихся в течение двух столетий и не оконченных по сей день. Суть их выходила далеко за рамки политической истории. Практически речь шла о воздействии этих событий на судьбы Южной Руси, ее культуру и социально-экономическое развитие.

Дореволюционная историография. Основные направления изучения периода наметились на заре отечественной исторической науки — в XVIII в. Еще в первой половине столетия в труде крупнейшего историка того времени В. Н. Татищева [1] был поставлен вопрос об отрицательном значении нашествия в истории России и южнорусских земель в частности. Эту точку зрения поддержал М. М. Щербатов [2], который высказал мнение об упадке «полуденной Руси к концу XIII в.». Однако он несколько преувеличил последствия завоевания, так как считал достоверными сообщения летописцев о полном запустении Киева и уходе всего населения после переезда митрополита Максима во Владимир [3].

[1] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962—1963, т. 1/2.

[2] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Спб., 1774, т. 3.

[3] Там же, с. 219.

В сочинениях В. Н. Татищева и М. М. Щербатова был затронут и вопрос о литовском завоевании Южной Руси.

Современник М. М. Щербатова И. Н. Болтин, признавая отрицательное значение кочевнического нашествия, подчеркивал, что оно вместе с тем не внесло решительных изменений в историю восточного славянства: «При владычестве их управляемы были русские теми же законами, кои до владения их имели.., нравы, платье, язык, названия людей и стран остались те же, какие были прежде» [4].

Взгляды В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и И. Н. Болтина на роль Золотой Орды в истории Южной Руси разделял и украинский историк П. Симоновский [5].

Противоречивое мнение высказано крупнейшим историком первой половины XIX в. Н. М. Карамзиным [6]. Он признавал, что нашествие было «страшным бедствием», которое привело к запустению южнорусских земель. И в то же время Н. М. Карамзин выдвинул ошибочный тезис о том, что именно благодаря завоевателям была ликвидирована феодальная раздробленность Руси.

Вслед за Н. М. Карамзиным эту позицию занял и украинский дворянский историк Д. М. Бантыш-Каменский [7].

Концепция Н. М. Карамзина о положительном влиянии Золотой Орды была подвергнута резкой критике в работах революционных демократов В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена [8]. Они указывали, что именно оно, нанеся огромный материальный ущерб, явилось причиной задержки развития Руси.

В середине XIX в. дальнейшее развитие получает теория о запустении южнорусских земель. М. П. Погодин [9] высказал мысль о том, что в эпоху золотоордынского владычества все древнее население Киевской Руси было частью истреблено, частью переселилось на север России (на территорию будущего Московского государства), а на их место явились переселенцы с Карпат, отличающиеся от прочих русских (великороссов).

Теория «двух потоков» вызвала оживленную дискуссию среди историков и филологов различных школ и направлений в 50—60-е годы XIX в., продолжавшуюся и в последующее время. Ее поддержали некоторые русские и украинские историки (М. Коялович, Д. Зубрицкий) и особенно польские шляхетские националистические историки (М. А. Грабовский, К. Шайноха, А. Яблоновский и др.). В своих сочинениях они пытались показать, что после нашествия кочевников в середине XIII в. Южная Русь представляла собой пустыню, и только благодаря Польше эти земли были вновь заселены и развивались. Тем самым идейно обосновывалась колонизаторская, грабительская политика польской шляхты по отношению к южнорусским землям.

Против великорусской теории М. П. Погодина и великопольской теории перечисленных историков выступили ряд русских и украинских ученых. Одним из первых подверг критике концепцию М. П. Погодина С. М. Соловьев.

[4] *Болтин И. Н.* Примечания на историю древния и нынешняя России господина Леклерка. Спб., 1788, т. 2, с. 295.

[5] *Симоновский П.* Краткое описание о козацком малороссийском народе. М., 1847.

[6] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Спб., 1816, т. 3.

[7] *Бантыш-Каменский Д. М.* История Малой России. Спб., 1817, ч. 1.

[8] *Белинский В. Г.* Избр. филос. соч. М., 1948, т. 1, с. 509—510; *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. в 15 томах. М., 1950, т. 7, с. 703—706; *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах. М., 1956, т. 7, с. 158—159.

[9] *Погодин М. П.* Записка о древнем языке русском (Письма к И. И. Срезневскому).— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1856, ч. 5, вып. 2. с. 70—92.

Он писал, что запустения Южной Руси не было, хотя «центр исторического развития Руси переносится с Востока, из области днепровской, на Запад, в область днестровскую» [10]. Вместе с тем С. М. Соловьев недооценил тяжесть иноземного ига для южнорусских земель.

Критика тезиса М. П. Погодина содержалась и в работе известного славянофила К. Н. Бестужева-Рюмина [11]. Однако он считал, что упадок Киева и всего Поднепровья начался еще в предыдущий период.

В трудах украинских ученых М. А. Максимовича, А. А. Котляревского, М. В. Владимирского-Буданова [12] значительное место занимает идейная борьба с гипотезой М. П. Погодина и реакционной теорией польско-шляхетских идеологов о цивилизаторской миссии Польши. В качестве контраргументов они привлекли данные топонимики и языкознания. М. А. Максимовичу удалось довольно убедительно доказать несостоятельность теории о переселении древнерусского населения в Волго-Окский бассейн и запустении южнорусских земель. Критически проанализировав источники, он правильно отметил, что «гиперболические выражения летописей не следует понимать в буквальном смысле» [13]. Но М. А. Максимович, как и С. М. Соловьев, несколько недооценил негативное влияние монголо-татарского нашествия.

М. Ф. Владимирский-Буданов, исследуя вопрос о населении юго-западной России во второй половине XIII — середине XV в., показал, что наиболее уцелевшими были «Остерская и Любечская волости Киевщины и север Черниговщины» и «что сильного этнографического изменения не произошло» [14]. Только на юг от Роси и Сулы,— отмечал он,— наблюдалось постоянное оседание татарского населения. Вместе с тем М. Ф. Владимирский-Буданов не исключал некоторой перегруппировки населения во время похода отрядов завоевателей на юго-запад, когда впереди их шли массы беглецов. «На Черниговщине часть населения перешла на правый берег Днепра, а затем подвинулась далее на Волынь и в Галицию» [15].

В 50—70-е годы (П. А. Кулиш, Н. И. Костомаров) был выдвинут тезис о решающем значении завоевания в деле ликвидации «удельно-вечевого строя» и создании бесклассового общества на территории Южной Руси. При этом Н. И. Костомаров рассматривал историю древнерусского государства — Киевской Руси — исключительно как историю Украины, а последующее историческое развитие в отрыве от истории русского и белорусского народов.

Эти идеи нашли широкую поддержку и дальнейшее развитие в трудах украинских буржуазных националистов (В. Б. Антонович, М. С. Грушевский). Вопреки исторической правде они пытались скрыть отрицательные последствия иноземного ига. В. Б. Антонович и М. С. Грушевский пренебрегли и сообщениями летописей, и появившимися в этот период сведениями иностранных авторов. Их антинаучные построения были нацелены на то, чтобы

[10] *Соловьев С. М.* История Российская с древнейших времен. М., 1960, кн. 2, ч. 3, с. 189.

[11] *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Спб., 1872, т. 1.

[12] *Максимович М. А.* Собр. соч. Киев, 1876, т. 1, с. 131—145; О филологической стороне спора с Погодиным см. также: *Максимович М. А.* Собр. соч., т. 3, с. 183 и сл.; *Котляревский А. А.* Собр. соч. Спб., 1893, кн. 9, с. 624—627; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV в.— Архив Юго-Западной России. Киев, 1886, ч. 7, т. 1.

[13] *Максимович М. А.* Собр. соч., т. 1, с. 135—136.

[14] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Население Юго-Западной России.., с. 19.

[15] Там же, с. 36.

искусственно разорвать исторически сложившиеся узы трех братских народов: русского, украинского и белорусского.

В начале XX в. тезис о запустении Южной Руси после нашествия был поддержан В. О. Ключевским. По его мнению, отлив населения начался еще до прихода кочевников, в связи с падением роли Киева. «Запустение днепровской Руси,— писал он, — начавшееся в XII в., было завершено в XIII в. погромом 1239—1240 гг.»[16]. По мнению В. О. Ключевского, Киевская, Переяславская и Черниговская земли пребывали в запустении до половины XV в., когда происходит их вторичное заселение [17].

В противовес высказываниям В. О. Ключевского в работе А. Я. Ефименко [18] (представителя демократического направления историков Украины) приводились доказательства, что «полного запустения не было», ибо завоеватели, «спеша на запад, шли по Южной Руси сплошным потоком, не оцепляя окрестную страну своими загонами и, следовательно, оставляя территорию без того общего повсеместного опустошения, какому подвергалась Северная Русь» [19].

На протяжении XIX и в начале XX в. в историографии не раз поднимался вопрос о роли литовского завоевания в истории южнорусских земель. Необходимо подчеркнуть, что большинство дореволюционных авторов, признавая завоевательный характер устремлений Литвы, отмечали, что они в корне отличались от нашествия восточных кочевников, а пребывание южнорусских земель под властью Литвы было меньшим злом и имело определенное положительное значение (М. А. Максимович, М. Ф. Владимирский-Буданов, А. Я. Ефименко, П. Н. Батюшков и др.).

Для ряда работ, в частности украинских историков (Н. И. Костомаров, В. Б. Антонович и др.), характерна идеализация литовского завоевания, которое рассматривается ими как мирный объединительный акт.

Кроме указанных трудов, во второй половине XIX — начале XX в. вышло еще несколько монографических исследований, касающихся отдельных областей Южной Руси: Киевщины, Черниговщины и Переяславщины [20].

В теоретическом плане эти работы не претендуют на новизну, но в них довольно подробно освещается политическая история этих земель, содержатся интересные сведения историко-географического плана.

Археологические исследования южнорусской территории, в том числе и Киева, начавшиеся еще во второй четверти XIX в., были практически оторваны от исторической науки и не расценивались буржуазными историками как самостоятельный, важный исторический источник. Даже находки остатков жилищ и монументальных сооружений в Киеве, разрушенных полчищами Батыя, не связывались археологами со сведениями летописей и датировались различным временем [21].

Подводя некоторые итоги, отметим, что вопрос о судьбе южнорусских земель во второй половине XIII—XIV в. неоднократно поднимался в дореволюционной историографии. В начале изучения

[16] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1904, ч. 1, с. 347.

[17] Там же.

[18] *Ефименко А. Я.* История украинского народа. Спб., 1906.

[19] Там же, с. 72.

[20] *Александрович М. Н.* Остерский уезд. Киев, 1881, ч.1; *Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864; *Лазаревский А.* Села Конотопского уезда. Киев, 1869; *Стороженко А. В.* Очерки переяславской старины. Киев, 1900; *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912, и др.

[21] *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, с. 63—75.

(XVIII — первая половина XIX в.) наблюдалась чаще негативная оценка роли золотоордынского завоевания в истории Южной Руси, к концу XIX — началу XX в. в буржуазной историографии проявляется тенденция к преуменьшению роли этого завоевания. Более того, историки подчас стремились отыскать положительные стороны ига. В этот период главное внимание было сосредоточено на тезисе о запустении Южной Руси и смене ее населения. Повышенный интерес к этому аспекту проблемы не случаен.

Он объясняется в первую очередь важным историческим значением этой территории, ее ролью в создании древнерусской материальной и духовной культуры. Признание запустения и смены населения в исторической перспективе означало бы прерывность, а их отрицание — соответственно продолжение древнерусских традиций в культуре Южной Руси. По этому и другим вопросам дореволюционными историками был накоплен значительный фактический материал, сделан ряд наблюдений и выводов, однако проблема осталась нерешенной. Существенным образом на состоянии изучения истории южнорусских земель сказался недостаток источников. Главной опорой исследований были летописи, довольно малочисленные для Южной Руси. Восточные источники привлекались мало, почти не использовались данные нумизматики. Полностью отсутствовал археологический материал, который мог бы служить фундаментом для решения вопроса о характере материальной культуры и преемственности периодов до и после завоевания.

Советская историография. Изучение истории южнорусских земель в 20—30-е годы продолжало основываться на уже известных и не раз использовавшихся ранее источниках.

Однако критический подход к концепциям дореволюционной историографии с позиций марксистской идеологии сыграл положительную роль в постановке и решении проблемы.

Не все ошибки прошлого были преодолены. Так, М. Н. Покровский оценил нашествие как прогрессивное явление, имевшее положительное значение в русской истории[22].

Идейный разгром концепции о прогрессивности завоевания южнорусских земель нанесен в конце 30-х — начале 40-х годов в работах Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, В. Т. Пашуто, А. Н. Насонова и др.[23] Наиболее близки к теме настоящего исследования по территориальному признаку работы В. В. Мавродина. В них на основе письменных источников и данных языкознания исследовалась специфика развития Чернигово-Северщины и Переяславщины в условиях господства завоевателей, а также этнические процессы. Из работ украинских историков следует упомянуть обобщающую работу по истории Украины»[24], в которой дан суммарный анализ и оценка кочевнического завоевания в середине XIII в., взаимоотношений южнорусских земель с Литвой.

Советские историки полностью отвергли доводы о каком-либо положительном влиянии монголо-татар, однако ошибочное мнение о запустении Поднепровья во второй половине XIII—

[22] *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М.; Л., 1926, ч. 3, с. 39—48; *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933, т. 2, с. 307.

[23] *Греков Б. Д.* Татарское нашествие.— Исторический журнал, 1937, № 6, с. 46—63; *Мавродин В. В.* Левобережная Украина под властью татаро-монголов.— Учен. зап. Ленингр. у-та, 1939, № 32, вып. 2, с. 39—75; *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940; *Пашуто В. Т.* Галицко-Волынское княжество времен Даниила Романовича Галицкого.— Учен. зап. Ленингр. у-та, 1941, № 67, вып. 7, с. 25—82.

[24] Нариси історії України. К., 1937, вып. 1.

XIV в. еще встречалось на страницах научной литературы.

Аналогичная характеристика истории Южной Руси сохранялась в обобщающих работах и послевоенного периода. Так, Б. Д. Греков указывал на запустение южнорусских земель вплоть до XV в., начавшееся, по его мнению, еще в эпоху Киевской Руси [25].

С конца 40-х — начала 50-х годов стали намечаться новые направления в изучении периода. Это связано с определенными успехами в теории: трактовкой эпохи феодальной раздробленности как закономерного прогрессивного этапа развитого (зрелого) феодализма [26], изучением таких вопросов, как роль освободительной борьбы народных масс против золотоордынского ига, значения этой борьбы для исторических судеб Европы [27]. В ряде работ подробно и всесторонне освещалась проблема литовского завоевания [28]. Советские историки отметили, что хотя присоединение южнорусских земель к Литве было насильственным актом, однако в исторических условиях той поры оно имело определенное положительное значение. Они указали на различия между золотоордынским и литовским завоеванием и различным положением Южной Руси под игом кочевников и властью Литвы. Вместе с тем, как правильно заметил впоследствии М. Н. Тихомиров [29], нельзя недооценивать тот факт, что в будущем потеря независимости южнорусскими землями в середине XIV в. под ударами литовских сил сыграла отрицательную роль и облегчила захват их польскими феодалами.

Из археологических работ этого периода особое значение имело фундаментальное исследование Б. А. Рыбакова о ремесле Древней Руси [30]. В одном из его разделов подняты вопросы о развитии ремесла во второй половине XIII—XIV в. и значении золотоордынского ига для характера и темпов ремесленного производства. Однако эта часть монографии основана целиком на археологических материалах Северо-Восточной Руси: южнорусские изделия этого времени еще не были известны.

В послевоенные десятилетия археологи производят раскопки древнерусских памятников, погибших или частично уничтоженных во время завоевания, что представило в распоряжение исторической науки неоспоримые доказательства отрицательной роли Золотой Орды в истории Южной Руси. Результаты исследований, продолжавшихся еще более интенсивно в 60—70-е годы, нашли широкое освещение на страницах работ М. К. Каргера, Б. А. Рыбакова, В. И. Довженка, В. К. Гончарова, Р. А. Юры и др. [31]

[25] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1959, с. 500.

[26] *Черепнин Л. В.* К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма.— ИАН. Сер. ист. и филос., 1952, т. 9, № 2, с. 115—132.

[27] *Греков В. Д., Якубовский А. Я.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950; *Вайнштейн О. В.* Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в средние века.— Вестн. Ленингр. ун-та, 1950, N 5, с. 61—79.

[28] *Пичета В. И.* Великое княжество Литовское в XIII—XVI вв.— В кн.: История СССР. М., 1947, т. 1. Очерки истории СССР. Период феодализма XIV—XV вв. М., 1953; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

[29] *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975, с. 16.

[30] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

[31] *Каргер М. К.* Киев и монгольское завоевание.— СА, 1949, т. 9, с. 55—102; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958—1961, т. 1/2; *Рыбаков Б. А.* Древнерусский город по археологическим данным.— ИАН. Сер. ист., 1950, т. 7, № 3, с. 239—249; *Каргер М. К.* Стольный град Чернигов. Удельный город Вщиж.— В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 75—120; *Довженок В. И.* Городища и селища на Роси и Россаве.— КСИА АН УССР, 1955, № 5, с. 51—54; *Гончаров В. К.* Райко-

Эти данные использовались впоследствии в общих трудах по истории СССР и УССР, а также в монографиях и статьях по отдельным проблемам [32].

Значительно хуже до сих пор обстояло дело с исследованием темы по истории южнорусских земель второй половины XIII—XIV в., что по-прежнему в значительной степени объяснялось недостаточным притоком нового материала. Специальных раскопок памятников этого времени не проводилось, но все же ряд находок, зафиксированных в процессе изучения поселений других эпох, был опубликован. Речь идет о статьях В. К. Гончарова и Р. И. Выезжева о разведках на Житомирщине [33], Д. Т. Березовца о раскопках в Путивльском р-не Сумской обл.[34], В. А. Богусевича в Киеве (Замковая гора) [35], Д. И. Блифельда в Белгороде Киевском [36].

Несмотря на привлечение данных стратиграфии и нумизматики (в случаях находки монет), хронологическая принадлежность материалов еще не всегда точно определялась, чаще всего слишком широко. Несомненной заслугой Д. Т. Березовца, В. А. Богусевича и Д. И. Блифельда была попытка выделения керамики второй половины XIII—XV в., хотя внутри периода материал расчленен не был.

Несколько позже были опубликованы и общие результаты раскопок Любеча Б. А. Рыбаковым [37], а также поселения у с. Ломоватое Э. А. Сымоновичем [38], давшие материалы второй половины XIII—XIV в.

К сожалению, расширение источниковедческой базы, наметившееся благодаря появлению археологических материалов, не было использовано ни археологами, ни историками для серьезных историко-культурных выводов. Анализ социально-экономического развития Южной Руси опирался по-прежнему на письменные источники [39].

С конца 60-х—в 70-е годы в исторической литературе ощущается возрастание интереса к периоду феодальной раздробленности, к его основным политическим и социально-экономическим феноменам. В теории это ознаменовалось окончательным признанием эпохи XII—XV вв. развитым феодализмом [40], разработкой его периодизации [41]. Был опубликован ряд монографий и сборников, в которых исследовались проблемы внешнеполитического развития Руси

вецкое городище. Киев, 1955; *Юра Р. О.* Древній Колодяжин.— АП УРСР, 1962, т. 12, с. 57—130; *Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь. К., 1966, и др.

[32] История СССР в 12 томах. М., 1966, т. 2; История УССР. К., 1969, т. 1; Історія міст і сіл Української РСР. В 26 томах. К., 1969—1973. Київська область. 1971. Черкаська область. 1972. Чернігівська область. Житомирська область. 1973. *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы...; *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.). — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 186—209.

[33] *Гончаров В. К.* Археологічна розвідка по р. Роставиці в 1946 р.— АП УРСР, 1949, т. 1, с. 237—245; *Виезжев Р. І.* Археологічні нам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яті.— АП УРСР, 1955, т. 3, с. 205—206.

[34] *Березовець Д. Т.* Дослідження на території Путівльського району Сумської області.— АП УРСР, 1955, т. 3, с. 242—250.

[35] *Богусевич В. А.* Розкопки на горі Киселівці.— АП УРСР, 1955, т. 3, с. 66—72.

[36] *Бліфельд Д. І.* Дослідження древнього Белгорода.— АП УРСР, 1955, т. 3, с. 29—36.

[37] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече в 1957 г.— КСИИМК, 1960, № 79, с. 27—34.

[38] *Сымонович Э. А.* Раскопки поселения Ломоватое 2.— КСИИМК, 1960, № 79, с. 21—26.

[39] Історія Києва. К., 1959, т. 1; *Мишко Д. І.* Соціально-економічні умови формування української народності. К., 1963, и др.

[40] *Рыбаков Б. А.* О двух культурах русского феодализма.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 23—33.

[41] Актуальные проблемы истории России. М., 1970; Проблемы истории феодальной России. Л., 1971; Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

XIII—XV вв., особенно Северо-Восточной. Изучались факторы, влиявшие на внутреннее положение, в частности, степень влияния золотоордынского завоевания [42].

Определенным этапом в изучении исторического развития периода конца XIII—XIV в. стал выход в свет монографии И. Б. Грекова [43]. На материалах письменных источников автор по-новому переосмыслил процессы политической жизни восточноевропейских стран. Рассматривая историю этого периода в глубоком диалектическом единстве двух тенденций — обособления и единения, он пришел к выводу, что «восточноевропейский исторический процесс развивался не только по линии создания многонациональных государств и обособления различных частей русской земли, но и по линии сохранения и поддержания их единства» [44]. И. Б. Греков подчеркивает общность процессов, происходивших в древнерусских землях в идеологии, социальном, культурном и этническом развитии. Все вместе взятое позволяет говорить о возникновении на рубеже XIV—XV в. предпосылок для дальнейшего формирования трех братских народностей — украинской, русской и белорусской и о сохранении общей основы их родственной близости, «о сложившихся уже условиях для образования исторически устойчивой семьи восточнославянских народов» [45]. Выводы И. Б. Грекова имеют принципиально важное значение для понимания процесса формирования материальной культуры и для объяснения многих явлений в ее развитии.

В сравнительно-историческом плане интересны и такие работы, как коллективный двухтомник по истории культуры XIII—XV вв. Северо-Восточной и Северо-Западной Руси [46] и монография А. Л. Шапиро, посвященная проблемам социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. [47]

На фоне фундаментальных разработок последнего десятилетия явным диссонансом прозвучали выводы Л. Н. Гумилева [48] о роли золотоордынского завоевания в истории Руси. Игнорируя данные письменных источников и археологических раскопок, он пытался преуменьшить масштабы разорений городов Северо-Восточной Руси, почти полностью умолчав о разгроме южнорусских княжеств. По меньшей мере недоумение вызывают утверждения автора о том, что Киев был разрушен только потому, что «киевляне убили парламентеров» [49], а города, сдавшиеся на милость победителя, были бы нетронуты.

Против антинаучной постановки вопроса о роли нашествия Золотой Орды в истории Руси выступил Б. А. Рыбаков. Он аргументированно показал, что попытка Л. Н. Гумилева выжать «из лжи истину» беспочвенна. Она противоречит данным науки, в частности археологическим материалам [50].

Построения Л. Н. Гумилева полностью опровергаются и теми новыми археологическими источниками, которые были введены в научный оборот в последние десятилетия и в значительной мере дополнили наши знания о положении южнорусских земель во второй половине XIII—XIV в.

[42] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы...; *Черепнин Л. В.* Монголо-татары в Азии и Европе...

[43] *Греков И. Б.* Восточная Европа...,

[44] Там же, с. 482.

[45] Там же.

[46] Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969—1970, ч. 1/2.

[47] *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977.

[48] *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.

[49] Там же, с. 194.

[50] *Рыбаков Б. А.* О преодолении самообмана (по поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства». М., 1970).— ВИ, 1971, № 3, с. 154.

Исследования, базисом которых послужили эпиграфические и нумизматические находки, существенным образом конкретизировали представления о торгово-экономических и культурных явлениях второй половины XIII—XV в. Речь идет о монографии Н. Ф. Котляра [51], посвященной денежному обмену на территории Украины в эпоху феодализма (особый интерес в ней представляет раздел о монетах Владимира Ольгердовича), и монографиях С. А. Высоцкого о граффити Софии Киевской [52]. Хотя мы подробно останавливаемся на последних в разделе «Письменные источники», необходимо отметить, что С. А. Высоцкий по данным нового источника — граффити — прослеживает культурную преемственность между Древней Русью и последующим временем, продолжение развития южнорусских земель на основе традиций прошлого, несмотря на все неблагоприятные факторы золотоордынского господства.

К аналогичным выводам на основе детального анализа военного дела Руси XIII—XV вв. пришел А. Н. Кирпичников [53]. Его работа написана на удачном синтезе археологических, письменных и изобразительных материалов и исследует очень важный аспект проблемы, учитывая огромное значение военных факторов именно в эту эпоху. Автор указывает, что цель его книги — проследить, что же сохранилось и что утрачено в XIII—XV вв., ведь именно «вооружение, да и все военное дело справедливо считаются показателями жизнестойкости народа» [54]. Рассмотрев материалы северо-востока и юго-запада Руси 1240—1525 гг. и ретроспективно относящиеся к этому периоду, А. Н. Кирпичников приходит к выводу, что, несмотря на «тяжкие последствия завоевания», упадка не было. Напротив, военное дело в середине и второй половине XIII в. развивается с поразительной интенсивностью [55]. Хотя автор и отмечает влияние кочевников на некоторые детали вооружения и оснащения, однако оно было незначительным и эпизодическим. Основное воздействие продолжал оказывать тот взлет военно-технического развития, который наблюдался перед нашествием в XII—XIII вв. [56]

А. Н. Кирпичников совершенно справедливо указывает, что так называемый монгольский период в истории русского военного искусства был сконструирован дореволюционными оружиеведами в ту пору, когда практически отсутствовали археологические находки XIV—XV вв. [57] Хотя А. Н. Кирпичников считает, что после нашествия происходит географическое смещение центров ремесла — «его представители отхлынули из районов Среднего Поднепровья» [58] в Галицко-Волынское и северо-восточные княжества, в район Пскова и Новгорода, он тем не менее не пишет о полном упадке или перерыве в развитии военного дела Поднепровья. Недостаток южнорусского военного снаряжения для детального изучения не помешал автору рассматривать этот район в единстве с другими, лучше известными по источникам русскими землями.

Мысль о переселении части жителей южных районов Киевщины и Переяславщины под угрозой постоянных набегов золотоордынских отрядов в Полесье и северовосточные русские земли про-

[51] *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму. К., 1971.
[52] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. К., 1966, вып. 1; *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв). Киев, 1976.
[53] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
[54] Там же, с. 6.
[55] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв., с. 7.
[56] Там же, с. 11.
[57] Там же, с. 99.
[58] Там же, с. 95.

водится и в монографии П. П. Толочко о Древнем Киеве [59]. Это обстоятельство, как считает автор, «естественно приводило к торможению экономической и политической жизни Поднепровья» [60]. В то же время П. П. Толочко отрицает полное запустение Киева. Анализируя ряд источников, непосредственно относящихся к Киеву, он приходит к выводу, что, несмотря на тяжелые времена, город продолжал оставаться главным экономическим и культурным центром Среднего Поднепровья и религиозным центром Руси [61].

Вышеприведенные исторические выводы находят глубокое подтверждение в археологическом материале. Его накопление в процессе широких археологических исследований 60—70-х годов позволило перейти к интерпретации находок на более высоком уровне, чем в 50-е годы.

Появляются публикации А. И. Кубышева [62] о раскопках Комаровского поселения и могильника, Г. Г. Мезенцевой [63] — детинца Белгорода, П. П. Толочко и С. Р. Килиевич [64] — могильника на Старокиевской горе (Киев), И. И. Мовчана [65] — околицы Выдубецкого монастыря (Киев) и некоторые другие.

В этих работах в той или иной мере предприняты попытки выделения признаков материальной культуры XIII—XV вв.: типа жилищ и их устройства, характеристики изделий из железа, керамики и т. д.

Важное значение, особенно для анализа керамического материала, имела статья М. П. Кучеры [66]. На основании привлечения значительного количества материалов Среднего Поднепровья, Побужья и Поднестровья М. П. Кучера выделил две группы кухонной керамики, причем, как явствует из статьи, на территории Южной Руси наиболее распространенной была вторая группа.

Аналогичное описание признаков этой группы горшков дал А. Р. Тищенко [67]. Новым в его работе было изучение технологии, орнаментации и формальных особенностей керамики в процессе ее развития, выделение характерных черт посуды второй половины XIII—XV в. в целом. Интересна и попытка расчленить керамику по отдельным хронологическим периодам, например XIII—XIV и XV в. Автор пришел к выводу, что после нашествия Батыя гончарство быстро восстановилось, при этом важнейшие достижения древнерусских мастеров не были забыты [68].

[59] *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1976, с. 204.

[60] Там же.

[61] Там же, с. 203.

[62] *Кубышев А. И.* Раскопки поселения X—XV ст. у с. Комаровка.— АИУ 1965—1966 гг., 1967, вып. 1, с. 24—27; *Кубышев А. И.* Раскопки средневекового поселения XI—XV вв. у с. Комаровка.— АИУ 1967 г., 1968, вып. 2, с. 49—51; *Кубышев А. И.* Исследования Комаровского поселения X—XV вв. в 1968 г.— АИУ в 1968 г., 1969, с. 239—242; *Кубишев А. І.* Робота Комарівського загону Давньоруської експедиції.— Укр. іст. журн., 1969, № 8, с. 158—159; *Кубишев А. І.* Комарівське поселення XI—XV ст.— В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей (Результати польових археологічних досліджень 1970—1971 рр. на території України). Одеса, 1972, с. 339—341.

[63] *Мезенцева Г. Г.* Новые исследования древнего Белгорода Киевского.— АО 1968 г. М., 1969, с. 329—330.

[64] *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Археологические раскопки на Старокиевской горе.— АИУ 1968 г., 1971, вып. 9, с. 234—237; *Кілієвич С. Р.* Дослідження Старокиївської гори.— В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 28—39.

[65] *Мовчан І. І.* Археологічні дослідження на Видубичах.— В кн.: Стародавній Київ, с. 80—106.

[66] *Кучера М. П.* Про одну групу середньовічної кераміки на території УРСР.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. К., 1969, с. 174—181.

[67] *Тищенко А. Р.* Древнерусская и украинская керамика X—XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Киев, 1969, с. 26.

[68] Там же, с. 28.

Обширные археологические материалы по древнерусским памятникам, а также первые результаты исследований м риалов XIII—XV вв. позволили В. И. Довженку и П. П. Толочко выделить три типа памятников: уничтоженные полностью; разрушенные, но возрожденные населением, которое частично или полностью уцелело; те, которые не были разрушены [69].

В. И. Довженком была сделана попытка выделения «особого района древнерусских поселений с особыми топографическими условиями, сохранившими их от татарского погрома» [70], на основе анализа топографии ряда памятников в южной части Среднего Поднепровья. Привлечение данных топонимики Южной Руси, исследование некоторых явлений материальной культуры привело авторов к выводу о существовании культурной преемственности между древнерусским и последующим периодом.

Краткий обзор историографии показывает, что к настоящему времени исторической наукой достигнуты значительные успехи по ряду коренных проблем, прежде всего в изучении роли нашествия восточных кочевников в середине XIII в. и его влияния на политическое и социально-экономическое развитие русских земель, в том числе и южнорусских. Однако исследования конкретных аспектов — состояние ремесла, торговли, земледелия, домостроительства и т. д.— упирались в недостаток источников и почти не проводились.

Пополнение источниковедческой базы в последние десятилетия за счет данных археологии, а также эпиграфики и нумизматики пока не нашло достаточного отражения на страницах сочинений историков и археологов. Были сделаны лишь первые попытки систематизации материала, выделения признаков материальной культуры. В связи с этим насущной задачей остается исследование проблем истории материальной культуры, экономического развития Южной Руси.

Письменные источники. Разработка вопросов исторического развития южнорусских земель во второй половине XIII—XIV в. невозможна без привлечения как археологических, так и письменных источников (летописей, актов, сообщений иностранных авторов и т. п.).

Сохранившиеся документы не раз были предметом специального источниковедческого анализа в трудах дореволюционных и советских исследователей (А. А. Шахматова, С. К. Шамбинаго, М. Д. Приселкова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, Л. Н. Насонова, В. В. Мавродина, А. А. Зимина и др.) и интерпретировались в исторических сочинениях в связи с изучением тех или иных проблем.

Настоящий краткий обзор также подчинен задачам работы, что определяет интерес в первую очередь к экономике (развитие ремесла, торговли), культуре, исторической географии и в меньшей степени — к политике.

Наиболее ценными письменными источниками продолжают оставаться летописи. Все они сохранились только в позднейших списках или в составе более позднего свода. От конца XI до конца XV в., как известно, ни один летописный свод до нас не дошел [71].

[69] *Довженок В. И., Толочко П. П.* Киев и Южная Русь в эпоху феодальной раздробленности.— В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей (Результати польових досліджень 1970—1971 рр. на території України). Одеса, 1972, с. 48—50; *Довженок В. И.* Основні питання стародавньої історії Русі.— В кн.: Археологія УРСР. К., 1975, т. 3, с. 420—421; *Довженок В. И.* Среднее Поднепровье после монголо-татарского нашествия.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 76—82.

[70] *Довженок В. И.* Среднее Поднепровье.., с. 82.

[71] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 14.

Уже первичное ознакомление с документами позволяет говорить о том, что золотоордынское завоевание не только подорвало экономическое и политическое положение Южной Руси, но и привело к упадку культурной жизни общества — настолько малочисленны и скудны они в повествовании. Исторические события середины XIII в. отразились на развитии летописания, содержании и характере произведений. После нашествия Батыя прекращается ведение летописи в таких центрах, как Киев и Чернигов. Центр южнорусского летописания перемещается на юго-запад.

Погодные записи известных сводов кратки и не отражают сложных перипетий истории. Как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, вторая половина XIII — первая половина XIV в.— время безыдейности в летописании [72], вызванном прежде всего экономическими и духовными тяготами иноземного ига, которое, по словам К. Маркса, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа»[73].

Во второй половине XIV в., особенно в 90-е годы, происходит возрождение политической и идеологической жизни феодальной Руси, явившееся непосредственным следствием Куликовской битвы и ослабления позиций Золотой Орды. Записи, относящиеся к этому периоду, более пространны; рождаются и новые документы, подчеркивающие прежнее единство древнерусских земель, значение Киева.

Содержание и южнорусских (Ипатьевская и Густынская) и северных летописей (Лаврентьевская, Новгородские, Никоновская, Псковская и др.)[74] чаще всего и сводится к кратким записям о рождении и смерти митрополитов и князей (причем последние известны далеко не все), сообщениям о набегах золотоордынских отрядов, поездках князей в Орду, а также о наиболее значительных столкновениях русских войск с золотоордынцами (битва на Ворскле, Куликовская). Во многих списках отсутствуют погодные записи за несколько десятилетий, особенно второй половины XIII в., например в Лаврентьевской летописи.

Политический упадок Киева и Чернигова во второй половине XIII — первой половине XIV в., ослабление связей между Севером и Югом приводило к тому, что летописцы Твери и Владимира, Суздаля и Новгорода имели недостаточную, зачастую искаженную информацию о событиях на юге. Кроме того, каждый из них пытался отразить положение «своего» княжества, выразить интересы его правящей верхушки.

Напомним хотя бы известное сообщение Лаврентьевской летописи под 1300 г. о том, что «митрополит Максим, не терпя татарского насилья, оставя митрополью и сбежа из Киева, и весь Киев разбежался» [75]. Исторически вер-

[72] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 281.

[73] *Marx K.* Secret diplomatic history of eighteenth century. London, 1899. Цит. по кн.: Очерки русской культуры.., с. 8.

[74] ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Троицкая летопись. Спб., 1846; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Густынская летопись. Спб., 1843; ПСРЛ. Т. 3. Новгородские летописи. Спб., 1841; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; ПСРЛ. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись. Спб., 1848; ПСРЛ. Т. 5. Псковская вторая летопись. Софийская первая летопись. Спб., 1851; ПСРЛ. Т. 6. Продолжение Софийской первой летописи. Софийская вторая летопись. Спб., 1853; ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. Спб., 1856; ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Спб., 1859; ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. Спб., 1862; ПСРЛ. Т. 10. Никоновская летопись. Спб., 1885; ПСРЛ. Т. 11. Никоновская летопись (продолжение). Спб., 1897; ПСРЛ. Т. 12. Никоновская летопись (продолжение). Спб., 1906; ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Спб., 1863.

[75] ПСРЛ, т. 1, с. 208; ПСРЛ. 2-е изд., Л., 1927, т. 1, вып. 2, с. 485.

ный факт переезда митрополита Максима, действительно связанный с уменьшением роли Киева в этот период, летописец, явно преувеличивая (это доказывают исторические и главным образом археологические материалы), соединяет с уходом из города всего населения. Тем не менее сообщение летописца долго служило камнем преткновения для историков в оценке судьбы Киева во второй половине XIII—XV в.

Несколько более подробно излагаются события, связанные с литовским завоеванием. Здесь важность сообщений измеряется не только подробностями описания тех или иных походов, сведениями историко-географического плана, но сопоставление таковых с археологическими данными позволит сделать шаги в направлении создания историко-археологической карты Южной Руси XIII—XIV вв., столь нужной для решения ряда проблем.

Особенно важным документом историко-географического характера является «Список русских городов, дальних и ближних», помещенный в Новгородских I [76] и IV, Ермолинской и Воскресенской летописях, в сборнике Новгородского Софийского собора 1602 г., своде 1518 г. (Уваровской, Псковских летописях), а также в составе некоторых «Летописцев вкратце».

Исследователи этого документа высказывают различные мнения по поводу датировки и места создания «Списка». Так, например, Л. В. Черепнин придерживался мнения о северо-восточном происхождении «Списка» [77]. М. Н. Тихомиров считал его детищем Новгорода [78]. А. В. Подосинов, исследуя принцип построения «Списка», высказал мнение о «если не прямо смоленском происхождении» этого документа, «то, по крайней мере, какой-то близкой связи его автора со Смоленском» [79]. Б. А. Рыбаков привел убедительные доказательства относительно южнорусского происхождения «Списка». Он, в частности, писал, что «автора надо искать на Киевщине и Волыни» [80], так как в нем Москва, Новгород Великий и другие названы городами Залесской земли. Южнорусским считают «Список» А. Н. Насонов и Е. П. Наумов [81]. Разделяя мнение исследователей, отстаивающих южнорусское происхождение документа, мы присоединяемся и к точке зрения Б. А. Рыбакова о датировке «Списка», а именно 1395—1396 гг., так как только в 1394 г., пишет он, «Киевский князь Владимир Ольгердович получил литовский город Копыл», который показан в «Списке» уже в числе киевских городов [82].

Вероятнее всего документ был составлен либо митрополитом Киприаном, стремившимся удержать и Киев и Москву в рамках единой митрополии [83], либо в его канцелярии в Киеве, что убедительно доказано Б. А. Рыбаковым и И. Б. Грековым [84]. «Список» киевских городов (71 название), по мнению

[76] По мнению М. Н. Тихомирова, список, помещенный в этой летописи, наиболее точен (*М. Н. Тихомиров.* Списки русских городов, дальних и ближних.— Исторические записки, 1952, № 40, с. 218—220).

[77] *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства. М., 1960, с. 442.

[78] *Тихомиров М. Н.* Списки русских городов, дальних и ближних, с. 219.

[79] *Подосинов А. В.* О принципах построения и месте создания «Списка русских городов, дальних и ближних».— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 46.

[80] *Рыбаков Б. А.* Просвещение на Руси в XIII—XIV вв.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1972, ч. 2, с. 205.

[81] *Насонов А. Н.* Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник.— В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1961, т. 9, с. 354—355; *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов, дальних и ближних».— В кн.: Летописи и хроники, 1973. М., 1974, с. 150—163.

[82] *Рыбаков Б. А.* Просвещение.., с. 203.

[83] Там же, с. 204.

[84] *Рыбаков Б. А.* Просвещение.., с. 205; *Греков И. Б.* Восточная Европа.., с. 345—386.

Б. А. Рыбакова [85], отражает владения князя Владимира Ольгердовича Киевского в 1392—1394 гг. и дает ясное представление о численности городов в границах Киевщины. Необходимо отметить, что в понятие киевских входят и многие города, принадлежавшие Черниговскому и ранее существовавшему Переяславскому княжеству, практически объединенные в государстве Владимира Ольгердовича конца XIV в. Описание городов привязывается к рекам и не обусловлено значимостью того или иного города. Смещены и расстояния между населенными пунктами: рядом могут стоять города, отделенные десятками километров.

Стержнем документа является идея единства всех русских земель, обоснование его древних корней. Автор хорошо понимает значение Киева в истории Руси, что еще раз подчеркивается подробным перечислением Киевских святынь. Несомненно прав Е. П. Наумов, который отмечал, что уже в конце XIV — начале XV в. «Список» стал играть роль важного памятника русской общественно-политической мысли, близкого по своей идейной направленности к «Задонщине» [86].

Если «Список» имеет широкое общерусское звучание, то такой памятник XIV в., как «Любецкий синодик» *, отражает политическую и экономическую обстановку только Черниговского княжества. Благодаря довольно подробному перечислению уделов мы имеем ценный список населенных пунктов XIV в. В «Синодике» записаны и многие черниговские князья от Мстислава Владимировича до Романа Михайловича и некоторые удельные. В свою очередь данные о дальнейшем дроблении Черниговщины свидетельствуют о негативном влиянии ига на хозяйственно-экономическое и политическое положение этой земли. В этом же ключе надо рассматривать и данные о тяжелом состоянии, порой запустении многих городов и сел Черниговщины, приведенные летописцем в «Житии Михаила Черниговского» **: «...мнозии града попленены быша, иже и доныне места их стоят пуста, и многыа монастыри, и честныа церква и села от того нечестиваго Батыева плениа запустеша и ныне лесом заростоша» [87].

Кроме собственно русских летописей представляют интерес произведения этого плана других народов, прежде всего литовские и польские.

В первую очередь следует упомянуть «Хронику» польского историка М. Стрыйковского [88] и «Литовскую и жмойтскую кронику» [89]. Первая — легла в основу «литовской и жмойтской кроники» и более достоверна в датировках и описаниях событий [90].

Главное место в разделах, посвященных взаимоотношениям с Южной Русью, отводится описанию походов литовских князей вместе с русскими войсками как против золотоордынских ханов, так и о завоевании южнорусских земель в середине XIV в. В этой связи летописцем приводятся и некоторые географические данные, названия на-

[85] *Рыбаков Б. А.* Просвещение.., с. 203.
[86] *Наумов Е. П.* К истории.., с. 157.
* «Любецкий синодик» был опубликован Филаретом в «Историко-статистическом описании Черниговской епархии» в 1874 г., кн. 5, с. 35—47, и других изданиях. Подробное изложение и интерпретация его дана в работе: *Золотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

** «Житие Михаила Черниговского» в том или ином объеме и варианте содержится в списках многих русских летописей.
[87] ПСРЛ, т. 15, с. 386.
[88] *Stryjkowski M.* Kronica polska, litewska, żmodzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846, t. 1/2.
[89] ПСРЛ, т. 32.
[90] *Улащик Н. Н.* «Литовская и жмойтская кроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйского.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 357—365.

селенных пунктов: Житомир, Белгород, Снепород (Слеповрон), Канев, Черкассы, Переяславль, Белая Церковь и др.

Исторические события XIII—XIV вв. нашли свое отражение и в «Хронике Быховца» [91], однако их описание почти не отличается от текстов «Литовской и жмойтской кроники».

Рассказы современников о походах Золотой Орды на Русь приводятся и в арабских и в персидских летописях.

Арабские авторы, помимо описаний походов, независимо от русских летописцев также обратили внимание на специфические особенности политики Золотой Орды на покоренных землях. Весьма важным является и признание того, что нашествие необходимо рассматривать в качестве длительного процесса, а отнюдь не единовременного акта. Так, Элеомари писал, что золотоордынские отряды «продолжали свои набеги в течение всего периода завоевания и оставляли в покое земли, принадлежавшие тому или иному князю, если тот обращался к хану с повиновением и подарками» [92]. Из сочинений персидских авторов наиболее подробные и точные сведения у Рашид-ад-Дина [93].

Помимо произведений летописного плана важное значение среди других источников имеет актовый материал. К сожалению, акты и грамоты второй половины XIII в. почти не сохранились. Исключение составляет несколько грамот галицко-волынских князей, которые могут быть использованы косвенно по отношению к южнорусским землям. Они представляют собой иллюстрации дальнейшего поступательного развития феодализма на юго-западе, усиления роста феодального и церковного землевладения [94].

Аналогичные грамоты имеются и XIV в., но в значительно большем количестве [95]. Текст одной из южнорусских грамот (1390 г.), данной князем Владимиром Ольгердовичем богатому феодалу из рода Рожиновских, приведен в грамоте князя Олелько (Александра) Владимировича (первая половина XV в.) [96]. Документ раскрывает основные черты феодального развития южнорусских земель: рост землевладения феодалов, укрепление права наследования на землю и т. д. Грамота представляет и важные историко-географические сведения: в ней приводятся некоторые топонимы Киева, что позволяет уточнить данные о его территории во второй половине XIV в., названия ряда населенных пунктов Киевщины, в том числе не известные по летописи. Некоторые из них, вероятно, возникли в этот период.

Определенную ценность представляет и такая разновидность актового материала, как ярлыки золотоордынских ханов русским князьям и митрополитам [97], однако они в большей степени касаются политической истории, в частности организации власти Золотой Орды на завоеванных территориях.

Новыми источниками, найденными совсем недавно, являются граффити Софии Киевской XIII—XIV вв., ставшие предметом специального исследования С. А. Высоцкого [98].

[91] ПСРЛ, т. 32; см. также: Хроника Быховца. М., 1966.

[92] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлеч. из соч. арабск. авт. Спб., с. 503.

[93] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952, т. 1, кн. 1.

[94] Памятники русского права XII—XV вв. М., 1953, вып. 2, с. 25—28.

[95] Грамоты XIV века. Киев, 1974.

[96] *Rulikowski E.* Opis powiatu Wasylkowskiego. Warszawa, 1853, с. 33—35; текст грамоты см. также: *Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864, с. 190—191.

[97] *Березин И. И.* Ярлыки ханские. Казань, 1851; Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуя.— В кн.: Зап. отд. Рус. археол. о-ва. Спб., 1889, т. 3.

[98] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи..., *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи...

Обнаружено 75 надписей, которые располагались в главном алтаре, Михайловском и Георгиевском приделах собора, а также в южной галерее и на хорах. Только три из них имеют даты: 1246, 1259, 1285 гг., остальные датируются по палеографическим признакам XIII—XIV вв. «Судя по количеству и графике софийских граффити конца XIII в.,— указывает С. А. Высоцкий,— на них мало отразилось нашествие...» [99], однако тематика надписей все же претерпевает некоторые изменения. Хотя в целом надписи представлены поминальными, памятными, благопожелательными и относящимися к фрескам второй половины XIII в., «они приобретают все более узкоцерковный характер» [100], а среди граффити особенно чувствуется «рука софийских клириков» [101].

Несмотря на изменения в контингенте авторов надписей, они позволяют сделать некоторые интересные наблюдения социальной структуры, культурного уровня прихожан и духовенства. Особенно важны граффити, начертанные простыми жителями Киева, как, например, забойника Лазаря (61), а также женские — запись Агафии (60) и безымянная (219), которые свидетельствуют о грамотности женщин и низших слоев общества.

Следует подчеркнуть, что в соборе найдено только четыре женские надписи, две из которых относятся к XIII—XIV вв.

С. А. Высоцкий отметил важную деталь, что в надписях XIII—XIV вв. встречается ряд имен, терминов и выражений, сближающих их с летописями, «Русской правдой» и другими памятниками древнерусской письменности [102], что, в свою очередь, говорит о продолжении традиций Древней Руси и «опровергает тезис буржуазной историографии о полном замирании жизни Киева» в этот период.

Весьма интересной группой источников, требующих подчас осторожного подхода, являются известия западноевропейских путешественников-миссионеров, посланцев папской курии, отправленных для заключения договора с Золотой Ордой и вовлечения Руси в лоно католической церкви. Часть этих сведений касается исключительно подготовки походов на Русь, как, например, у венгерского миссионера Юлиана [103]. В других, в частности в труде французского посланца Вильгельма де Рубрука, приводятся данные об опустошении южнорусских земель в результате нашествия [104].

Наиболее важными для нас представляются записки францисканского монаха Плано Карпини [105]. Как известно, путь Карпини в Орду проходил через земли Южной Руси. Был он и в Киеве, в 1246 г., в самые трудные времена, когда верхний город лежал в руинах.

Путешественник сообщает, что завоеватели «произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей» [106].

Очень интересны сведения о Киеве. С одной стороны, Карпини отмечает, что «город сведен почти ни на что: едва существует там 200 домов...» [107], с другой — подчеркивает сохранение некоторого политического и торгового значения города. В рассказе о Киеве Карпини указывает: «Мы прибыли в Киев,

[99] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи..., с. 260.
[100] Там же.
[101] Там же, с. 263.
[102] Там же, с. 106.

[103] *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе.— Исторический архив. М.; Л., 1940, т. 3, с. 71—332.
[104] *Рубрук В.* Путешествие в Восточные страны. Спб., 1911.
[105] *Карпини Плано.* История монголов. Спб., 1911.
[106] Там же, с. 45.
[107] Там же, с. 25.

который служит столицею Руссии...»[108]. Упоминаются им и «многие купцы» из разных стран, встреченные в городе, что дает возможность говорить о торговых связях Киева и с Западом (Австрия, Польша, Италия, Франция) и с Востоком (Византия) даже вскоре после нашествия. Ведь ко времени прибытия Плано Карпини в Киев прошло всего 6 лет с того момента, когда город был взят Батыем.

Весьма важны и некоторые замечания Плано Карпини о политике завоевателей по отношению к ремесленникам: угон их в плен и использование в Золотой Орде. На это высказывание обратил внимание в свое время Б. А. Рыбаков. В сочетании с данными раскопок они проливают свет на специфику развития городского и сельского ремесла южнорусских земель во второй половине XIII—XIV в. а также раскрывают некоторые истоки ремесла средневекового Поволжья.

Тяжелая картина массовых убийств и насилий встает перед читателем при описании Карпини той южнорусской территории, которую он проезжал. Правда, в Киеве и непосредственно вблизи его завоевателей в этот период не было, но следы разорений видны были на каждом шагу. Находился под их властью и Канев, неподалеку от которого в Поднепровье на правом берегу кочевала орда Куремсы, на левом — Мауцы.

Приведенный краткий обзор письменных источников еще раз показывает, сколь слабо можно представить по ним историческое развитие южнорусских земель второй половины XIII—XIV в. Лаконизм, политическая направленность летописных и других материалов в значительной степени затрудняют изучение социального и экономического аспектов. Даже при учете русских и иностранных авторов выкристаллизовываются только единичные сообщения о ремесле, торговле или сельском хозяйстве.

Более широки данные историко-географического характера, содержащиеся во многих документах и представляющие интерес для уточнения территории, степени заселенности по сравнению с древнерусским временем, предшествующим нашествию. Они необходимы и для сопоставления летописных пунктов с местонахождением археологических памятников. В целом состояние нарративного фонда таково, что только привлечение новых источников и прежде всего археологического материала способно привести к положительным сдвигам в исследовании одного из малоизученных периодов нашей истории.

Археологические памятники*. Памятники второй половины XIII—XIV в. долгое время не привлекали внимание исследователей. Планомерные работы по их выявлению не проводились. Однако в процессе изучения других исторических периодов накапливались материалы, открывались новые памятники, составившие значительный фонд источников.

Первые находки относятся к 30-м годам, когда при раскопках в Киеве на Замковой горе была выделена не известная ранее керамика, условно датированная польско-литовским временем.

В послевоенные годы в ходе разведок собраны новые коллекции. В 1946 г. В. К. Гончаровым на р. Роставице (Житомирская обл.) обследованы два городища близ с. Белиловка. На поверхности и в культурном слое найдены фрагменты керамики, предположительно датированные автором XIV—XVI в.

[108] *Карпини Плано.* История монголов, с. 45.

* Подробное описание памятников по пунктам и ссылки на архивный материал, литературу и коллекции фондов даны в «Списке археологических памятников», помещенном в Приложении. Номера списка соответствуют номерам пунктов, указанных на карте (рис. 1).

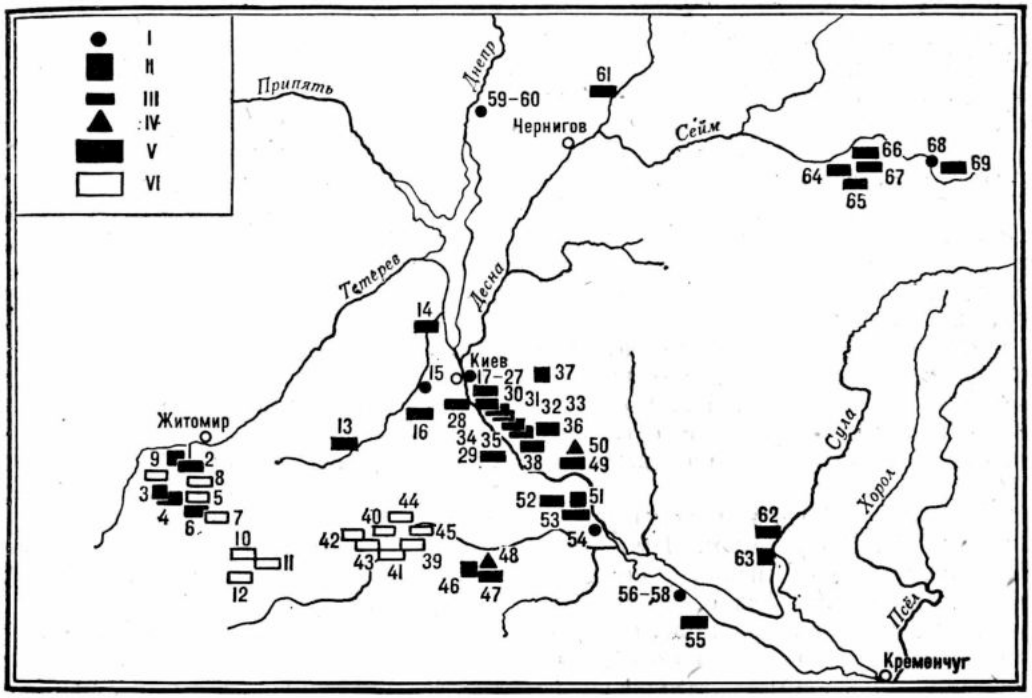


Рис. 1. Археологические памятники XIII—XV вв. (1—69).
I — города; II — городища; III — селища; IV — могильники; V — датированные памятники; VI — памятники, датировка которых не совсем ясна.

В следующем полевом сезоне Р. И. Выезжев провел рекогносцировку на городищах у сел Троянов и Пятки и селищах близ этих пунктов, а также у сел Сосновка, Слободище, Короченки, Великий Шумск и других по р. Верхний Тетерев и нижнему течению р. Гнилопять на Житомирщине. Полевые сборы дали керамику, относившуюся, по мнению автора, к XIV—XV вв. К сожалению, коллекции В. К. Гончарова и Р. И. Выезжева не сохранились. Четких описаний и иллюстративного материала в отчетах и публикациях нет, что позволяет использовать эти пункты только в плане исторической географии и для карты памятников *.

Расширение изучения древнерусских городов в конце 40-х — начале 50-х годов положительно сказалось и на накоплении археологических остатков исследуемого времени.

Во время работы экспедиции «Большой Киев» в 1948 г. на Замковой горе отряду под руководством В. А. Богусевича удалось зафиксировать остатки постройки, датированной по керамике XIV—XV вв. Значительная коллекция обломков горшков и некоторых других видов посуды собрана при исследовании двух древнерусских жилищ. Керамика встречалась и на полу, в заполнении и в прилегающем культурном слое. Хронология ее подтверждается находками

* Пункты, датировка которых может быть установлена на сегодняшний день предварительно, ввиду утраты коллекций или неполноты отчетных данных, обозначены на карте незачерненными фигурами, а в списке после их описания поставлен вопросительный знак.

монет XIV—XV вв. Несмотря на разобщенность материалов и перемешанность культурного слоя, значение находок велико. Весьма важно и то, что они относятся к территории Верхнего города и исторически связаны со строительством замка, известного по летописям и воспоминаниям путешественников.

В. А. Богусевичем проведены также интенсивные исследования Подола. При разборе его коллекций автором выделены находки керамики XIV—XV вв.

Кроме Киева велись раскопки ряда других городов. На территории детинца древнего Белгорода Д. И. Блифельд обнаружил два жилища с остатками печей, датированные по керамике XIII—XIV вв.

Слой XIV—XV вв. выявлен и в Путивле Д. Т. Березовцом. Им же при обследовании славянских памятников Путивльщины близ с. Волынцево в уроч. Стан найдено жилище, которое, по мнению исследователя, на основании инвентаря может быть датировано не позднее XIV в. В постройке обнаружены изделия из железа, кости, обломки крестов, керамика.

При раскопках Любеча Б. А. Рыбаковым зафиксировано наличие культурного слоя, датирующегося по монетам XIV—XV вв.

В середине 50-х годов проведены крупные раскопки древнерусских памятников Поросья. Выделение материалов второй половины XIII—XIV в., полученных при этих исследованиях, сделано в конце 60-х годов М. П. Кучерой. Наиболее интересными представляются результаты исследований городища и селища у хут. Половецкий Богуславского р-на Киевской обл. Здесь зафиксированы остатки построек, найден многочисленный хозяйственный инвентарь, оружие, военное снаряжение. Вблизи поселений обнаружен могильник, часть погребений которого также относится к XIII—XIV вв. Тщательное изучение кухонной посуды этого памятника, ранее датированной древнерусским временем, ее аналогии с соколецкими сосудами [109] позволили автору говорить не только о наличии здесь древнерусского, но и последующего культурного слоя.

Отдельные находки керамики этого времени и несколько более позднего отмечены на месте летописного Воиня, близ с. Воинцы, ныне затопленного водами Кременчугского водохранилища, а также близ сел Григоровка и Бучак Каневского р-на Черкасской обл.

В результате обследования районов затопления в зоне строительства Каневской ГЭС собран подъемный материал и прошурфованы многие памятники, такие как поселение у с. Козин Обуховского р-на, а также поселения у сел Процев, Жовтневе, Вишенки, Гнедин, Бортничи Бориспольского р-на Киевской обл.

На Черкасщине, близ с. Ломоватое, при раскопках черняховского поселения Э. А. Сымоновичем выявлен культурный слой XIII—XIV вв., зафиксированы контуры постройки. В ней, а также на прилегающей территории найдены орудия труда, оружие, обломки горшков и кувшинов.

С 1966 г. продолжались раскопки древнего Белгорода под руководством Г. Г. Мезенцевой, которые дополнили материалы XIII—XIV вв., выделенные Д. И. Блифельдом. Были открыты еще два жилища, в которых найден многочисленный инвентарь, керамика.

Очень важные памятники открыты в 1964 г. Д. Т. Березовцом и Е. А. Петровской. Речь идет о поселении и могильнике у с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. Затем они были обследованы сотрудниками Каневской экспедиции В. И. Довженком, Р. А. Юрой, Е. А. Петровской, П. П. Толочко, А. И. Кубышевым. Ста-

[109] *Кучера М. П.* Середньовічне городище біля с. Сокільці на Південному Бузі.— Археологія, 1965, т. 19, с. 210.

ционарные раскопки в течение ряда лет велись Комаровским отрядом под руководством А. И. Кубышева *. И поселение и могильник представляют собой очень ценные объекты для стратиграфических наблюдений, дают интересные сведения о топографии, планировке, устройстве жилищ, хозяйственном развитии села. На нем открыто 12 жилищ, десятки хозяйственных построек и ям, в которых найдены различные орудия труда, предметы домашнего обихода, керамика.

В зоне новостроек на юге Киевщины при обследовании районов Верхнего и Нижнего Белоцерковского водохранилища С. С. Березанской, Г. Т. Ковпаненко, Е. В. Цвек и С. П. Пачковой обнаружены также поселения с поздней керамикой **.

Из других южных памятников известны городища, открытые О. М. Приходнюком, Л. М. Пономаренко и С. К. Рецем в районе Черкасс (гостиница «Турист», Замковая гора, с. Василица), где найдена керамика XIII—XIV вв.

С середины 60-х годов начинается новый этап исследования Киева, связанный с широким масштабом работ Киевской экспедиции под руководством П. П. Толочко, продолжающихся и по сей день. Были открыты остатки постройки на территории Верхнего города (Главный телеграф), каменного здания на Подоле, могильник на Старокиевской горе (С. Р. Килиевич, П. П. Толочко). Стационарные раскопки околицы Выдубецкого монастыря (И. И. Мовчан) показали наличие здесь культурного слоя XIII—XV вв. и более позднего времени. Зафиксированы остатки жилищ, хозяйственные ямы. В них и в культурном слое найдено значительное количество керамических остатков.

* Один сезон начальником Комаровского отряда был П. П. Толочко.

** К сожалению, эти материалы утеряны и более точную датировку керамики дать невозможно.

Продолжались разведки и небольшие раскопки близ Киева. М. П. Кучерой при обследовании селища у с. Демидов Киево-Святошинского р-на и у с. Старое Бориспольского р-на собрана коллекция керамики XII—XIV вв.

Важные находки сделаны при исследовании северо-восточных районов территории. На Черниговщине, близ с. Макишин Городнянского р-на, Е. А. Горюновым открыто поселение, датированное им XIV—XV вв., которое затем вторично обследовано Е. В. Максимовым и Р. В. Терпиловским в ходе поисков памятников киевского типа.

Во время разведок на территории Конотопского р-на Сумской обл. автором совместно с краеведом Б. П. Филипенко открыт ряд селищ, представляющих исключительный интерес. В 1971 г. близ с. Лисогубовка найдены остатки поселения, при раскопках которого (совместно с В. И. Неприной) обнаружены хозяйственные ямы с керамикой XIV—XV вв. Отдельные находки керамики этого времени и XIII в. отмечены у перехода через Озаричский мост, между селами Озаричи и Лисогубовка, а также вблизи дороги Лисогубовка — Выровка.

Центральное место среди открытых памятников занимает поселение у с. Озаричи, полностью раскопанное автором в течение сезонов 1971—1975 гг. Оно возникло еще в древнерусский период и датируется XI—XV в. К XIV—XV вв. относится 16 объектов: 7 жилищ, гончарная мастерская (?) и 8 хозяйственных построек. В них, а также в культурном слое найдено большое количество вещественного материала, характеризующего занятия и быт населения, уровень развития ремесла и сельского хозяйства. Собрана богатая коллекция керамики.

В 1976 г. автором настоящей работы проведены разведочные раскопки на ранее открытых М. П. Кучерой поселениях (Козин, Бортничи, Гнедин, Вишен-

ки), в результате которых получены новые материалы, установлена мощность культурного слоя и его характер.

Последние открытия памятников второй половины XIII—XIV в. связаны с широкими разведывательными работами Среднеднепровской славяно-русской экспедиции в 1979 г. Во время маршрутной разведки по р. Ирпень автором открыты поселения у сел Белогородка и Томашовка, датирующиеся XII—XIV вв.

Всего на территории южнорусских земель в настоящее время известно около 70 памятников (рис. 1): городищ, селищ, могильников, география которых охватывает Черниговщину, Киевщину и Переяславщину второй половины XIII—XIV в. Наибольшая концентрация их отмечается близ Киева, наименьшая — на севере Черниговщины, что отражает неравномерность археологических исследований. Материалы раскопок и разведок неравноценны. Один памятник раскопан полностью (Озаричи), на 16-ти велись стационарные раскопки, на 10-ти — небольшие разведочные раскопки и шурфовка, а остальные известны по коллекциям подъемного материала.

ЮЖНАЯ РУСЬ XIII—XIV вв. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Территория и населенные пункты. Территория Южной Руси хорошо известна по летописям [1]. К середине XIII в. в ее состав входили земли Киевщины, Черниговщины и Переяславщины, границы которых сформировались в основном еще в первой половине XII в.[2]

Эти районы характеризовались довольно высокой плотностью заселения, широкой сетью городов и сел. Ко времени нашествия Батыя в Южной Руси насчитывалось 116 городов, из них в Киевской земле — 45, Черниговской — 46, Переяславской — 25 (рис. 2) [3].

Данные летописей и археологические исследования убедительно показывают, сколь разрушительным было завоевание для этой территории.

Однако последующая судьба многих городов и сел в значительной степени остается неизвестной. Наиболее четкие географические сведения относятся лишь к концу XIV в., когда было проведено своего рода картографирование южнорусских городов (рис. 3) в известном «Списке русских городов, дальних и ближних». Обращает на себя внимание и тот факт, что они приводятся под титром: «А се города Киевские...» [4], ведь к этому времени сложилась такая политическая ситуация, когда Переяславская земля входила в состав Киевского княжества, а Черниговщина, раздробленная на десятки мелких уделов, практически не существовала как опре-

[1] Более подробно о мнениях летописцев см.: *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, № 17, с. 32—40.

[2] Историко-географические сведения о формировании Киевского, Переяславского и Черниговского княжества см. в соответствующих статьях в кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

[3] Историческая география СССР. М., 1973, с. 61.

[4] Летопись по Воскресенскому списку.— ПСРЛ, т. 7, с. 240.

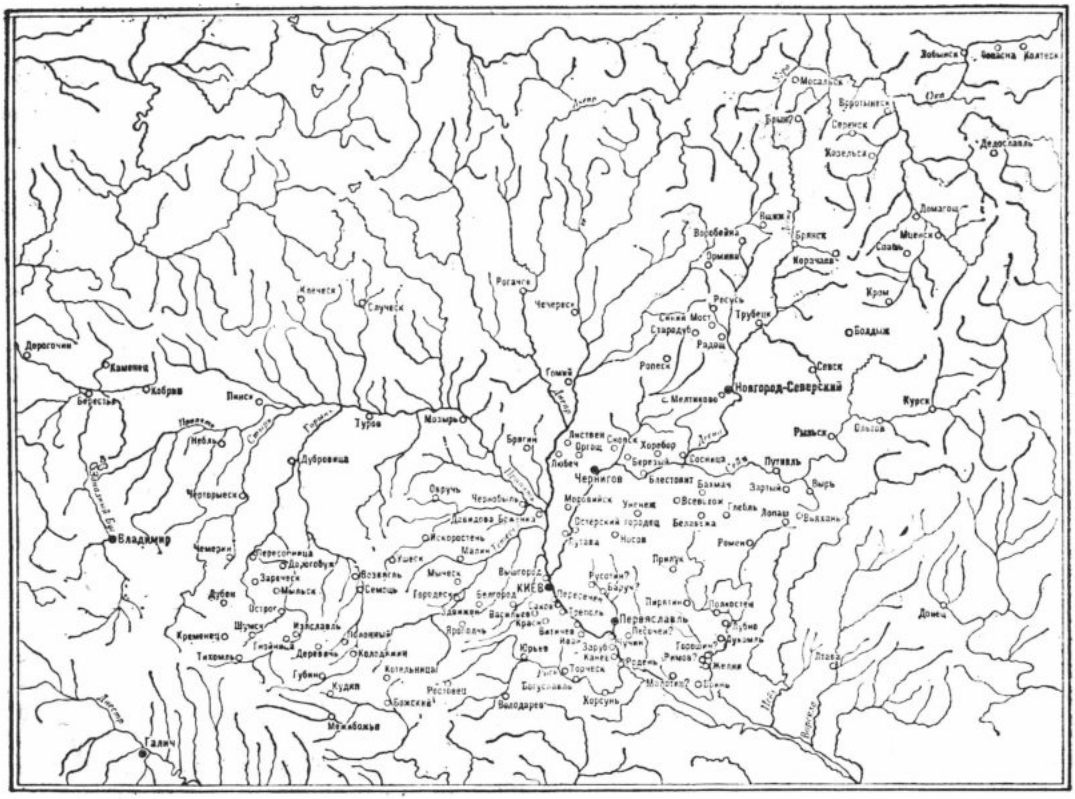


Рис. 2. Города Южной Руси до 1240 г. Основа карты взята из статей П. П. Толочко, А. К. Зайцева и М. П. Кучеры (Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 25, вклейка к с. 80, с. 123).

деленная государственная территория еще с середины XIII в.[5] Кроме того, это свидетельствует о сохранении традиционного значения Киева вплоть до конца XIV в., когда были сильны идеи консолидации и «единство древнерусской народности еще существовало»[6]. Возрастание политического и экономического значения города по сравнению со второй половиной XIII в. позволило рассматривать его современникам как главный город Поднепровья. Всего в списке киевских городов 71 наименование *. Большинство из них знакомы по летописям, другие ранее не встречались ни в одном из источников и возникли в последующее время. Формирование новой карты Южной Руси, перемещение населения внутри и за пределами территории прослеживается в 40-х годах XIII в., после первых походов завоевателей.

Нашествию 1239—1240 гг. предшествовали события 1223 г., когда русские войска впервые встретились с противником на р. Калке и потерпели пора-

[5] *Зайцев А. К.* Черниговская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. с. 117.

[6] *Рыбаков Б. А.* Древние русы.., с. 32.

* Необходимо учитывать тот факт, что в «Списке киевских городов» упоминаются и некоторые города, находившиеся за пределами Киевщины.

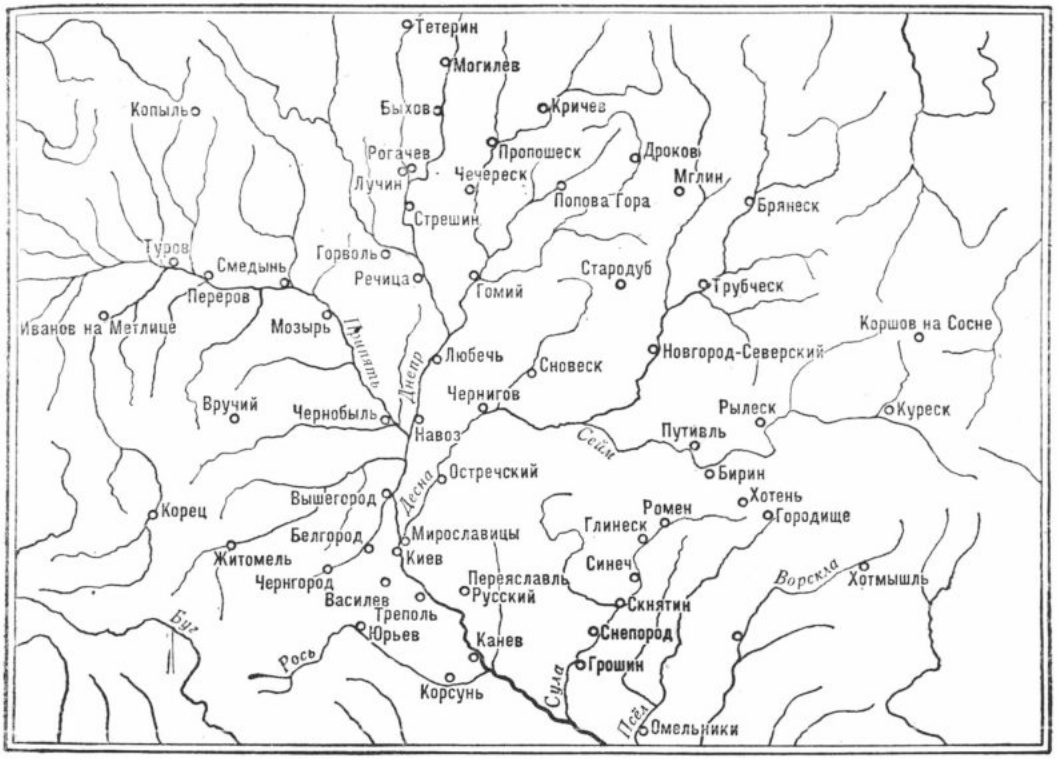


Рис. 3. Города Южной Руси после 1240 г. по данным «Списка русских городов, дальних и ближних». Основа карты взята из статьи М. Н. Тихомирова «Список русских городов, дальних и ближних» (Исторические записки. М., 1952, т. 40, с. 230).

жение. Вражеская конница преследовала остатки княжеских дружин по левобережью Днепра, а как утверждает Ипатьевская летопись, и до «Новагорода Стополчьского»[7]. Во время этого похода неприятель получил возможность ознакомиться с юго-восточными рубежами Руси и их оборонительными сооружениями.

Переяславская земля, расположенная на юго-востоке территории, была форпостом Южной Руси. Естественной границей, отделявшей ее земли от кочевой степи, являлась р. Сула. Вдоль ее проходила цепь оборонительных крепостей, построенных для защиты от печенегов и половцев[8]. Древнерусское население осваивало и более южные земли по берегам Днепра, например, в Надпорожье. На юго-восток от Сулы также располагались многочисленные городища по Пслу, Ворскле, Северскому Донцу[9]. Весной 1239 г. посульские городища пали одно за другим под ударами войск хана Берке, вторгшегося на Переяславщину. Некоторые из них, по-видимому, были полностью уничтожены завоевателями, другие —

[7] ПСРЛ, т. 2, с. 745.

[8] *Кучера М. П.* Переяславское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества.., с. 142—143.

[9] *Довженок В. И.* Сторожевые города на юге Киевской Руси.— В кн.: Славяне и Русь, с. 37—45.

покинуты гарнизонами при их приближении, например Воинь в устье Сулы. Тогда же был взят и Переяславль.

Археологические разведки и раскопки в Посулье показывают, что гибель ряда городищ имела место еще раньше, в процессе столкновений с печенегами и половцами. К таким памятникам относятся городища у бывшего хут. Миклашевский [10] и у хут. Кизивер [11].

Несмотря на разрушения, во время походов золотоордынских отрядов уцелевшее население возвращалось на прежние места, основывало новые селища на месте старых или вблизи их. Об этом свидетельствуют и данные «Списка» и топонимика, так как многие населенные пункты Переяславщины продолжали существовать и после нашествия, притом под теми же названиями. Ряд из них известен и ныне. Достаточно упомянуть такие, как Переяславль, Ромны, Прилуки, Пирятин, Нежин, Лубны и др. Некоторые названия летописных городов были утрачены, как, например, Слепород. Сейчас с его местопребыванием связывается с. Мацкивцы. Однако этот факт нельзя объяснить только нашествием, так как под древнерусским названием этот город упомянут в Литовской летописи под 1322 г.[12], а также в «Списке русских городов...» [13].

Стойкое сохранение древнерусского элемента в топонимике современной Переяславщины свидетельствует о силе древнерусского культурного наследия, несмотря на все негативные факторы развития в последующее время.

В «Списке» упоминаются далеко не все города Переяславщины, о которых известно по другим данным. Нет в нем Белой Вежи, Лубен и ряда других. Это свидетельствует скорее об определенной направленности этого документа в понятии термина «город», чем о неосведомленности автора. Ведь в «Списке» упоминаются города, неизвестные в древнерусский период, некоторые из них возникли, по всей вероятности, в XIV в.: Чемосов, Утешков, Киянец, Ковыла, Вороно, Сал, Песьи Кости, Хотен на Суле. Если принять во внимание слова М. Н. Тихомирова, что список русских городов XIV в. был именно перечнем укреплений (военно-оборонительных сооружений) [14], то «пропуск» ряда городов Переяславщины, да и не только ее, становится понятным. Более того, подробное перечисление посульских градов позволяет предположить возобновление в конце XIV в. оборонительной линии по Суле с новыми укрепленными пунктами, что исторически согласуется с оборонительными мероприятиями Киевского князя Владимира Ольгердовича, предназначенными для защиты от золотоордынцев. Аналогичны сведения и о градах по р. Псел — здесь упоминаются Ничан, Городище, Лошицы, Жолван [15]. Обращает на себя внимание и тот факт, что в основном в «Списке» перечислены пограничные города переяславской земли, а это еще раз свидетельствует о военном назначении указанных пунктов.

В других источниках есть некоторые сведения о заселении внутренней территории Переяславской земли. Так, в грамоте конца XIV в., выданной Владимиром Ольгердовичем Юрию Ивановичу Рожиновскому (крупному феодалу из рода Тугорхана), передавались «земли на берегах Остра, Ромен, Удая, Сулы со всеми поселениями и доходами

[10] *Кучера М. П.* Древньоруське городище в хут. Миклашевський.— Археологія, 1962, т. 14, с. 89—106.

[11] *Кучера М. П.* Древньоруські городища біля хут. Кизивер.— Археологія, 1964, т. 16, с. 103—118.

[12] Литовская и жмойтская кройника.— ПСРЛ, т. 32, с. 38.

[13] Летопись по Воскресенскому списку.., с. 240.

[14] *Тихомиров М. Н.* Списки русских городов.., с. 219.

[15] Летопись по Воскресенскому списку.., с. 240.

ми» [16]. Известны и некоторые названия сел: Малютинцы, Лукимья, Чернухи, которые существуют и сейчас. Археологическими раскопками установлено и наличие селища близ древнерусского города Воиня, дошедшего под сходным названием «Воинцы» до наших дней [17]. Некоторые села возникли, вероятно, в XIV в.— Шишаки, Яреськи. Они есть и на современных картах.

Продолжалась жизнь и на ряде древнерусских поселений Надпорожья, тесно связанного с южными районами Киевщины и Переяславщины. Об этом свидетельствуют раскопки поселений у с. Кичкас Запорожской обл. и около хут. 1 Травня в устье балки Яцевой Днепропетровской обл. [18]

Сохранение основных населенных пунктов Переяславщины, а также возникновение новых городов и сел не согласуется с тезисом о полном запустении Переяславской земли в результате нашествия. С другой стороны, вопрос об уровне развития Переяславщины остается пока открытым из-за недостатка материала. По-видимому, особенно во второй половине XIII в. он был низким, так как разрушения и последующая политика завоевателей, «враждебная городам» [19], не могли не сказаться на экономическом положении района. Рост населенных пунктов в XIV в. надо признать как факт, свидетельствующий о начале подъема Переяславской земли в этот период.

Уже осенью 1239 г. восточные кочевники предприняли второй шаг в осуществлении программы покорения южнорусских земель — они появились в пределах Черниговского княжества. После взятия Чернигова завоеватели двинулись на восток по Десне и далее по Сейму, разрушив такие города, как Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск и т. д., и опустошили сельские местности. Их путь по Десне и Сейму хорошо прослеживается по залеганию кладов [20]. Севернее Чернигова завоеватели не поднялись [21] — археологические раскопки Любеча [22] не выявили следов нашествия. Развитие северной и западной части Черниговщины не нарушается непосредственно завоеванием. Как и на территории Переяславщины, в юго-восточной части Черниговской земли с уходом золотоордынцев начинается восстановление городов и сел. Об этом свидетельствуют и данные вышеупомянутого «Списка» и «Любецкого синодика», а также археологические исследования. В числе городов XIV в. снова перечислены Чернигов, Сновск, Путивль, Новгород-Северский и др. Археологические раскопки в Путивле подтверждают данные письменных источников — на городище выявлены напластования второй половины XIII — XIV в.[23] В летописных списках XII—XIII вв.[24] приводится значительно больше названий населенных пунктов, чем в «Списке» XIV в. Имеются расхождения последнего и с данными «Любецкого синодика», в котором перечисляются десятки удельных княжеств по названиям их феодальных центров: Стародуб, Вырь, Глухов, Карачаев, Таруса, Бахмач и т. д. Вероятно, многие из них практически оставались центрами феодальных усадеб и не росли как города.

[16] *Rulikowski E.* Opis powiatu.., s. 34—35.

[17] *Кучера М. П.* Переяславское княжество.., с. 124.

[18] *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (XII—XIII ст.). К., 1975, с. 186, 192.

[19] *Базилевич К.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода.— ВИ, 1949, № 11, с. 76.

[20] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М., 1954, с. 44.

[21] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы.., с. 114.

[22] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече.., с. 30.

[23] *Березовець Д. Т.* Дослідження на території Путивльського району.., с. 242—250.

[24] *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 221—233.

Другие, возможно, сменили местоположение, как Вырь. Археологические раскопки показали, что он погиб от пожара, скорее всего в период нашествия, и материалов XIV—XVII вв. на городище нет [25]. Однако в XIV в. Вырьское княжество снова упоминается как административная единица Черниговской земли, вероятно, центр его — Вырь был перенесен на новое место. Подобное изменение расположения городов и селищ в последующий период после гибели древнерусских наблюдается и на других территориях, например, это доказано на примере Старой Рязани.

Топонимика Черниговщины свидетельствует о значительной преемственности от эпохи Древней Руси. К такому выводу приводит сравнительный анализ «Списка» названий поселений, урочищ и рек Черниговской земли до 1240 г., составленного А. Н. Насоновым [26], с современной топонимикой. Из 88 его наименований около половины дошло до наших дней почти без изменений.

Археологические исследования в Посеймье подтверждают данные топонимики: на многих памятниках имеется и слой XII — первой половины XIII в. Как на Переяславщине, так и на территории Черниговской земли в XIV в. появляются новые села, известные на современных картах. Во многих районах Черниговской земли развитие не прерывалось, хотя темпы его, безусловно, снизились — на них не могли не сказаться разрушения в соседних районах, а также то политико-экономическое угнетение, которое принесло иго Золотой Орды.

Центральное положение среди южнорусских земель занимала Киевщина, но именно она в силу военно-экономического могущества и большого политического значения испытала основные удары завоевателей. Они были направлены на Киев, через Поросскую оборонительную линию, и именно здесь простирается наиболее широкая полоса охвата неприятелем Правобережья Днепра, именно здесь по пути продвижения войск наблюдается разрушение городов-крепостей, прослеженное археологическими раскопками. Многие из них не были восстановлены. В лучшем случае на месте прежних крепостей или вблизи их находятся остатки селищ.

Массовое запустение городищ на Роси и Россаве зафиксировано исследованиями В. И. Довженка, который в 1954 г. обнаружил 23 таких пункта, на Роси — 6 городищ и 7 селищ, на Россаве — 5 городищ и 5 селищ [27].

Г. Ф. Корзухиной [28] по кладам прослежен путь от Роси к Киеву, по которому разрушены города Витачев, Василев, Белгород и др. Последние два были вскоре восстановлены (правда, неизвестно, в какой мере), так как они упоминаются в «Списке». Белгород XIV—XV вв. известен по раскопкам Д. И. Блифельда и Г. Г. Мезенцевой [29].

Ряд других городов, как, например, Вышгород, окончательно потеряли свое значение, стали селами (в XIV—XVI вв. Вышгород принадлежал Спасопреображенскому Межигорскому монастырю). Значительно беднее, чем по древнерусским летописям, выглядит по «Списку» район Среднего Поднепровья, особенно южнее Киева. Возможно, это объясняет-

[25] *Богусевич В. А.* Древнерусский город Вырь. Отчет об археологических исследованиях 1958—1959 гг.— Архив ИА АН УССР, 1958—1959.

[26] *Насонов А. Н.* Русская земля.., с. 221—233.

[27] *Довженок В. И.* Городища и селища на Роси и Россаве, с. 52.

[28] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады.., с. 46.

[29] *Бліфельд Д. І.* Дослідження древнього Білгорода.., с. 29—36; *Мезенцева Г. Г.* Новые исследования.., с. 329—330.

ся и тем обстоятельством, что прежние оборонительные сооружения, уничтоженные завоевателями, восстановлены не были, а строительство новых шло на юго-востоке.

Несколько меньшие разрушения были в северо-западной части Киевщины, здесь известны города Кочеречь, Вручий (Овруч), Чернобыль и др.

Не останавливаясь на описаниях тех страшных разрушений, которые испытал Киев во время нашествия Батыя (это сделано в работах М. К. Каргера, П. П. Толочко и др.), отметим, что и по письменным источникам, и по результатам археологических раскопок наибольший застой ощущается на территории Верхнего города. Не зря Киевские святыни упоминаются в «Списке» в прошедшем времени: «...а церква святая Богородица Десятинная каменная была о полутретьятцати врѣсхъ, а святая София о двунадцати врѣсхъ»[30], хотя известно, что Софийский собор разрушен не был, и богослужение в нем продолжалось на протяжении всего изучаемого периода. Очевидно, на какое-то время прекращается застройка Старокиевской горы, так как в XIII—XIV вв. здесь находился могильник [31]. Правда, остатки постройки и находки керамики зафиксированы в районе нынешнего Главного телеграфа [32]. Местоположение Киевского замка на Замковой горе над Подолом, где в исследуемое время располагалась основная часть Киева, возможно, тоже объясняется значительными разрушениями древнего центра. Скорее всего частичное восстановление Верхнего города относится к последней четверти XIV в., так как в первой половине XV в. имеются сведения о «дворе Володымерке», вероятно, находившемся в древнейшей части Киева [33]. Косвенные данные о росте города в этот период дают и другие упоминания в грамоте 1390 г.: «двор Соломец в Киеве...», топонимы околиц города: земля Святошицка, Сырец, Совки [34]. Развитие околицы ощущается и по археологическим данным (Выдубечи) [35]. На всех топонимах Киева прослеживается стойкое сохранение древнерусского элемента, дошедшего и до наших дней, несмотря на тяжелые последствия золотоордынского ига, а затем и польско-литовского владычества.

Аналогичная ситуация наблюдается и по всей Киевщине. По подсчетам В. И. Довженка и П. П. Толочко, из 113 летописных населенных пунктов Среднего Поднепровья 42 отождествляются с современными городами и селами [36]. Достаточно привести такие названия, как Василев, Богуслав, Медвин, Вышгород, Белгород, Жуляны, Княжичи, Лютеж, Витачев, Козин, Сквира и др.

Кроме того, в процессе археологических исследований выявлены десятки поселений с культурным слоем древнерусского и последующего времени. Некоторые из них связываются также с известиями письменных источников, например, вышеназванный Козин, известный с XI в., или с. Вишенки на р. Золоче, впервые упомянутой в летописи под 1101 г. и др. Археологические раскопки значительно дополнили географию Среднего Поднепровья поселениями, о которых нет сведений в других источниках. Эти поселения располагались и по правому и по левому берегу Днепра: Жовтневе, Гнедин, Бортничи, Комаровка, Ломоватое, Тома-

[30] Летопись по Воскресенскому списку .. с. 240.

[31] *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Археологические исследования на Старокиевской горе .., с. 235.

[32] *Толочко П. П., Гупало К. М.* Розкопки Києва в 1969—1970 гг.— В кн.: Стародавній Київ, с. 9.

[33] *Rulikowski E.* Opis powiatu.., s. 33.

[34] Там же.

[35] *Мовчан І. І.* Археологічні дослідження .., с. 86—87.

[36] *Довженок В. І., Толочко П. П.* Киев и Южная Русь.., с. 48.

шовка и др. Некоторые из наименований населенных пунктов претерпели незначительную трансформацию, как Мутижир, известный с 1162 г.,— современное его название Мотыжин. Как и в других районах южнорусских земель, на Киевщине в середине XIV в. наблюдается постепенное возрождение городов и сел, идет строительство новых. Так, после разгрома в 1311 г. золотоордынцев под Юрьевым западнорусскими войсками под предводительством князя Юрия Слуцкого начинается восстановление города, но под новым названием — Белая Церковь, впервые упомянутым в хронике Стрыйковского под 1331 г.[37]

В вышеназванных грамотах упоминаются такие населенные пункты, как Фастов, Трилесы, Великие Гуляники (Мотовиловка), Микуличи, Кожанка и др. Некоторые из них, возможно, возникли в XIV в.

На юге Киевщины по археологическим материалам известен еще ряд памятников, относящихся к исследуемому времени, что свидетельствует о постепенном подъеме наиболее пострадавшей части южнорусских земель.

Политическая история. Развитие южнорусских земель накануне грозных событий 40-х годов XIII в. было сложным и противоречивым. В нем отчетливо проступали две тенденции: центробежная и центростремительная, со все возрастающим влиянием последней *. В политической жизни это проявилось в борьбе различных группировок, каждая из которых выдвигала свой проект консолидации русских земель. Объективно эта борьба приводила, тем не менее, к дальнейшему углублению политической раздробленности, одной из основных причин завоевания Руси кочевниками Востока в середине XIII в.

На территории Южной Руси образовалось два центра, претендовавших на звание главного города: Киев и Чернигов, причем первый занимал особое место в объединительной программе русских князей, хорошо понимавших большое историческое, политическое, религиозное и культурное значение города *. Ни один из вариантов консолидации осуществлен не был: нашествие кочевников в середине XIII в. нарушило объективный ход развития Руси, помешало росту прогрессивных центростремительных сил и, напротив, оно содействовало консервации раздробленности, облегчало осуществление господства над захваченной территорией.

Поход 1239—1240 гг. был первым и основным шагом к установлению золотоордынского владычества в Южной Руси. Разрушение сотен населенных пунктов, и в первую очередь городов как центров ремесла и торговли, физическое уничтожение тысяч жителей или угон их в плен тяжелейшим образом сказались на экономическом, политическом и военном потенциале страны и подготовили почву завоевателям для ее окончательного подчинения. На протяжении XIII—XIV вв. южнорусские земли многократно подвергались нападению золотоордынцев, поэтому, как правильно указывал Л. В. Черепнин, нашествие представляло «не единичный акт, а непрерывный длительный процесс, приводивший страну к истощению, обусловивший ее отставание от ряда других европейских стран, развивавшихся в более благоприятных условиях» [38].

[37] *Stryjkowski M.* Kronika polska, t. 2, s. 4, 6—7.

* Исследование закономерностей этих тенденций получило достаточное отражение в советской исторической литературе: Очерки истории феодализма XIV—XV вв., с. 270—320; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 301 и сл.; *Греков И. Б.* Восточная Европа.., с. 13—26.

* Подробно о положении Киева накануне нашествия Батыя см. в работе П. П. Толочко «Древний Киев» (Киев, 1976).

[38] *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси.., с. 200.

Установление золотоордынского господства над Южной Русью стало окончательным к 1260 г., когда после столкновения Даниила Романовича Галицкого с Куремсой (1254—1255 гг.) и Бурондаем (1259 г.) рухнули планы освобождения Приднепровья и Киева от иноземной зависимости. К этому времени оформляются и основные принципы политической и экономической программы завоевателей по отношению к южнорусским землям.

Как отмечал К. Маркс, «...монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием» [39]. Именно это и обусловило специфику экономического угнетения южнорусских земель. Ведь ее территория в основном принадлежала к зоне Лесостепи, с довольно значительными лесными массивами, особенно в северной части, и была непригодна для интенсивного пастушеского скотоводческого хозяйства завоевателей.

Поэтому основной формой использования экономического потенциала Южной Руси стал сбор дани. Заинтересованные в получении большей части «национального дохода» завоеватели провели ряд мероприятий, обеспечивших строгий учет и стабильность поступлений.

В 1257—1259 гг. проведена перепись населения, и вслед за этим создан институт по сбору подати и контроля над действиями русских князей со стороны ханской власти — баскачество. Необходимо отметить, что вопрос о роли баскаков на Руси, и особенно на южнорусских землях, еще окончательно не решен. Сообщения летописей, в частности о бесчинствовании отрядов баскака Ахмата на Чернигово-Северщине, о баскаках в Киеве под 1331 г. и некоторые другие, по-разному трактовались исследователями. Нет единого мнения ни о территории действия баскаков, ни об их функциях. Так, Б. Д. Греков считал, что баскаки осуществляли контроль за действиями русских князей [40]. А. Н. Насонов говорил о существовании военно-политической баскаческой организации службы внутренней охраны, в том числе и наблюдения за исправным поступлением налогов [41]. При этом он полагал, что баскачество распространялось только на определенные земли. Основной зоной действия он называл Северо-Восточную Русь, в то время как в Поволжье, Кипчаке (южнорусская степная полоса), в Крыму их не было [42]. А. Н. Насонов предполагал, что в составе отрядов могли быть и русские [43]. Сходное мнение было высказано и М. Н. Тихомировым, однако он отказывался видеть в летописных указаниях на десятников, сотников, тысячников и темников командиров военных единиц [44].

В. В. Каргалов вообще отрицает существование какой-либо военно-политической «организации» золотоордынских феодалов и вслед за Б. Д. Грековым оставляет баскакам только функцию контроля [45]. Однако, как бы не трактовали институт баскачества, совершенно ясно одно, подчеркивал Л. В. Черепнин, «что через баскаков орда стремилась держать Русь в повиновении» [46].

Распространяя податную систему, завоеватели опирались на духовную и высшую светскую знать. Освободив

[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 12, с. 724.

[40] *Греков Б. Д., Якубовский А. Я.* Золотая Орда.., с. 220.

[41] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь, с. 20—21.

[42] Там же, с. 18.

[43] Там же.

[44] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 269—274.

[45] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы.., с. 154—161.

[46] *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси, с. 193.

духовенство от уплаты налогов, сохранив митрополичью кафедру в Киеве, они обеспечили идеологическую помощь церкви, призывавшей народные массы к покорности и смирению *.

В отношении русских князей они проводили свою традиционную политику, «основным смыслом которой,— писал К. Маркс,— было обуздывать одного русского князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому укрепляться» [47], осуществляя все это «издалека» [48].

Об этом широко свидетельствует практика раздачи многочисленных ярлыков русским князьям и митрополитам, а также использование института великого княжения, что было отмечено еще К. Марксом. «Для того, чтобы поддержать рознь среди русских князей,— писал он,— монголы восстановили достоинство великого княжения» [49]. Более того, созданы параллельные княжения во Владимире и в Киеве, что было прямо направлено на столкновение двух крупных центров и их ослабление. Не без помощи завоевателей происходит в этот период завершение долговременной борьбы за Киевский стол между Черниговом и Владимиром. Здесь дело дошло до прямой расправы над неугодным князем Михаилом Черниговским. Как известно, он был убит в Орде.

На Киевский стол в 1243 г. они посадили Владимирского князя Ярослава Всеволодовича Суздальского, передав ему Киев и Киевское княжество. Как пишет В. Т. Пашуто, «выбор был не случаен» [50]— Ярослав Всеволодович не принял участия в битве на р. Сити, где его тщетно дожидался Юрий Всеволодович. Напомним, что битва на р. Сити в 1238 г., одна из самых значительных на пути к покорению Северо-Восточной Руси, закончилась жесточайшим разгромом владимирских войск и продемонстрировала разобщенность русских князей. Ярослав Всеволодович Суздальский предал своего брата великого Владимирского князя Юрия Всеволодовича и не принял участия в сражении. Но уже через три года Ярослав был казнен в Орде, что, вероятно, объясняется политическими соображениями её правителей. На его место в Киев был назначен Новгородский князь Александр Невский, который перед лицом угрозы с Запада предпочитал не вступать в прямой конфликт с Ордой, обезопасив тем самым северо-восток от вторжений. Ни Ярослав, ни Александр Невский непосредственно в Киеве не были. Ярослав поставил там своего наместника Дмитрия Ейковича, а Александр не послал никого.

Усиление Галицко-Волынского княжества в конце 40-х — начале 50-х годов XIII в. заставило Орду отказаться от двух великих княжений и «восстановить единое Владимирское княжение», которое было передано в 1252 г. тому же Александру Невскому [51].

После смерти Невского некоторое время в Киеве княжил его брат Ярослав Ярославич, а затем — князья из местных феодалов, имена которых почти не упоминаются в летописи. Известно, что

* Подробнее о политике церкви по отношению к монголо-татарским завоевателям см.: *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960; *Пашуто В. Т.* Александр Невский.— Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1939, № 36, с. 78 и сл.; *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы.., с. 143—144, и др.

[47] *Marx K.* Secret diplomacy.., p. 80. Цит. по кн.: Греков И. Б. Восточная Европа.., с. 29.

[48] *Маркс К.* Хронологические выписки.— Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1946, т. 8, с. 129.

[49] *Marx K.* Secret diplomacy.., p. 78. Цит. по кн.: Греков И. Б. Восточная Европа.., с. 30—31.

[50] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 268.

[51] *Греков И. Б.* Восточная Европа.., с. 30—31.

в 1331—1369 гг. в Киеве сидел князь Федор Станиславович, затем после установления литовской власти — сын Ольгерда Владимир. Под 1399 г. ряд летописей, как, например, Густынская, упоминают имя Киевского князя Ивана Борисовича, который погиб в битве на Ворскле [52], однако какие-либо подробности о нем неизвестны.

После установления ига над южнорусскими землями Золотая Орда направила свои силы на ослабление Галицко-Волынского княжества, превращение его в вассала золотоордынских ханов. Как отметил И. Б. Греков, с этого времени «Галицкая Русь стала выполнять функцию противовеса сначала Владимирскому, а потом и Литовскому княжествам» [53]. Последнее все более крепло и играло уже заметную роль в политической жизни Восточной Европы. Опасность становления нового очага консолидации всех русских земель под эгидой Литвы побуждало ордынскую дипломатию пристально следить за новым государством и применять уже известные приемы для столкновения противников. В 50—60-е годы Орда пыталась столкнуть Галицко-Волынское княжество с Литвой, а в 1275 г. предприняла поход на Литву, в 1315 г. ей удалось организовать совместный поход галицко-волынских и золотоордынских войск против Литвы.

Кроме того, в последней четверти XIII в. завоевателям пришлось в значительной степени переключить силы на Северо-Восточную Русь для подтверждения ига. Здесь на повестку дня встает вопрос о подавлении выступлений против поработителей народных масс и оппозиционных феодальных центров [54]. Раздвоение золотоордынских войск на борьбу с Литвой на юго-западе и особенно на преодоление героического сопротивления народных масс на северо-востоке объективно способствовало ослаблению активности Орды на территории Южной Руси. Это, в свою очередь, создавало предпосылки для постепенного восстановления народного хозяйства и его последующего развития.

Противоборство Литвы и Золотой Орды за южнорусские земли продолжалось в течение всего XIV в. В первой половине его, в период правления литовских князей Витеня и Гедимина (1316—1341 гг.), золотоордынцы использовали Галицко-Волынское княжество, как и ранее, для военных действий против Литовского государства. Однако с конца 50-х — в 70-е годы положение изменилось не в пользу золотоордынских правителей. Развитие феодализма вступило в новую стадию — децентрализацию, золотоордынская держава распадалась на отдельные улусы, обострялась феодальная анархия. Достаточно сказать, что с 1357 по 1381 г. в Орде сменилось 25 ханов [55]. Все это значительно ослабило позиции золотоордынцев в борьбе с Литвой и создало благоприятную ситуацию для Южной Руси.

Литовское государство не замедлило воспользоваться сложившимся положением. В 1355—1356 гг. князь Ольгерд овладел Чернигово-Северщиной. В 1362 г. он предпринял успешное наступление на Киев, в результате которого золотоордынский ставленник князь Федор был изгнан и на княжеский стол был посажен сын Ольгерда Владимир.

Действия Литвы привели к открытому конфликту с золотоордынцами: в 1363 г. на р. Синие Воды Ольгерд встретился и нанес им поражение. Южнорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского, Русского и Же-

[52] Густынская летопись.— ПСРЛ, т. 3, с. 352; Патриаршая или Никоновская летопись.— ПСРЛ, т. 2, с. 174 и др.

[53] *Греков И. Б.* Восточная Европа.., с. 31.

[54] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы.., с. 168.

[55] *Греков И. Б.* Восточная Европа.., с. 50.

майтийского. Однако и после этого золотоордынцы стремились не выпускать южнорусские земли из поля зрения и продолжали их рассматривать как свою собственность, о чем свидетельствует существование ярлыков крымско-ордынского происхождения в течение всего XIV и вплоть до XVI в. В XV—XVI вв., естественно, речь уже шла больше о номинальном, чем фактическом, обладании.

Взаимоотношения Литвы и Южной Руси представляют сложный процесс, еще недостаточно изученный в науке. В историографическом обзоре мы уже останавливались на оценке литовского завоевания дореволюционными и советскими исследователями. Отметим лишь, что на повестку дня встает вопрос об изучении взаимовлияния Литвы и покоренных ею земель, о политическом, экономическом и культурном взаимодействии всех слагаемых того сложного государственного объединения, каким было Литовское княжество в XIV в. Создание его воплотило две исторические тенденции периода: объединение южнорусских земель и становление многонационального государства под эгидой Литвы. Складывались положительные предпосылки для консолидации с Великим Владимирским княжеством, однако изменение политической ситуации в Восточной Европе в последней четверти XIV в. парализовало объединительные тенденции и негативно сказалось на последующем развитии южнорусских земель. Мы имеем в виду Кревскую унию 1385—1386 гг., после которой усиливается экспансия Польши на Южную Русь, неся с собой национальное угнетение, католицизм, отрыв от других русских земель. В этих условиях объективно прогрессивная ликвидация уделов, проведенная в 90-х годах XIV в. Витовтом, способствовала укреплению новой польско-литовской администрации и содействовала усилению феодального гнета. Необходимо подчеркнуть, что личные планы Витовта предусматривали самостоятельное существование Литовского княжества, однако объективная историческая ситуация складывалась в пользу усиления польского влияния на Южную Русь. Характерно, что в процессе ликвидации уделов Витовту пришлось столкнуться с сильным сопротивлением княжеств, в том числе и Киевского, правителем которого в этот период был Владимир Ольгердович, сын литовского князя Ольгерда, не далее как 30 лет назад захвативший эти земли. Практически Витовту пришлось заново покорять Южную Русь: в 1393 г. он использовал наместника польского короля Скиргайло для похода на Киевскую землю. Ему удалось отобрать ряд городов, в том числе Житомир и Овруч. В 1394 г. Витовт окончательно захватил Киев. Владимир Ольгердович, придерживавшийся промосковской ориентации, бежал в Москву, но Московское государство еще не было готово к борьбе на два фронта: с Золотой Ордой и Литвой —и помочь не могло.

В своей борьбе за Среднее Поднепровье Витовт умело использовал противоречия между Золотой Ордой и крымским ханом Тохтамышем. Как известно, Тохтамыш выдал ярлык Витовту на обладание Киевской землей и обещал сделать его князем Русской земли, включая Новгород. В свою очередь Витовт обещал Тохтамышу поддержку в борьбе за золотоордынский престол. Союз Витовта и Тохтамыша не мог не волновать Золотую Орду, усилившуюся при Едигее. Это привело к открытому конфликту. 12 августа 1399 г. на берегах р. Ворсклы произошла историческая битва, известная по многим русским летописям, в результате которой литовско-русские войска потерпели поражение. Погибли многие русские князья, в том числе и вышеупомянутый Иван Борисович Киевский. После битвы золотоордынцы с огнем и мечом прошли по всей Киевщине, и, как пишет летопи-

сец, Киев спасся от разорения только тем, что «откупился от татар тысячей червоных, а Печерский монастырь тридесятью червоных» [56].

Помешав замыслам Витовта и ослабив Литовское княжество, Едигей, следуя традиционной золотоордынской политике, оставил Среднее Поднепровье и направил все усилия против возросшей мощи Московской Руси.

Сложные политические события второй половины XIII—XIV вв., кратко изложенные в настоящем очерке, определили своеобразные этапы развития территории.

Первый этап приходится на вторую половину XIII в. и характеризуется таким важным событием, как золотоордынское завоевание. В начале его политические и экономические потрясения привели к застою в развитии Южной Руси. Усиливается феодальная раздробленность, что особенно отчетливо прослеживается по письменным источникам на примере Черниговщины. Однако, несмотря на тяжелейшие разрушения и уничтожение многих населенных пунктов, завоеватели не смели все население Южной Руси и не смогли превратить ее в пустыню. Сравнительный анализ названий и состава до и после нашествия населенных пунктов говорит об устойчивости древнерусских традиций, что прежде всего объясняется высоким уровнем предыдущего развития Древнерусского государства. Смены населения не было. И все же разрушение военно-экономического потенциала и последующая политика завоевателей не замедлили сказаться на росте городов: ряд из них утратил свое значение. Зачастую наблюдается регрессивный переход от города к селу, а не наоборот, т. е. многие прежде городские центры становятся селами. В настоящей работе мы не затрагиваем проблему переселения части древнерусского населения на территорию Галицко-Волынского княжества, в Волго-Окский бассейн и другие районы. Она нуждается в специальном исследовании. Укажем лишь, что эти миграции отличались от обычного расселения из более населенных районов в менее населенные, имевшие место и до прихода восточных кочевников в середине XIII в. Такое переселение было связано с развитием внутри древнерусского общества, его способа производства, в то время как в период нашествия миграции населения были вынужденными и определялись действием неблагоприятного внешнего фактора. Особенно ярко это выразилось в угоне наиболее квалифицированной части производителей — городских ремесленников в золотоордынские города Поволжья, что, в свою очередь, имело негативные последствия для развития Южной Руси.

В это время главное место среди других земель занимала Киевщина, а сам Киев по-прежнему был центром Поднепровья. До конца XIII в. город продолжал оставаться общерусским церковным центром. Ему подчинялось 19 епископий. Даже после переезда митрополита Максима в 1300 г. во Владимир, а с 1328 г.— в Москву Киев был одним из главных религиозных центров Руси, второй резиденцией митрополитов. Вместе с тем перемещение религиозного центра в начале XIV в. отражает общеполитическую ситуацию в развитии древнерусского государства: возрастание Владимирского, а затем и Московского княжества. Киев, а вместе с ним и вся Южная Русь занимают более скромное место в историческом развитии русских земель конца XIII — первой половины XIV в.

Второй этап, вероятно, следует относить к первой половине XIV в. Недостаток источников пока создает объективные трудности в его выделении и не позволяет дать детальную характеристику, но, очевидно, в это время идет ста-

[56] ПСРЛ, т. 1, с. 352; ПСРЛ, т. 2, с. 174.

билизация экономики, намечаются пути ее подъема. Это вытекает из анализа политических событий периода, в частности факта ослабления активности золотоордынцев на юге Руси. Кроме того, тот несомненный подъем, который испытывают южнорусские земли во второй половине XIV в., естественно, не мог возникнуть на пустой почве. Ростки его были детищем первой половины XIV в., а корни уходили в высочайшие достижения социально-экономического развития Древней Руси.

Третий этап начинается со второй половины XIV в., когда складывается благоприятная ситуация для экономического подъема Поднепровья и его центра — Киева. Расширение литовского княжества за счет южнорусских земель, как правильно отметил И. Б. Греков, «создавало новую расстановку сил, увеличивая политический потенциал Руси и уменьшая удельный вес литовского элемента» [57]. Оторванные от литовской почвы, многие князья и феодалы обрусели. Богатые традиции передовой древнерусской культуры оказали большое и разностороннее влияние: литовское законодательство восприняло многие элементы русского («Русская правда»), официальным языком стал древнерусский; литовские летописи написаны на древнерусском языке и в значительной мере испытали влияние древнерусского летописания и др.

Князь Владимир Ольгердович Киевский обладал в этот период значительной территорией, на что, как писал Б. А. Рыбаков, указывает «Список киевских городов» в известном документе XIV в.— «Списке русских городов, дальних и ближних» [58].

На исторической карте Южной Руси появляются новые города и села, отмечается рост населенных пунктов. Это свидетельствует о постепенном преодолении последствий нашествия и возрождении территории, что, в свою очередь, отразилось и в материальной культуре.

В целях безопасности своих владений Владимир Ольгердович провел обширную военно-оборонительную программу: благодаря походам на южные рубежи он оттеснил золотоордынцев к Азовскому и Черному морям, развернул строительство фортификационных укреплений. Практически, в 60-х годах XIV в. складывается своего рода государство в государстве — Киевская земля Владимира Ольгердовича. Политические устремления этого государства были обращены на северо-восток, где зарождалось будущее русское централизованное государство, крепли прогрессивные тенденции консолидации всех русских земель на основе политической, экономической и культурной общности. Сила этих тенденций проявилась в событиях общерусского масштаба, прежде всего таких, как битва на р. Воже в 1378 г. и затем в победе на Куликовском поле, явившихся реальными шагами на пути к освобождению от ига Золотой Орды в Северо-Восточной Руси и имевшими огромное значение для создания благоприятных условий развития Южной.

Вмешательство внешних сил в этот процесс обусловило его незавершенность. Южнорусские земли стали частью польско-литовского государства.

[57] *Греков И. Б.* Восточная Европа.., с. 48.

[58] *Рыбаков Б. А.* Просвещение.., с. 203.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Основные типы памятников, их топография и планировка. Археологические памятники второй половины XIII — XIV в. представляют те же типы, что и в предшествующий период развития Древней Руси. Это города (ремесленно-торговые, административные и культурные центры), городища (феодальные замки и крепости), неукрепленные поселения (селища) и могильники.

Исследования культурного слоя в городах этого времени проводились мало и неравномерно. К таким городам относятся Киев, Белгород, Путивль и Любеч. Три первых сильно пострадали во время нашествия. Стратиграфия и характер культурного слоя в целом свидетельствует о том, что перерыва в заселении не было, сохраняется и общая планировочная структура, но, вероятно, плотность застройки уменьшается. В Киеве культурные напластования второй половины XIII—XIV в. пока найдены в «городе» Владимира, на Замковой горе и Подоле, в Белгороде — на детинце. Слои эти более бедные находками, чем древнерусские. В них почти не встречаются предметы ювелирного мастерства. Имеющиеся к настоящему времени данные, однако, носят предварительный характер и, вероятно, будут уточняться по мере исследования городов второй половины XIII—XIV в.

На изучаемой территории известно около десятка городищ с культурным слоем XIII—XV вв. и остатками земляных укреплений. На некоторых из них, судя по вещественному материалу, жизнь продолжалась с древнерусского времени. Большинство памятников характеризуется материалами второй половины XIII, чаще XIV—XV вв. В целом городища представляют еще малоизученный тип памятников.

Многие из городищ, возникших в более раннее время, особенно военного назначения, были разрушены в ходе нашествия или срыты позднее по

приказу завоевателей. Строительство же новых стало возможно, как видно из анализа политических событий, не ранее второй половины XIV в. Обследованные к настоящему времени городища по планировке и типу укреплений (валы и рвы) не отличаются от древнерусских. Однако вопрос о характере и особенностях этого типа памятников еще нуждается в дальнейших полевых исследованиях.

Наиболее изученными памятниками являются селища. Как и в предшествующий период, они составляли приречный тип заселения и располагались на первой надпойменной террасе (Козин II, Процев III, Ломоватое II, Томашовка и др.), на возвышениях в пойме крупных рек, над небольшими речушками или старицами, заливами, озерцами (Комаровка, Вишенки VII, Гнедин I, Бортничи I, Озаричи, Лисогубовка и др.). Чаще всего эти возвышения в виде холмов-останцев или дюн сложены из песка, что значительно затрудняет их исследование. Иногда селища располагались на мысе коренного берега реки, как, например, у сел Белогородка, Макишин [1]. Селища вытянуты полосой вдоль рек и, как правило, удалены от воды лишь на несколько десятков метров, обычно 20—40, иногда и меньше. Границы их при обследованиях определялись по распространению культурного слоя, степени его концентрации, шурфовкой и раскопками. Большинство селищ, в отличие от городищ, находилось на месте древнерусских поселений, что затрудняет точное определение границ последующих напластований. Подсчеты площади таких селищ дают следующие цифры:

Макишин	0,7 га	Томашовка	— 3 га
Озаричи	0,8 »	Гнедин	3,84 »
Козин	0,8 »	Григоровка	4 »
Бортничи	1,12 »	Комаровка	8—10 »
Вишенки	1,28 »	Половецкий	15 »

[1] *Горюнов Е. А.* Разведка на Черниговщине.— АО 1970 г. М., 1971, с. 287—288.

Как следует из стратиграфических наблюдений и планиграфии вещественного материала, особенно результатов стационарных раскопок, размеры поселений во второй половине XIII—XIV в. уменьшаются. Приведем некоторые примеры. Озаричское поселение в древнерусское время располагалось на двух холмах-останцах (рис. 4). В XIII—XIV вв. оно занимало только южный холм, а к XV в. вновь начинается застройка северного. Общая площадь уменьшается с 0,8 га в XI—XIII вв. до 0,32 га в XIII—XIV вв., т. е. в 2,5 раза. Аналогичные результаты дают подсчеты по Комаровке. В XIII—XIV вв. поселение находилось ближе к заливу Васильков, занимая более узкую полосу вдоль него. Центральная часть древнерусского селища перекрывается в XIV—XV вв. могильником [2]. Во время раскопок была вскрыта площадь в 3,5 га, на которой обнаружено 36 жилищ [3], из них 12 относятся к позднему этапу существования селища. Даже если вся площадь поселения была застроена равномерно, на ней могло размещаться не более 80 дворов в древнерусское время и около 20—25 — в последующий период, т. е. площадь поселения уменьшилась в 2—2,5 раза.

Такие же данные на большом фактическом материале получены В. В. Седовым по Смоленской земле. Он прослеживает постепенное уменьшение площади поселений, начавшееся еще в XII—XIII вв. Соотношение средних площадей поселений VIII—X вв. и XI—XIII вв. 2 : 1 [4]. В таком же соот-

[2] *Кубышев А. И.* Раскопки средневекового поселения.., с. 51.

[3] *Кубишев А. І.* Робота Комарівського загону.., с. 158; *Довженок В. И.* Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени.— In: I. Miegdzynarodowy kongres archeologii slowianskiej. Warszawa 14—18 IX. 1965. Wroclaw; Warszawa; Kraków, 1968, t. 9, s. 3.

[4] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, с. 23.

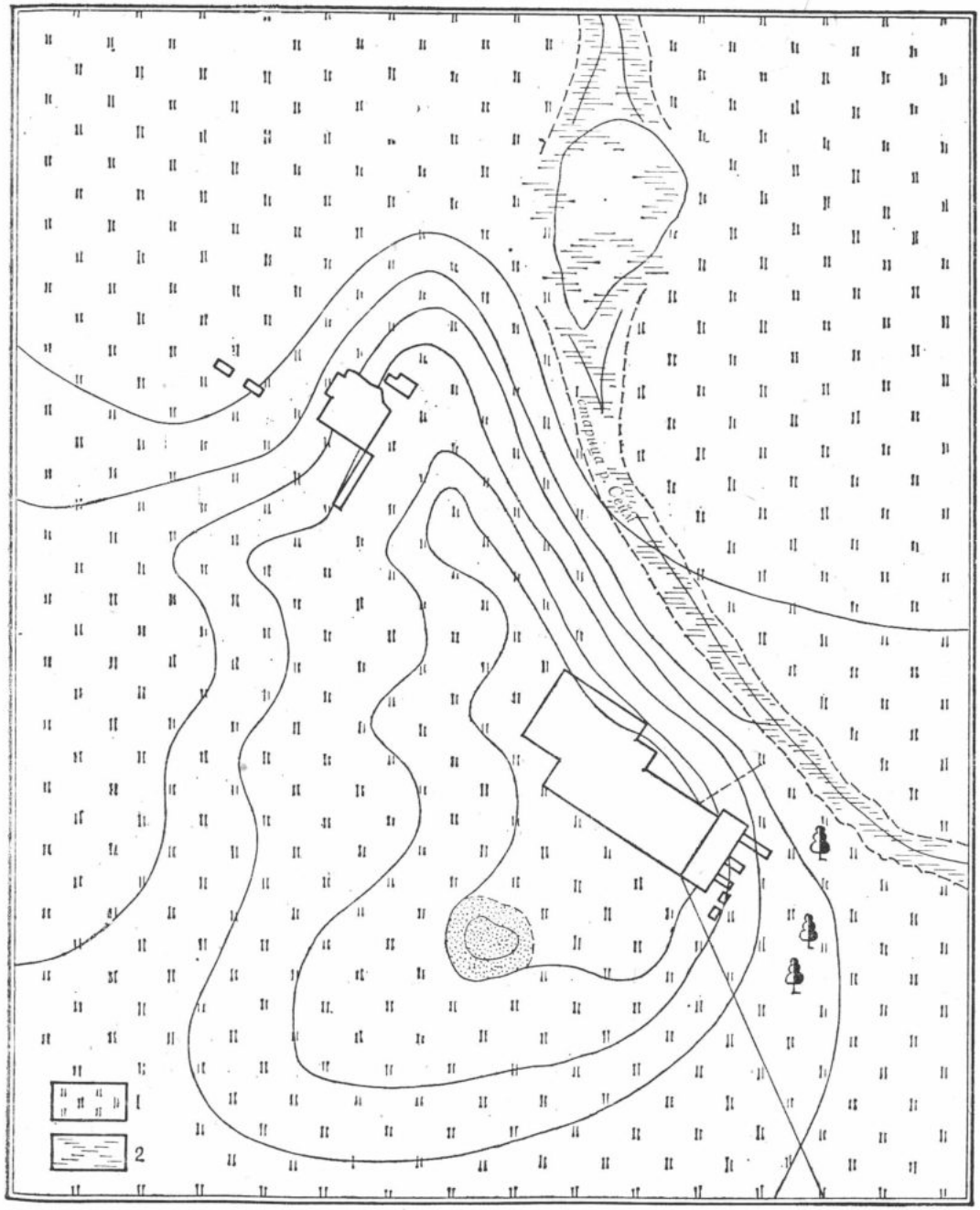


Рис. 4. План селища у с. Озаричи. *1* — луг; *2* — заболоченная местность.

ношении находилась и численность дворов [5]. Уменьшение селищ отмечено и Т. Н. Никольской по археологическим исследованиям поселений «земли вятичей» [6]. Историко-географические материалы по истории села на территории Украины в XV—XVII вв., приводимые в некоторых работах, также показывают, что к XV в. приходит сокращение площади поселений и преобладает малодворный тип застройки [7]. Возможно, определенную роль, особенно для второй половины XII в. — первой половины XIV в., сыграло золотоордынское завоевание, во время которого многие поселения были разрушены и жителям приходилось начинать все сначала. Но главным фактором, по-видимому, был социально-экономический. На это обратил внимание В. В. Седов, который указывал, что процесс сокращения площади поселений прослеживается в Смоленской земле еще в период ее расцвета в XII — первой половине XIII в.[8] В исторической литературе неоднократно отмечалась взаимосвязь размеров поселений и форм земледелия. В древнерусский период, особенно к XII—XIII вв., превалировали малодворные поселения, наиболее рациональные, по мнению М. В. Фехнер [9], в условиях пашенного земледелия. Дальнейшие исследования позволят четче представить эволюцию селищ, ее направление и помогут решению проблемы в целом.

[5] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, с. 23.

[6] *Никольская Т. Н.* Сельские поселения земли вятичей.— КСИА АН СССР, 1977, № 150, с. 7.

[7] *Мишко Д. І.* Соціально-економічні умови...; *Стельмах Г. Ю.* Історичний розвиток сільських поселень на Україні. К., 1964.

[8] *Седов В. В.* Сельские поселения..., с. 23—24.

[9] *Фехнер М. В.* Заключение (деревня северо-западной и северо-восточной Руси X—XII вв. По археологическим данным).— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967, с. 277—278.

Вопрос о планировке поселений еще окончательно не разработан из-за недостаточного исследования древнерусских селищ на территории Южной Руси. Но все-таки методика определения типа застройки, разработанная на материалах других территорий [10], позволяет сделать некоторые расчеты по планировочной структуре южнорусских селищ. Данные по Озаричскому и Комаровскому поселениям свидетельствуют о рядовой застройке. Возможно, к поселениям с прибрежно-рядовой застройкой надо отнести и поселения у сел Козин, Гнедин, Вишенки. На их планах (рис. 5, 7, 8) прослеживается, что поселения вытянуты вдоль рек. Жилища находились в один, два, иногда в три ряда, в зависимости от ширины поселения. По мнению В. В. Седова и Н. П. Милонова [11], при ширине в 30—40 м дворы могли располагаться только в один ряд, в 80—100 м — в два ряда, а в 100 м и далее — в три ряда. Озаричское поселение шириной в 40 м спланировано как двухрядное (рис. 4). На плане отчетливо видно почти параллельное расположение некоторых жилищ. Скученность построек на поселении, очевидно, объясняется площадью холма-останца, омываемого старицей и ограниченного болотами поймы р. Сейм. Характерно, что все жилые постройки, как древнерусские, так и последующие, находились на самых высоких участках Озаричского селища.

На Комаровском поселении XIII—XIV вв. улавливается трехрядная застройка. Жилища располагались параллельно заливу Васильков на расстоянии 20—25 м одно от другого [12]. По анало-

[10] *Седов В. В.* Сельские поселения..., с. 26; *Милонов Н. П.* Древнерусские курганы и селища в бассейне верхней Волги.— МИА, 1950, № 13, с. 152—154.

[11] Там же.

[12] *Кубишев А. І.* Робота Комарівського загону..., с. 158.

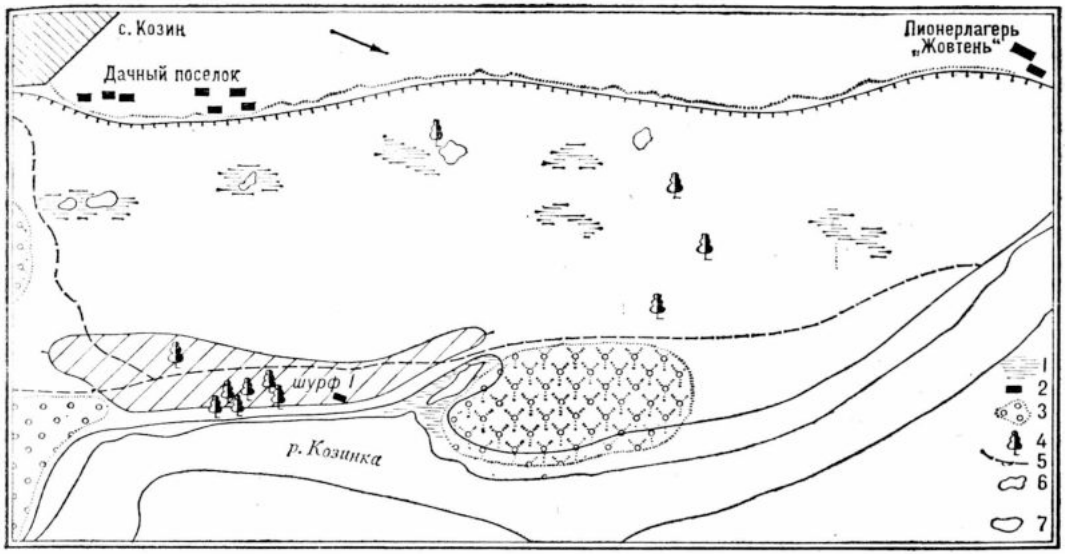


Рис. 5. План селища у с. Козин.

1 — заболоченная местность; *2* — шурфы; *3* — рощицы (кустарник); *4* — отдельно стоящее дерево; *5* — грунтовая дорога; *6* — озера; *7* — территория селищ.

гии к трехрядным поселениям, вероятно, следует отнести и селище у Гнедина (рис. 7), ширина которого составляет 120 м, двухрядными могли быть поселения у сел Бортничи и Вишенки, ширина которых 80 м (рис. 6, 8), и однорядным — у с. Козин, ширина которого 40 м (рис. 5).

Вероятно, в этот период существовала и кучевая застройка, однако на обследованных памятниках она не была выявлена.

На исследуемой территории найдено и несколько могильников XIII—XV вв. Один из них городской, в Киеве, остальные — сельские.

Могильник в Киеве располагался на склонах Старокиевской горы, перерезая культурный слой древнерусского времени. Всего открыто 16 погребений. Все они безынвентарные, покойники ориентированы головой на запад (за исключением одного) [13]. Гробы почти совершенно истлели, от них найдены только гвозди. По стратиграфии эти погребения датируются XIV—XV вв.[14]

В сельских могильниках погребения также совершены по христианскому обряду, но еще встречаются в них и отдельные украшения. Наиболее полно изучен могильник Комаровского поселения. Он перерезал центральную часть древнерусского поселения. Это хорошо прослеживается при раскопках одного из жилищ. В последнем на уровне пола выявлено четыре захоронения. Все они совершены после того, как погибло жилище. Погребенные лежали на уровне пола, в вытянутом положении, в деревянных гробах [15]. Всего открыто 85 погребений. Они зафиксированы на глубине от 0,3 до 0,8 м от современной по-

[13] *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Археологические раскопки..., с. 234—257; *Кіліевич С. Р.* Археологічні розкопки на Старокиївській горі 1965—1968 рр.— В кн.: Матеріали XIII конф. ІА АН УРСР (К., 1968). К., 1972, с. 314.

[14] Там же.

[15] *Кубышев А. И.* Раскопки.., с. 51.

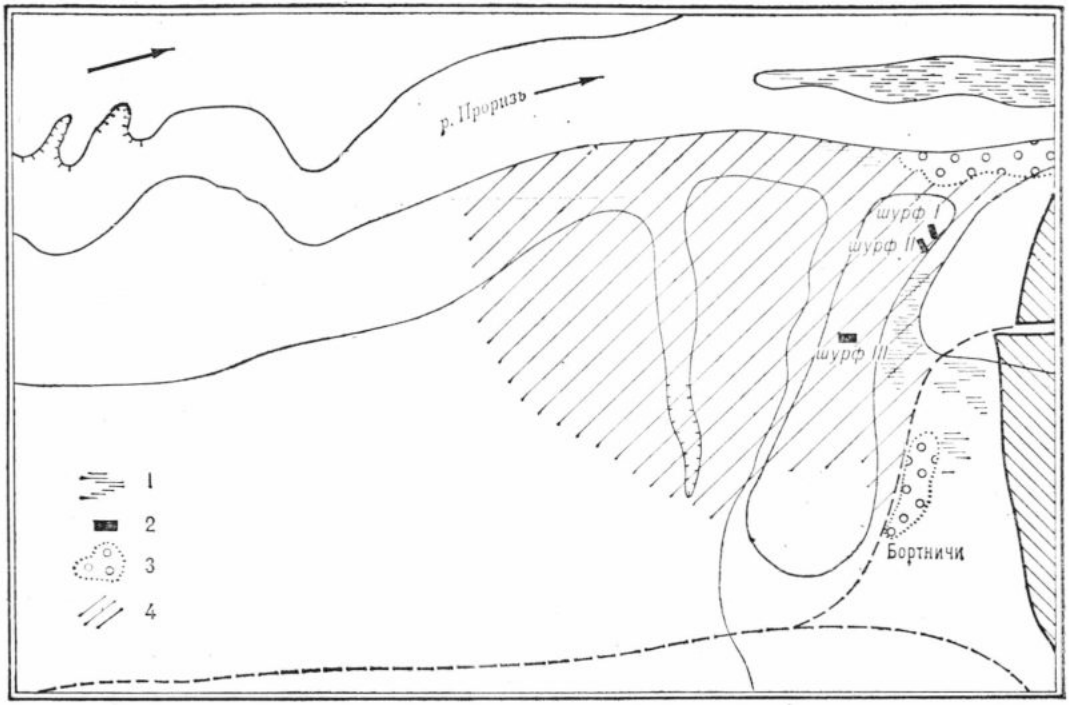


Рис. 6. План селища у с. Бортничи.
1 — заболоченная местность; *2* — шурфы; *3* — посадки; *4* — территория селищ.

верхности, костяки ориентированы по оси восток — запад. В нескольких найдены височные кольца из бронзы очень плохой сохранности и стеклянные бусы. А. И. Кубышев датирует могильник XIV—XV вв.[16]

Второй могильник открыт у хут. Половецкий и относится к городищу и селищу. Скорее всего он принадлежит к двум периодам: древнерусскому и XV в., о чем свидетельствует перекрывание одних могил другими[17]. Всего исследовано 48 погребений. Все они в основном безынвентарные и совершены по христианскому обряду.

Устройство жилищ и хозяйственных построек. Остатки жилых и хозяйственных объектов обнаружены на многих памятниках: в Киеве, на его околице, в Белгороде, городище у хут. Половецкий, а также на ряде селищ: Лисогубовка, Озаричи, Волынцево, Вишенки, Комаровка, Воинцы, Ломоватое.

При раскопках городов каменных зданий найдено пока мало. Это остатки постройки на территории Главного телеграфа[18] и каменного сооружения на

[16] *Кубышев А. И.* Раскопки.., с. 51.

[17] *Довженок В. И., Кучера М. П.* Отчет о работе древнерусской экспедиции в 1956 г. на Роси.— Архив ИА АН УССР, 1956/2в, с. 44; *Довженок В. И.* Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 г.— КСИА АН УССР, 1959, № 8, с. 152.

[18] *Толочко П. П., Гупало К. М.* Розкопки Києва у 1969—1970 рр.— В кн.: Стародавній Київ, с. 9.

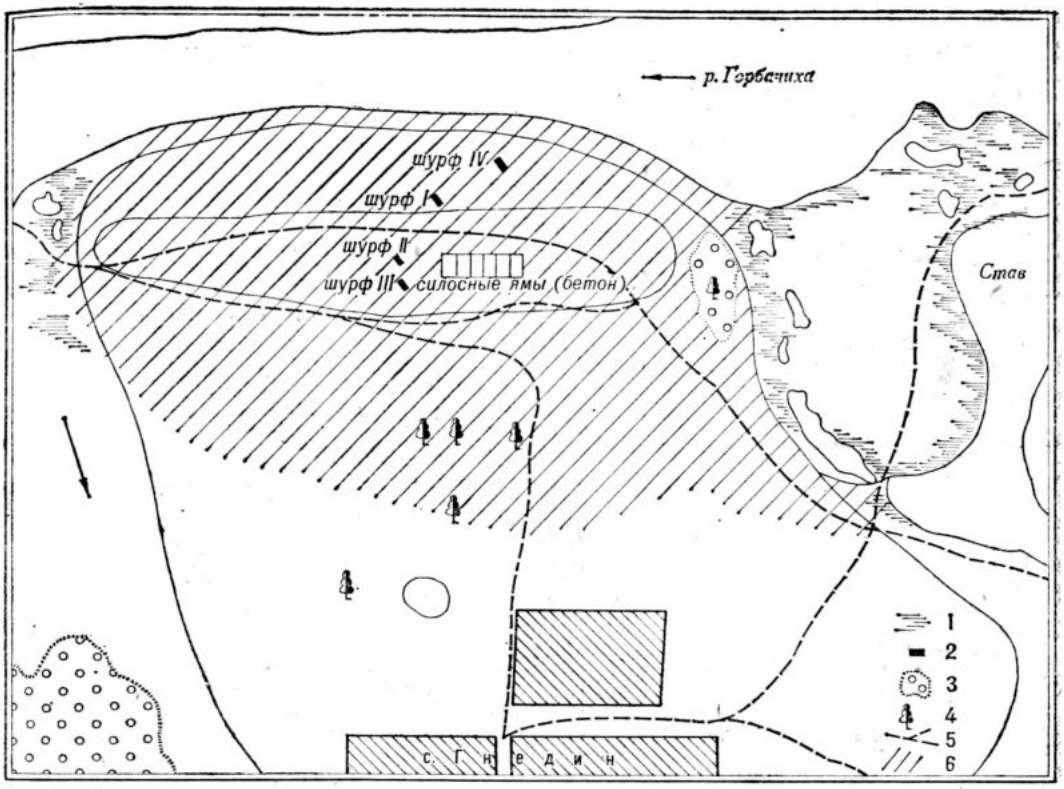


Рис. 7. План селища у с. Гнедин.

1 — заболоченная местность; *2* — шурфы; *3* — посадки; *4* — отдельно стоящее дерево; *5* — грунтовая дорога; *6* — территория селищ.

территории Покровской церкви на Подоле (Киев), предварительно датированного авторами раскопок XIV—XV вв.[19] Конструкцию жилища, открытого В. А. Богусевичем на Замковой горе, проследить не удалось. Зафиксирован только глинобитный пол размером 2×2,5 м [20]. Как свидетельствуют данные раскопок, в околице Киева (Выдубичи) и на детинце Белгорода остатки жилых и хозяйственных построек не отличаются от тех, что найдены на поселениях и характерны для массовой застройки населенных пунктов.

Жилища. Различия между типом домостроительства и зависимость от физико-географических зон, имевшие место в древнерусский период (жилища наземные и углубленные, срубная или столбовая конструкция), продолжали существовать и в последующее время, хотя полностью одной зоной ограничивать распространение того или иного типа жилищ нельзя. Даже в Северо-Восточной Руси, большая часть которой принадлежала к лесной зоне, как отме-

[19] *Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А., Зоценко В. Н.* Исследования Киевского Подола.— АО 1976 г. М., 1977, с. 287.

[20] *Богусевич В. О.* Розкопки на горі Киселівці .., с. 68.

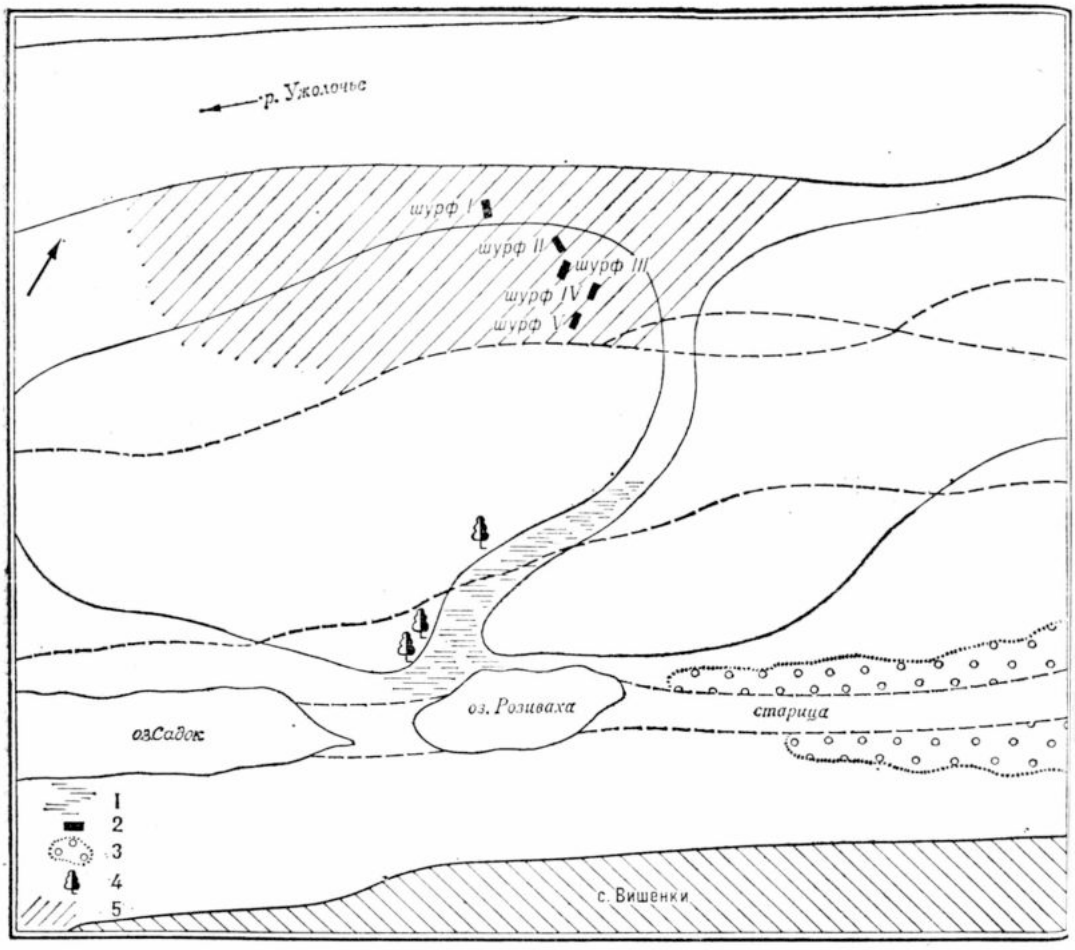


Рис. 8. План селища у с. Вишенки.

1 — заболоченная местность, *2* — шурфы; *3* — посадки; *4* — отдельно стоящее дерево; *5* — территория селищ.

чает М. Г. Рабинович [21], в XIII—XIV вв. ни один из указанных типов не господствовал безраздельно. Южнорусская территория, относившаяся в основном к зоне Лесостепи, в силу своего промежуточного положения представляет сочетание различных типов домостроительства.

Подавляющее большинство жилищ — наземные. Они зафиксированы на Выдубечах (2), Комаровке (11), Озаричах (7) и на ряде других памятников. Как правило, сохранность жилищ плохая, так как их остатки найдены на небольшой глубине, а стены в древности находились над уровнем дневной поверхности и разрушились с течением време-

[21] *Рабинович М. Г.* Жилища.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1, с. 263.

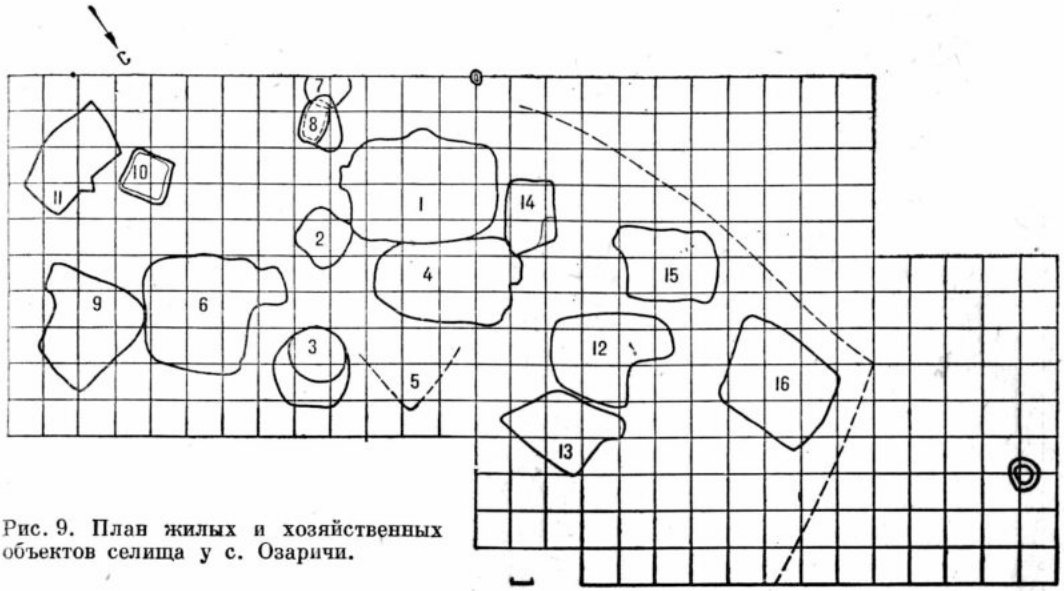


Рис. 9. План жилых и хозяйственных объектов селища у с. Озаричи.

ни. Жилища в плане прямоугольные или квадратные, ориентированы по сторонам света. Площадь 9—51 м², но в среднем составляет 20—30 м².

Вход в жилище устраивался в виде пристройки прямоугольной в плане формы и находился обычно сбоку, чаще всего являясь продолжением юго-восточной или юго-западной стены. Лишь в одном случае он зафиксирован в срединной части стены (Озаричи, № 11, рис. 9). Размеры входа 1×0,5 м — 1,8×1,1 м. Очень длинный вход, до 6,2 м, прослежен А. И. Кубышевым в одном из жилищ Комаровского поселения.

Место для печи закреплено не было, но чаще всего она находилась в северо-западном или северо-восточном углу по диагонали от входа. Учитывая географическое положение поселений (Среднее Поднепровье), такое соотношение печи и входа позволило Е. А. Бломквист [22] отнести описываемые жилища по планировке ко второму типу. Эта исследовательница и другие этнографы называют его «восточным южновеликорусским типом» [23]. Печи были глинобитными, но иногда применялись и камни. К сожалению, устье печи почти всегда не прослеживается, да и сами печи фиксируются в виде развала. Это объясняется близким расположением печей от уровня древней дневной поверхности, а также конструктивными особенностями печей, стоявших на деревянных каркасах-опечках. Согласно описанию Е. А. Бломквист, печь устраивалась на нескольких толстых стойках, врубаемых внизу в крестовины и связанных брусьями, лежащими на полу. Стойки на небольшой высоте связывались одним-двумя венцами из брусьев. В них врубались переводы, на которые настилался накат для пода. Подпечье (опечка) получалось откры-

[22] *Бломквист Е. А.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 212.

[23] Там же; *Самойлович В. П.* Народна творчість в архітектурі сільського житла. К., 1961, с. 28.

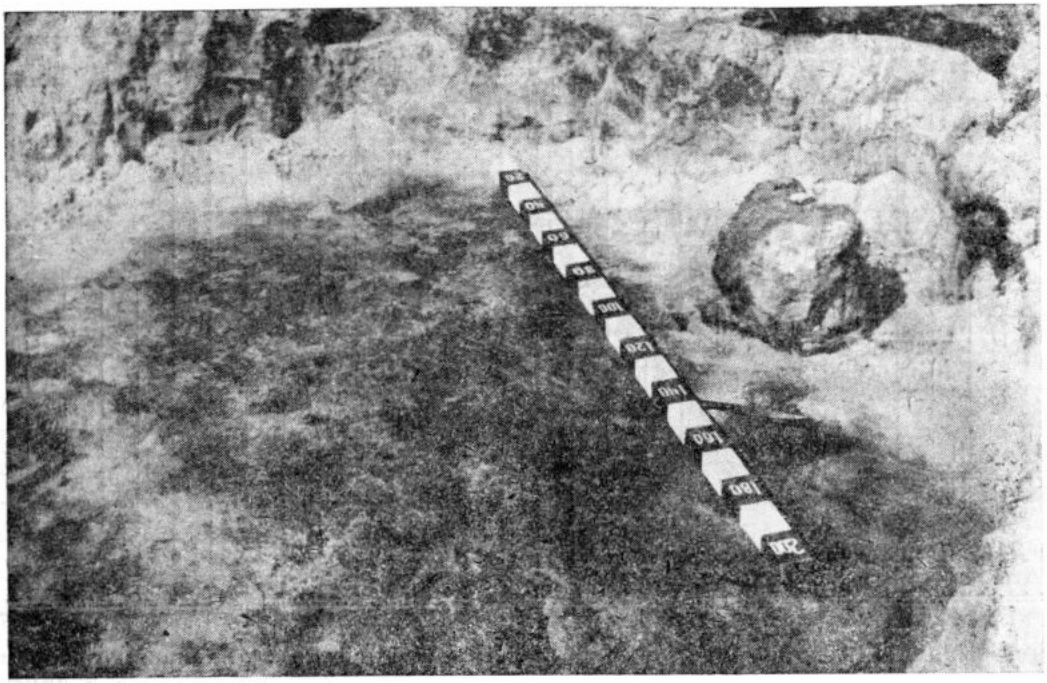


Рис. 10. Наземная часть и остатки печи. Озаричи, жилище № 10.

тым [24]. По мере разрушения каркаса печь сползала вниз и разваливалась. В одном из жилищ (Озаричи, № 13) удалось зафиксировать остатки обгоревшего деревянного каркаса, а также прямоугольные контуры на полу жилища размером 1,4×1,2 м. Сам развал печи сохранился на высоту 0,5 м от уровня пола постройки. На разрезе остатков печи видны также следы дерева. Иногда среди печины встречаются фрагменты со следами побелки, а куски внешней обмазки несколько напоминают гладкие кафельные плитки.

Необходимо отметить, что до последнего времени находки печей подобной конструкции на ряде древнерусских городищ (Воинь, Ленковцы, Колодяжин) рассматривались как явление, не характерное для южнорусских селищ, а присущее только жилым клетям оборонительных валов [25]. Открытие таких печей на некоторых поселениях опровергает это мнение и свидетельствует о том, что в Южной и Северо-Восточной Руси они, по-видимому, были массовым типом отопительного устройства жилых построек, расположенных на городищах и селищах.

Пол жилищ был деревянным или глинобитным. Стены обмазывались глиной, иногда были побелены, о чем говорят находки обмазки вдоль стенок жилищ со следами побелки. Конструкцию стен наземных жилищ из-за плохой сохранности их остатков в культурном слое определить трудно. Скорее всего она столбовая. На это указывают зафиксированные во многих жилищах ямы по углам, иногда в центре, для поддер-

[24] *Бломквист Е. А.* Крестьянские постройки.., с. 256.

[25] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище,— САИ, Е1 — 32, Л., 1975, с. 154—155.

жания крыши (Комаровка, Озаричи, Белгород), а также обломки балок (Белгород). Вдоль стен встречались куски обмазки, гвозди, костыли.

Почти на всех памятниках (Озаричи, Комаровка, Половецкий, Ломоватое и др.) встречаются наземные жилища с подклетом. Иногда в подобном случае удается проследить только подклет (Ломоватое, Выдубичи, Озаричи), что подчас вводит в заблуждение исследователей, которые относят такие объекты к углубленным жилищам. Конструкция подклета зафиксирована не везде, пока известна только срубная. Убедительным примером такого типа жилища является конструкция одного из жилищ Озаричского поселения (№ 10). Его контуры начали более четко улавливаться только на глубине 0,6 м, хотя уже от уровня 0,2 м современной дневной поверхности шел темный гумуссированный песок и отмечалась большая насыщенность культурного слоя (рис. 10). Окончательно его контуры в виде пятна квадратной формы в плане удалось зафиксировать только на глубине 0,84 м. По сторонам квадрата отчетливо видны остатки обгоревшего сруба. Его размеры 2,4×2,4 м. Площадь составляет 5,76 м². Пол сруба прослеживался на глубине 1,5 м. На глубине 1,29 м от уровня современной дневной поверхности зафиксировано скопление печины, в центральной части сруба расчищена неглубокая овальная в плане яма (рис. 11). In situ остатки печи прослежены еще на глубине 0,66 м (рис. 12), вблизи края подклета. По-видимому, после гибели жилища часть печи осталась на уровне пола, а другая сползла в подклет, что и было зафиксировано при расчистке заполнения и пола сруба. Характерно и то, что основная масса вещественных находок (керамика, железные орудия, фрагменты чугунных котлов) отмечалась над подклетом. Сруб второй половины XIII—XIV в., очевидно, разрушил древнерусское жилище XII—XIII вв., поэтому у западной стенки его найдено несколько фрагментов горшков древнерусского времени. В заполнении же сруба и на полу обнаружена керамика, аналогичная глиняной посуде других поздних жилищ поселения, а также шлаки, железное кольцо, обломок изделия из бронзы.

Наземными жилищами с подклетом, вероятно, были и жилища № 8, 20, 29 Комаровского поселения. Размеры построек незначительны, место печи не прослеживается. В одном из жилищ остатки печи (подобно Озаричам) возвышались над уровнем древней дневной поверхности и находились на высоте 0,6—0,9 м от уровня пола. Спорна и трактовка А. И. Кубышева жилища № 24, которое он считает углубленным. Остатки сруба в нем выявлены на глубине 0,45 м. Постройка углублена в материк на 0,9 м. Хотя на всей площади встречается обожженная глина, место печи установить не удалось. На полу сруба найден разбитый чугунный котел и золотоордынская монета, чеканенная между 1360—1369 гг.[26] Возможно, и эта постройка является наземным жилищем с подклетом хозяйственного назначения, как и описанные выше.

Основная масса жилищ однокамерные. Только одно трехкамерное (Комаровка). Оно состояло из жилого помещения с печкой (3,0×2,4 м) и хозяйственного (3,8×3,7 м), соединенных с помощью прохода шириной около 1,2 м [27].

Углубленные жилища на поселениях редки. По планировке они не отличаются от наземных. Размеры небольшие, до 12—14 м. Одно из них исследовано на Комаровском поселении, конструкцию стен которого определить не удалось (№ 34). По мнению Г. Г. Мезен-

[26] *Кубышев А. И.* Раскопки средневекового поселения.., с. 50.

[27] *Юра Р. О.* Найдавніші традиції у плануванні східнослов'янського народного житла.— Археологія, 1971, 1, с. 82.

Рис. 11. Жилище № 10, подкоп.

цевой [28], к таковым принадлежат и два жилища из Белгорода, конструкция которых из-за плохой сохранности также не установлена. Остатки срубного углубленного жилища выявлены Д. Т. Березовцом в уроч. Стан, близ с. Волынцево [29].

Хозяйственные постройки и ямы особенно хорошо известны по исследованиям на Комаровском и Озаричском селищах. На последнем из 16 объектов к хозяйственным принадлежало 7. Все они были прямоугольной или овальной в плане формы, площадью 6—15 м². Только одна постройка составляла 31 м² (см.: рис. 9). Конструкция стен столбовая. Назначение каждой отдельной постройки не всегда можно определить точно. Судя по планировке и находкам (керамика, орудия труда, фрагменты чугунных котлов), некоторые из них предназначались для хранения продуктов, другие — для сельскохозяйственного инвентаря. Известны и помещения для скота, в частности, к ним принадлежит и вышеупомянутая постройка из Озаричей. Она отличалась от других размерами, некоторыми особенностями конструкции — столбы размещались не только по периметру, но и в центральной части постройки. Пол со следами перегноя сильно утрамбован.

Особенно интересна одна из хозяйственных построек Комаровского поселения. Она четырехугольной формы в плане, площадью около 15 м². В центре ее яма-погреб. На дне ямы у южной стенки обнаружены два железных че-

[28] *Мезенцева Г. Г.* Звіт про роботу Білгородської археологічної експедиції КДУ в 1967 р.— Архив ИА АН УССР, 1967/72; *Мезенцева Г. Г.* Звіт про роботу Білгородської археологічної експедиції КДУ в 1968 р.— Архив ИА АН УССР, 1968/52.

[29] *Березовец Д. Т.* Отчет об археологических работах на Путивльщине в 1953 году.— Архив ИА АН УССР, 1953/8 в, с. 22—24.

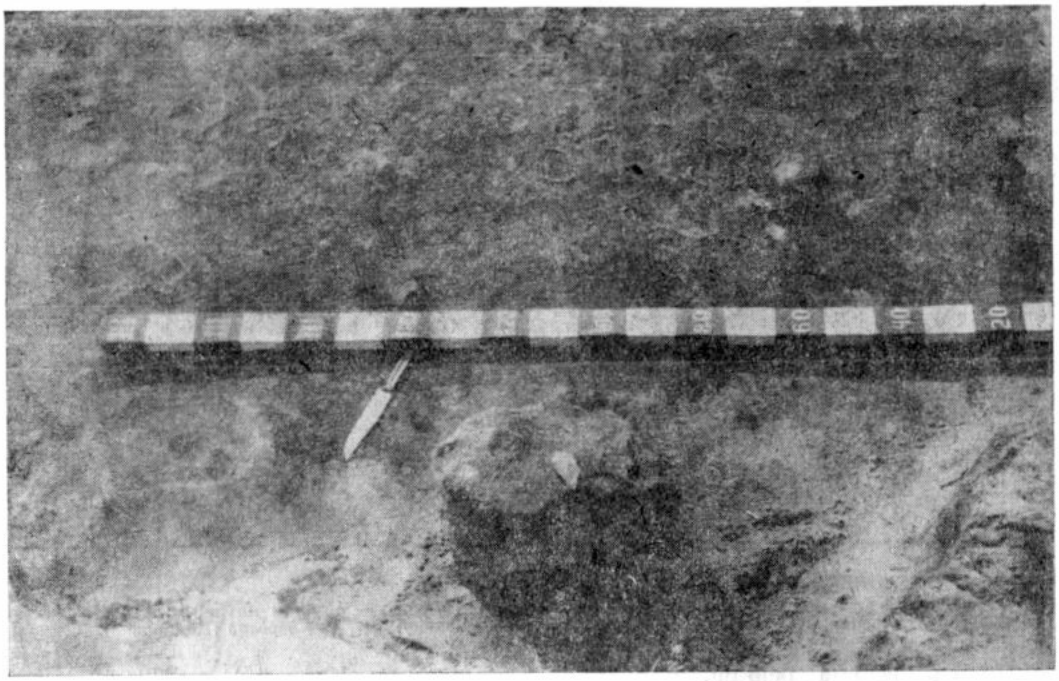


Рис. 12. Жилище № 10, остатки печи.

ресла и плужный лемех [30]. Зерновые ямы были овальной или круглой в плане формы, особенно многочисленны они на Комаровском поселении. В одной из ям стоял целый чугунный котел [31].

Характеристика вещественного материала. *Орудия труда из металла.* В процессе исследования археологических памятников собрана довольно большая и разнообразная коллекция орудий труда и предметов домашнего обихода. Существенное место в ней занимает сельскохозяйственный инвентарь, представляющий основную отрасль феодального хозяйства,— орудия земледелия и скотоводства, сельскохозяйственных промыслов.

Пахотные орудия (чересла и лемех) найдены на Комаровском поселении *.

Чересла (плужные ножи, 2 экз.) имели длину 60 см каждое, ширину 7 см. Длина черенка почти равна длине клинка (рабочей части) и составляет около 30 см (рис. 13, *4*, *5*). По своей форме чересла близки древнерусским [32], но превышают их по размерам и имеют несколько иные пропорции. Древнерусские чересла были не более 40—53 см в длину при ширине 7—8 см, и в пропорциональном отношении ширина клинка относилась к его длине, как 1 : 3, хотя самые большие экземпля-

[30] *Кубышев А. И.* Раскопки поселения X—XV вв ..., с. 26.

[31] Там же.

* Автор выражает благодарность А. И. Кубышеву за представленную возможность изме-

рения этих орудий. Описание и датировка лемеха из Комаровки даны по: *Чернецов А. В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий.— КСИА АН СССР, 1976, № 146, с. 32—35.

[32] *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 29; *Довженок В. И.* Землеробство Древньої Русі. К., 1961, с. 76; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965, с. 44.

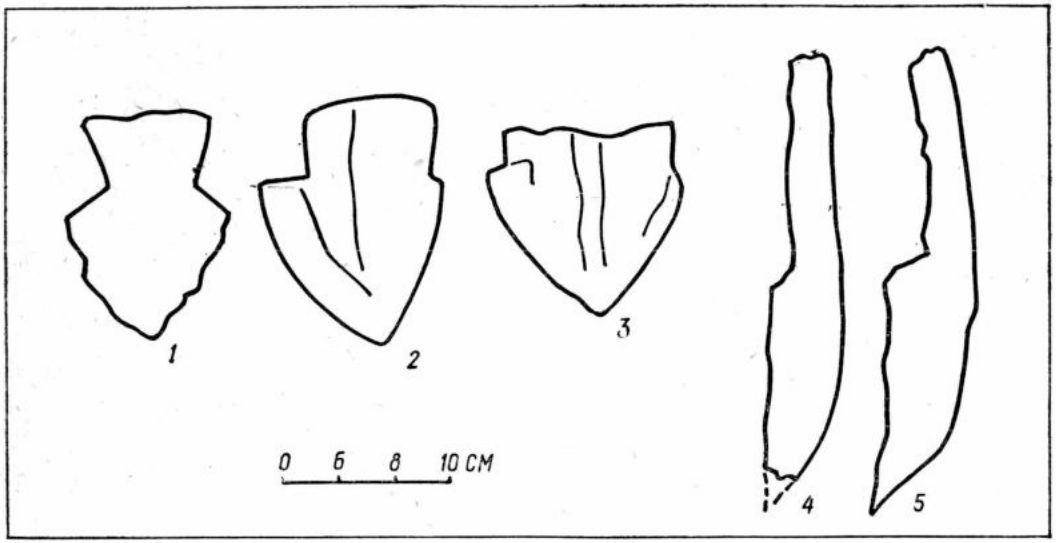


Рис. 13. Пахотные орудия XIV—XV вв.

2—3— переходные формы от древнерусских симметричных лемехов к поздним плужным; *1* — Киевщина *1* — Вышгород (Рязанщина), *3* — Комаровка (по А. В. Чернецову); *4, 5* — чересла (Комаровка).

ры, правда весьма редкие, приближались к поздним. Так, например, чересло с Райковецкого городища было длиной 53 см, лезвие длиной 32 см и шириной 7 см, т. е. соотношение ширины и длины клинка 1 : 4. Чересла с Комаровки больше древнерусских в среднем на 10—20 см, в том числе и Райковецкого — на 7 см. В пропорциональном же отношении они тождественны Райковецкому (1 : 4) [33].

Весьма массивен и *лемех* с Комаровского поселения. Длина его 27 см, ширина лезвия в самой широкой части у втулки 24 см, длина втулки 6 см, ширина 23 см. По своим размерам в целом он не превышает лемехи древнерусского времени, длина которых колебалась от 21 см до 30 см, а иногда достигала и 35 см при ширине 15—25 см [34]. Однако комаровский лемех несколько больше известных лемехов с древнерусских памятников Южной Руси. Так, наиболее крупный лемех с Райковецкого городища имел длину 25 см при ширине 15,5 см и длине втулки 10 см [35]. Продольная ось между острием и втулкой, или трубицей, у лемеха с. Комаровки не проходит через середину последней и делит ее на два неравных отрезка в 9 и 13 см, причем самой широкой части трубицы соответствует и выступ шириной в 3 см плечика лопаты (рис. 13, *3*). По форме близкие аналогии комаровскому лемеху составляют райковецкий лемех [36] и лемех с Вышгородского селища на Рязанщине [37].

Серпы. Несколько серпов найдено при раскопках Озаричского и Комаровского поселений. Один из них (Озаричи) промерен по методике В. П. Левашо-

[33] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище.., с. 64.

[34] *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.., с. 29; *Довженок В. И.* Земледелие.., с. 75.

[35] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище.., с. 64.

[36] Там же, с. 64, табл. V, рис. 1.

[37] *Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы.— В кн.: Очерки русской культуры, ч. 1, с. 77, 80; *Чернецов А. В.* Классификация и хронология.., с. 33, рис. 1, *16*.

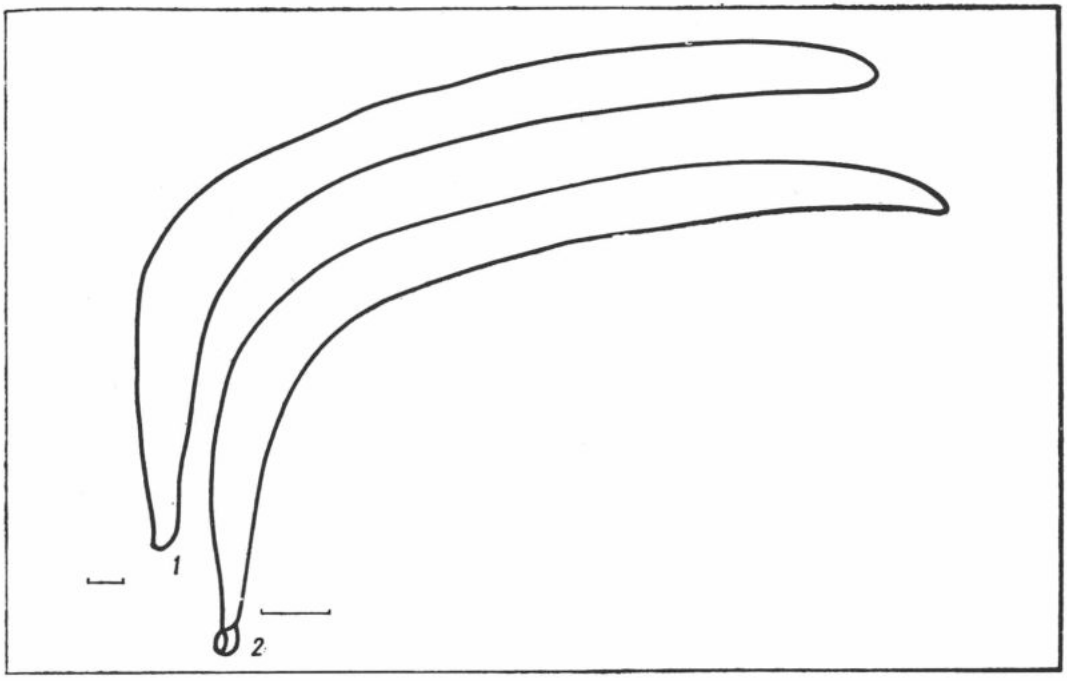


Рис. 14. Сельскохозяйственные орудия.
1 — серп, *2* — коса.

вой [38] (рис. 14, *1*). Расстояние от начала клинка до его конца по прямой составляет 22,5 см, ширина средней части 1,8 см. Вершина дуги лезвия асимметрична, сдвинута к рукоятке. Высота дуги лезвия 6 см. Отношение высоты дуги лезвия СД к ее основанию АВ 1 : 4, а отношение отрезка основания от рукоятки до высоты дуги (АС) ко всему основанию (АВ) 1 : 3. Изгиб начальной части клинка по отношению к основанию дает угол в 50°, а изгиб клинка — в 30°. По своим размерам и соотношениям этот серп близок к серпам киевского типа [39], но несколько отличается по углу отгиба начальной и конечной части клинка. Угол В почти в два раза меньше угла А, что характерно для серпов новгородского типа [40].

Косы *. Найдено два экземпляра (Озаричи), один из которых обломан. Неповрежденный экземпляр косы (рис. 14, *2*) представляет собой почти равномерной ширины клинок, острие которого имеет изгиб в сторону лезвия, а противоположный конец изогнут в том же направлении, плавно переходя в плоский черешок, конец которого почти перпендикулярно отогнут. Длина клинка (АВ) косы 35,5 см, а ширина (ЕК) 3 см. Таким образом, ширина клинка составляет $^1/_{12}$ его длины, приближаясь по своим параметрам к новгородским и среднерусским косам Древней Руси. Черешок ее у́же клинка (2 : 3). Уступ еле уловим, в то время

[38] *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.., с. 60.
[39] Там же, с. 72.
[40] Там же, с. 70.
* Измерения проведены по методике В. П. Левашовой.

Рис. 15. Орудия рыбной ловли.
1, 2, 5 — крючки; *3, 4* — остроги; *6, 7* — грузила (Озаричи).

как в древнерусское время, особенно у южнорусских кос, он выделялся более отчетливо. Длина черешка 6 см, что составляет $^1/_6$ длины клинка. Такая пропорция характерна для всех типов древнерусских кос [41]. Высота дуги лезвия составляет $^1/_5$ длины основания, что сближает ее с новгородской. Вершина лезвия лежит ближе к черенку и угол А больше угла В, изгиб более крутой в начальной части, чем в конечной, что характерно для южнорусских и среднерусских кос.

К сожалению, по сохранившемуся черешку второй косы трудно реконструировать орудие полностью. Укажем лишь, что скорее всего ее форма была аналогична первой, но поломанный экземпляр был более крупным по размерам. Достаточно сказать, что длина черешка 8 см, ширина 3,5 см, в пропорциональном отношении ширина относится к длине, как 2 : 3, т. е. тождественна описанной выше, также приближаясь к южнорусской косе эпохи Древней Руси. Несмотря на то что в нашем распоряжении имеется только два экземпляра кос, их параметры позволяют предположить о бытовавшем в данном районе типе. Дело в том, что еще в древнерусский период было известно несколько типов кос, форма которых зависела от географического региона, в котором она употреблялась [42], так как каждый из них имел свой ботанический состав трав. Таким образом в каждой природной зоне был устойчиво распространен определенный тип кос. Сравнительный анализ пропорций озаричских кос с вычисленными В. П. Левашовой параметрами южнорусских, среднерусских, нижневолжских, новгородских и других типов показывает, что они в целом не соответствуют ни одному древнерусскому типу полностью, хотя генетически с ними связаны. В данном случае мы имеем дело с переплетением северных и южных признаков. Весьма важно отметить смещение вершины дуги лезвия ближе к черенку, нехарактерное для Древней Руси. Важно и то, что при относительно небольшой длине косы, что, вероятно, связано с видовым составом трав Лесостепи, происходит изменение пропорций, они близки северным, которые сходны по форме с современными. Возможно, такое изменение некоторых пропорциональных соотношений объясняется техническим усовершенствованием кос в последующий период.

Из инвентаря, характеризующего промыслы, можно отметить находку ножа для срезания пчелиных сот (Комаровка) и многочисленные орудия рыбной ловли (Озаричи, Комаровка).

[41] *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.., с. 90.

[42] Там же, с. 90—91.

Остроги. Найденные экземпляры относятся к двузубым и трехзубым острогам (Комаровка, Озаричи). Все остроги из Озаричей двузубые. Они выкованы из одного стержня, который раздваивался. Крючки располагались в одну сторону. Стержень на противоположной стороне отогнут (рис. 15, *3*, *4*). Аналогичные экземпляры известны и в древнерусское время.

Рыболовные крючки также сходны с древнерусскими (Озаричи). Они представлены образцами типа 3 и 4, по В. А. Мальм [43]. Крючок типа 3 (рис. 15, *1*) без зубца, с петелькой на противоположном конце. Крючки типа 4 имели различный изгиб стержня с зубцом и петелькой на противоположном конце (рис. 15, *2*). Особо следует упомянуть находку редкого по размерам крючка. Он близок типу *4*, но имеет очень длинный тонкий стержень, почти прямой, с утолщением, как бы делящим крючок на две части: стержень с петелькой и стержень с зубцом. Длина всего стержня до изгиба 17 см, длина до утолщения от стержня с петелькой 5,6 см, длина от утолщения до изгиба зубца 11,4 см. Толщина стержня 0,4—0,5 см (рис. 15, *5*). Встречались и свинцовые *грузила* для сетей в виде цилиндриков и усеченного конуса (Озаричи), аналогичные древнерусским (рис. 15, *6*, *7*).

Помимо сельскохозяйственного инвентаря в коллекции из южнорусских поселений исследуемого периода широко представлены орудия универсального назначения (ножи, ножницы, топоры, шильца, иглы) и инструменты (тесло, сверло).

Ножи — наиболее массовый вид орудий на исследованных памятниках. На поселении у с. Озаричи найдено 20 экземпляров, что составляет 20% всех изделий из железа (рис. 16). По форме и размерам они близки древнерусским

[43] *Мальм В. А.* Промыслы русской деревни.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., с. 117.

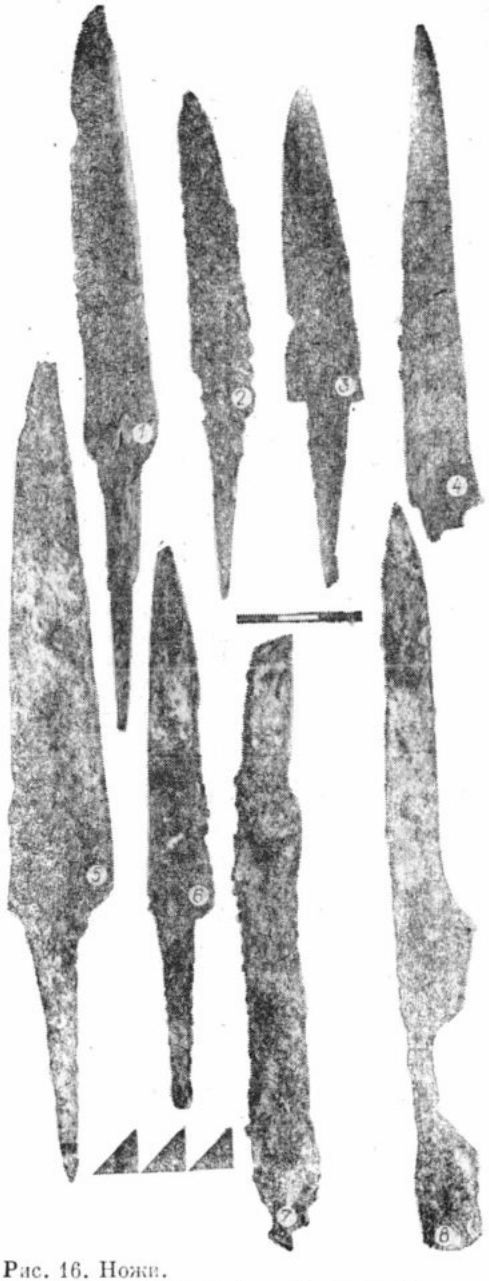


Рис. 16. Ножи.
1—4 (Озаричи); *5—8* (хут. Половецкий).

XII—XIII вв., но несколько крупнее. Длина клинка 10—12 см, ширина у рукоятки до 2 см. Черенки шиловидные, часто обломаны. Рукоятки не сохранились. Классификация ножей по функциональному назначению (методика Б. А. Колчина) [44] позволяет выделить два типа: хозяйственные и столярные. Принадлежность некоторых экземпляров установить не удалось из-за плохой сохранности. Хозяйственные ножи, кухонные и столовые, составляют 60%. И у первых и у вторых, как известно, ось рукоятки направлена параллельно прямой спинке клинка, но столовые имеют более вытянутые пропорции. Столярные ножи (до 40%) отличаются от описанных тем, что ось рукоятки проходит выше конца клинка, лезвие изогнуто. Многие из них сохранили следы сточенности — значительный выем в середине клинка. Аналогичные ножи найдены и при раскопках Белгорода, а также на поселениях у сел Комаровка и Ломоватое. Особую группу, характерную только для исследуемого времени [45], составляют некоторые ножи с городища у хут. Половецкий. Это ножи с пластинчатым черенком, имеющим три отверстия, в которых часто сохранялись железные, реже — медные штифтики (рис. 16, *7*, *8*). Последние крепили рукоятку, которая состояла из двух накладок [46]. Все ножи, по-видимому, хозяйственного назначения. Аналогии им представляют ножи из раскопок в Зарядье (Москва), Брянска, Воротынска, где они датируются XV в.[47]

Возможно, к поздним принадлежит и редкий тип боевого ножа с железной, прямоугольной в сечении рукояткой, снабженной на конце двумя ушками и кольцом для подвешивания к поясу [48].

Ножницы, как и в древнерусский период, были двух типов: пружинные и шарнирные. Образец пружинных (для стрижки овец) найден в Комаровке [49], шарнирных — в Озаричах.

Иглы также аналогичны древнерусским, их конструкция практически не изменилась до нашего времени. Имеющиеся экземпляры относятся к швейным, длина их 40—70 мм, диаметр 0,7—1,1 мм. Иглы сохранились плохо, особенно часто отломано ушко для нитки. Исключение составляет проушная игла из Ломоватого [50].

Кроме того, встречаются и *шильца*, но тоже плохой сохранности. На Озаричском и Комаровском поселениях найдены также обломки топоров. Инструментарий представлен в основном орудиями деревообработки (Озаричи).

Тесло (рис. 17, *1*) втульчатое, массивное, конец лезвия обломан. В сохранившемся виде его размеры следующие: длина 165 мм, ширина лезвия 80 мм, диаметр втулки 40 мм, длина втулки 90 мм. Втульчатые тесла известны с древнерусского времени. Наиболее близки Озаричскому тесла, датирующиеся XIII в. из Колодяжина и Новгорода [51], хотя полных аналогий пока не выявлено.

Сверло (рис. 17, *2*) спирального типа

[44] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, с. 54—56.

[45] *Кучера М. П.* Про одну групу середньовічної кераміки.., с. 178.

[46] *Кучера М. П., Довженок В. И.* Отчет о работе.., с. 32, табл. V, рис. 10, 11.

[47] *Дубынин А. Ф.* Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва).— КСИИМК. 1959, № 77, с. 95, рис. 41, *6*; *Равдина Т. В.* О времени возникновения Брянска.— КСИА АН СССР, 1973, № 135, с. 67—69; *Никольская Т. Н.* Воротынск.— В кн.: Древняя Русь и славяне, с. 123—124, рис. 3, *11*.

[48] *Кучера М. П., Довженок В. И.* Отчет о работе.., с. 32.

[49] *Кубышев А. И.* Раскопки поселения X—XV вв. у с. Комаровка.., с. 26.

[50] *Симонович Э. А.* Раскопки поселения X—XV вв., с. 26.

[51] *Юра Р. А.* Древний Колодяжин.., с. 101; *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, с. 31—33, рис. 16, *2*.

длиной 154 мм, диаметр 7 мм. Наверху стержень оканчивается горизонтальной втулкой, диаметр отверстия которой 20 мм. Режущая грань сверла имеет правую спираль, т. е. при работе вращение идет по часовой стрелке. Такого типа сверла распространены в древнерусское время на всей территории Руси, известны они и в памятниках второй половины XIII—XV в.[52]

Назначение некоторых орудий не совсем ясно. Одно из них (рис. 17, *3*) представляет цельный металлический клиновидный четырехгранный стержень, заостренный на одном конце и расплющенный (обух) на другом. Общая его длина 43 мм, ширина лезвия 10 мм. Судя по оббитой поверхности обуха, инструмент, возможно, употреблялся для пробивания отверстий. Два других сходны по форме, но несколько отличаются по размеру (рис. 17, *4*, *5*). Они оформлены в виде металлического стержня, прямоугольного в сечении. Нижний конец стержня оканчивался четырехгранным черенком, на который насаживалась рукоятка. Черенок обломан. Стержень суживался кверху, и конец его загнут под углом в 90° к стержню и уплощен, у второго — почти заострен. Длина орудия 80—85 мм, загнутой части 11—12 мм. Толщина черенка 8 мм, вверху — 5 мм. Аналогии орудию неизвестны.

Предметы домашнего обихода, строительный инвентарь. Замки и ключи. Среди других предметов бытового назначения найдены замки и их детали, а также ключи. Замки встречены двух типов: дверные внутренние и висячие [53]. Внутренние дверные замки были комбинированными (из дерева и металла), поэтому от них сохранились только железные детали: скобы и пружины (рис. 18,

Рис. 17. Железные орудия труда.
1 — тесло; *2* — сверло; *3* — пробойник (?); *4*, *5* — орудия неизвестного назначения (Озаричи).

1, Озаричи). На Комаровском поселении найдены цилиндрические (трубчатые) висячие замки и ключи от них [54]. Висячие металлические замки были в употреблении и у жителей Озаричского поселения, на что указывают находки ключей. Судя по форме ключей, замки относились к типу В, по классификации Б. А. Колчина [55]. Как известно, это основной тип древнерусского замка, существовавший с XII по XIV в. Для них предназначались коленчатые ключи с

[52] *Колчин Б. А.* Ремесло.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1, с. 180—182.

[53] *Рыбаков Ю. А.* Ремесло Древней Руси, с. 218.

[54] *Кубышев А. И.* Раскопки поселения.., с. 26.

[55] *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32, с. 156.

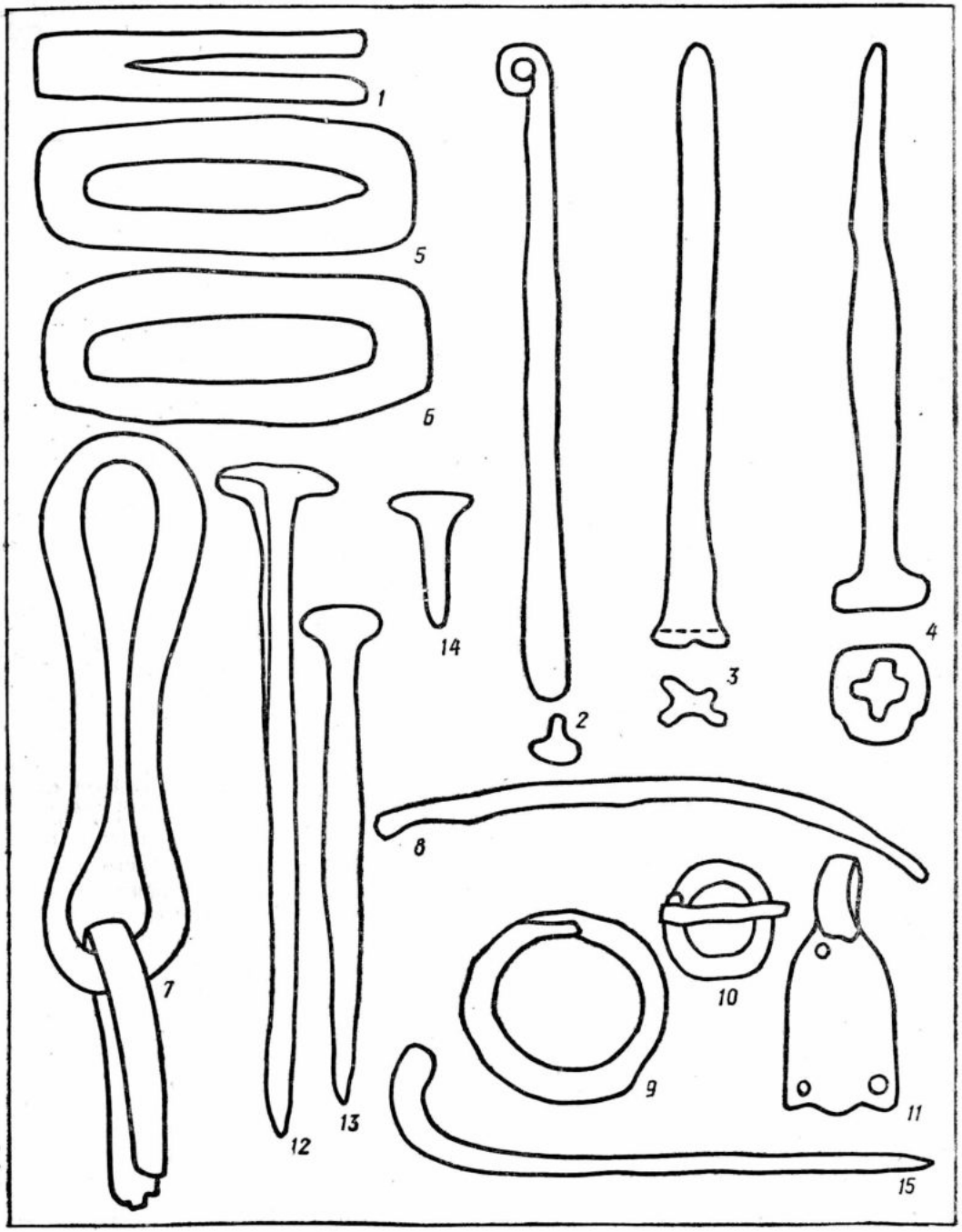


Рис. 18. Предметы домашнего обихода и строительный инвентарь.

1 — обломок замка; *2*, *3*, *4* — ключи; *5*, *6* — кресала; *7* — обломок цепи; *8* — дужка от ведра; *9*, *10* — кольцо, пряжка; *11* — бляшка; *12—14* — гвозди; *15* — костыль (Озаричи).

фигурным концом и фигурным коленом-кольцом. Первые представлены двумя экземплярами ключей. Один из них (рис. 18, *2*) в виде плоского стержня длиной 135 мм, толщиной 4 мм, с загнутым к узкой части концом для подвешивания ключа к поясу. Ширина стержня у конца 7 мм, у противоположной части 4 мм. Коленчатый конец в виде Т-образной фигуры с округлым краем. Такого типа ключи были широко известны на всей территории Руси, как Северной, так и Южной в XII—XIII вв. Почти полные аналогии вышеописанному найдены при раскопках Гродно и в Зарядье (Москва) [56]. Второй — также представляет коленчатый стержень длиной 120 мм, толщиной 2 мм. Ширина стержня у коленца 10 мм, на противоположном конце 7 мм. Вверху конец загнут к широкой плоскости стержня. Противоположный заканчивается Х-образной фигурной лопастью (рис. 18, *3*). Аналогичный ключ известен из раскопок слоя XII—XIV вв. во Владимире [57]. Третий ключ — в виде стержня, который делится на две части — круглую вверху, оканчивающуюся отверстием, перпендикулярным лопасти ключа, и плоскую внизу. Плоская часть стержня завершается коленом с круглой лопастью, имевшей крестовидный вырез в середине и два выреза по бокам (рис. 18, *4*). Длина ключа 110 мм, лопасти — 20 мм. Длина округлой части стержня от отверстия 38 мм, и от него до лопасти 60 мм. Ключи подобного типа появились в конце XII в., и их распространение продолжалось, видимо, вплоть до XV в. Так, в Плиснеске весьма похожий ключ найден в слое XII—XIII вв.[58]

В Волковыске коленчатые ключи с подобной лопастью появляются также в XII в. и бытуют до начала XIV в., хотя образцы со специфическими стержнями из двух частей — круглой и плоской — бытуют там только в слое XIV в. Вполне возможно, как отмечает Я. Г. Зверуго, что такие ключи служили для замков типа Г с усиленным донцем и ключевым отверстием, закрытым вертикальными щитками [59]. Подобные замки появились в Новгороде в конце XIII в. и использовались до конца XV в.[60]

Кресала. Для исследуемого времени характерны овальные и прямоугольные двулезвийные кресала. В Озаричах найдены два такие кресала. Одно из них — длиной 78 мм, шириной 32 мм, толщиной 3 мм. Ширина каждого лезвия 8 мм (рис. 18, *5*). Другое несколько меньшее по размеру, длина его 75 мм, ширина 27 мм, толщина 2 мм. Ширина каждого лезвия 6 мм (рис. 18, *6*). Аналогии им известны на древнерусских памятниках Юго-Западной и Южной Руси. В Плиснеске такие кресала найдены в культурном слое XII—XIII вв., в Воине они относятся к XIII в. [61] Очевидно, подобные кресала вошли в обиход в первой половине XIII в., сменив калачевидные однолезвийные и удлиненно-овальные двулезвийные с фигурными пропилами. Последние, вероятно, были переходным типом к овальным. Характерно, что именно такое кресало найдено в древнерусской части Озаричского поселения, а аналогии ему на памятниках Белоруссии и в Новгороде датируются также не позднее первой половины XIII в. [62] Оваль-

[56] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, 1954, № 41, с. 176, рис. 96, *13*; *Дубинин А. Ф.* Археологические исследования .., с. 92, рис. 40, *2*.

[57] *Воронин Н. Н.* Оборонительные сооружения Владимира XII в.— МИА, 1949, № 11, с. 232.

[58] *Кучера М. П.* Древній Пліснеськ.— АП, 1962, т. 12, с. 36, рис. 14, *4*.

[59] *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск, 1975, с. 34.

[60] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода.., с. 82.

[61] *Кучера М. П.* Древній Пліснеськ, с. 41; 15, 7; *Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь, с. 89, табл. XIV, *5*.

[62] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода.., с. 100; *Загоруль-*

ные кресала, идентичные описанным выше, но с более толстым лезвием, употреблялись в Волковыске и других городах Белоруссии в XIII — XIV вв., а в Новгороде — с XIII вплоть до XVI в. [63]

Среди других предметов бытового назначения встречены обломки цепей, звенья которых были в виде несомкнутой восьмерки (рис. 18, *7*), цепочки, дужки от ведер (рис. 18, *8*), обручи от деревянных ведер и бочек (Озаричи, Комаровка).

На ряде поселений (Озаричи, Комаровка, Половецкий, Волынцево) найдены принадлежности костюма : кольца ремней, округлые и квадратные пряжки (рис. 18, *9*, *10*).

К предметам кочевнического происхождения относится поясная железная бляшка подтреугольной формы (Озаричи). Широкий конец бляшки фестончатый, узкий, переходит в полоску, загнутую петлеобразно к внутренней стороне ее. Бляшка имеет три отверстия для штифтов. Одно — в узкой части и два — по углам фестончатого основания. С помощью штифтов, два из которых сохранились, бляшка крепилась к поясу, широкой стороной вверх (рис. 18, *11*). Общая длина ее составляет 50 мм, ширина основания 25 см. Полной аналогии бляшке пока не найдено. Наиболее близки ей железные бляшки из позднекочевнического кургана № 10 у дер. Вороная на Днепропетровщине, датирующиеся XIII—XIV вв. [64] По классификации Г. А. Федорова-Давыдова бляшки такой формы со штифтами относятся к типу В IV [65].

Строительный инвентарь представлен многочисленными находками на городищах и селищах (Озаричи, Комаровка, Половецкий, Белогородка) гвоздей, костылей, заклепок, скоб (рис. 18, *12*—*15*). Гвозди найдены и при раскопках могильников (Комаровка, Половецкий, Киев — Старокиевская гора). Большинство гвоздей строительно-крепежного типа с плоской, круглой или прямоугольной шляпкой. Длина экземпляров, происходящих из Озаричей, 52 — 135 мм.

Чугунные котлы представляют особую группу вещественного материала, не известного в древнерусский период. Впервые их фрагменты обнаружены при раскопках Комаровского поселения в хозяйственных ямах и жилищах. В 1966 г. в одной из таких ям найден целый чугунный котел [66]. Диаметр его по венчику составляет 55 см, венчик прямой без закраины, толщина стенок 6 мм.

В процессе исследования Озаричского поселения найдено 29 фрагментов чугунных котлов — 9 венчиков и остальные стенки (рис. 19). Их обломки зафиксированы при расчистке ям в гончарной мастерской (5 фрагментов). Это обломки разных котлов, отличающихся друг от друга по форме и размерам.

Обломки котлов найдены еще в двух жилищах и трех хозяйственных постройках, а также в культурном слое. Все котлы по формальным признакам можно разделить на две группы.

1. Котлы с диаметром по венчику 43—65 см. Венчики прямые, срез изнутри, иногда с уступом, корпус широкий, шейка не выделяется.

ский Э. М. Древний Минск. Минск, 1963, с. 90; *Штыхов Г. В.* Раскопки в Лукомле в 1966—1969 гг.— Древности Белоруссии. Минск, 1969, рис. 10, *3*; *Штыхов Г. В.* Раскопки в Логойске в 1968 г.— Тез. докл. конф. по археологии Белоруссии. Минск, 1969, рис. 3, 7.

[63] *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск, с. 35, рис. 9, 15, 16; *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода.., с. 100.

[64] *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг.— ИАК, 1911, № 43, с. 95, 91, рис. 77, *4*, *5*.

[65] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 50.

[66] *Кубышев А. И.* Раскопки поселения X—XV вв. .., с. 26.

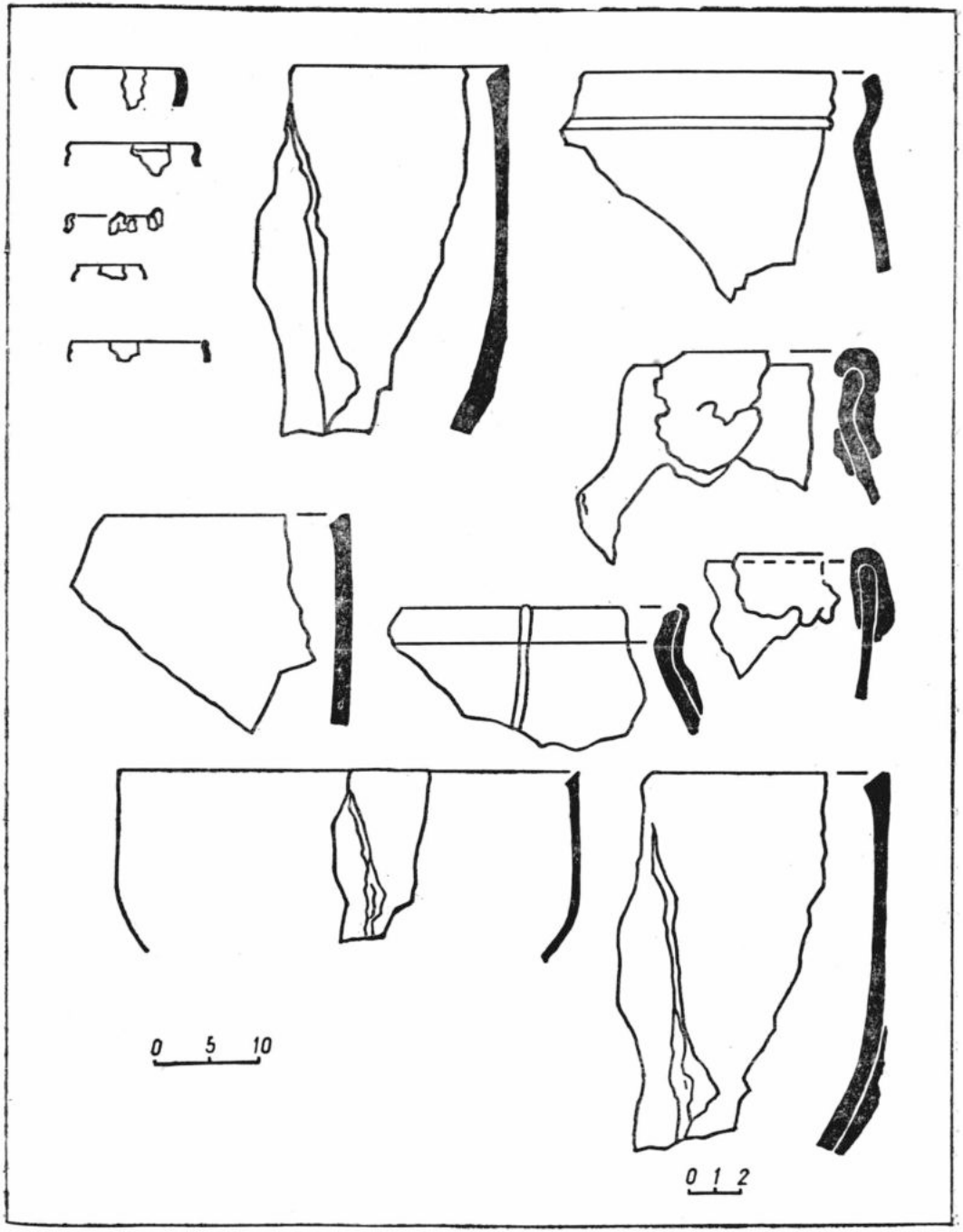


Рис. 19. Чугунные котлы (Озаричи).

2. Котлы с диаметром венчика 24—35 см. Венчики отогнуты изнутри, с плоским срезом. Переход от шейки к корпусу ребристый, корпус выпуклобокий. По форме они напоминают кухонные горшки Древней Руси.

Донная часть котлов не сохранилась, поэтому восстановить форму полностью нельзя. Судя по диаметру венчика и элементам верхней части, образцы первой группы аналогичны Комаровским. Правда, Озаричские котлы имеют более тонкие стенки. Их средняя толщина составляет 4,3—4,7 мм, колеблясь в пределах 3,2—10,9 мм.

Близкие аналогии первой группе составляют находки фрагментов чугунных котлов с поселения в южной части о-ва Хортица [67] и котлы из Болгар [68]. Фрагмент котла, аналогичного второй группе, найден при раскопках поселения у с. Вишенки на Киевщине.

Оружие, снаряжение всадника и коня. В процессе раскопок южнорусских памятников получены новые материалы, характеризующие различные стороны системы вооружения XIII—XIV вв.: оружие ближнего и дальнего боя, защитное вооружение, предметы снаряжения коня и всадника.

Оружие ближнего боя представлено находкой фигурного обуха боевого топора (Ломоватое) [69] и втульчатого наконечника копья (Озаричи, рис. 20, *1*). В нижней части втулки сбоку имеется специальное отверстие для насадки на древко. Лезвие лавролистное с ромбическим сечением. Общая длина наконечника 225 мм, длина лезвия 125 мм, ширина 30 мм, ширина втулки 25 мм. Полных аналогий этому копью пока не найдено. По формальным признакам оно близко к некоторым наконечникам типа IV, по А. Н. Кирпичникову [70]. В среднем копья этого типа несколько крупнее, но их общая длина доходила до 520 мм, хотя встречались и экземпляры меньшие, чем Озаричский. По мнению А. Н. Кирпичникова, копья могли использоваться на охоте как рогатины [71]. Начало распространения копий этого типа относится к XII в. Известны они на всей древнерусской территории (24 экз.) на протяжении XIII—XIV вв., но большинство находок зафиксировано в Южной (11) и Юго-Западной Руси (5) [72].

Наконечники стрел в зависимости от употребления, как и в древнерусский период, подразделялись на две группы: арбалетные и стрелы для обычного лука.

Арбалетные наконечники найдены при раскопках городища у хут. Половецкий [73]. Один из них втульчатый, второй — черешковый. Втульчатый наконечник стрелы (рис. 20, *2*) относится к типу 8, по А. Ф. Медведеву [74] Он лавролистный, ромбического сечения. Медведев отмечает, что аналогии ему известны в Смоленске (слой XIII—XIV вв.), Пскове (слой XIV в., в Довмонтовом городе), Друцке (слой XIII—XIV вв.), Гродно (слой XIII—XIV вв.), Риге и на городище Велидона, где они употреблялись с XII по XV в.[75] Второй наконечник, черешковый (рис. 20, *3*), принадлежит к типу 14. Он квадратного сечения с ромбовидной гранью [76]. Аналогии ему найдены на

[67] *Сокульский А. Л., Шевченко Т. К., Бородянский А. В., Рогожкина Л. В.* Раскопки славянского поселения на о-ве Хортица.— АО, 1976 г. М., 1977, с. 374.

[68] *Ефимова А. Е.* Черная металлургия города Болгара.— МИА, 1958, № 61, с. 306—308.

[69] *Сымонович Э. А.* Раскопки поселения.., с. 24, рис. 1.

[70] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— САИ, Е1-36. М.; Л., 1966, вып. 2, с. 14, 15. Табл. II, *7* и IX, *3, 4*.

[71] Там же, с. 21.

[72] Там же, с. 20, 21.

[73] *Кучера М. П., Довженок В. И.* Отчет о раскопках.., табл. V, рис. 3, 4.

[74] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. XIII—XIV вв.— САИ, Е1-36, с. 94, табл. 31, рис. 8.

[75] Там же, с. 94.

[76] Там же, с. 95.

Княжей горе, в Гродно и на других памятниках. Последние датируются концом XII—XIII вв., хотя в Гродно, Пскове, на городищах Тервете и Мартинсала такие наконечники относятся к XIII—XIV вв.[77]

В поздней части Озаричского поселения найдено три наконечника стрел для обычного лука. Первый (рис. 20, *4*) шиловидный, треугольного сечения без упора, черенок обломан, общая длина составляет 55 мм, длина головки 45 мм, ширина 7 мм. Наиболее близок ему наконечник из кочевнического погребения XIII—XIV вв. в кургане близ с. Васильевка Павлоградского р-на Днепропетровской обл.[78] Такие наконечники довольно близки типу 93 по А. Ф. Медведеву, распространение которых охватывает широкие хронологические рамки с X по XIV в.[79]

Второй, бронебойный наконечник (рис. 20, *5*) граненый, пирамидальный, квадратного сечения, с округлой длинной шейкой. Полные аналогии ему пока не известны. В значительной степени он напоминает тип 12 новгородских наконечников, характерных в основном для XIV в.[80]

Третий наконечник стрелы с обломанным верхом — ромбический, достаточно крупный с упором, черенок согнут (рис. 20, *6*). Длина сохранившейся части 115 мм, длина пера 50 мм, ширина пера 45 мм. Он относится к типу 49 А, по классификации А. Ф. Медведева[81]. Почти полную аналогию ему составляет наконечник из кургана № 9 у дер. Вороная (между с. Любимовка и Балка

Рис. 20. Оружие и снаряжение коня.
1 — втульчатый наконечник копья (Озаричи); *2*, *3* — арбалетные стрелы (хут. Половецкий); *4—6* наконечники стрел (Озаричи); *7*, *8* — удила (Озаричи).

Яцева) на Днепропетровщине[82]. Весьма близок и экземпляр из позднего слоя поселения в Рашкове (XIII—XIV вв.) Хотинского р-на Черновицкой обл.* Наконечники стрел типа 49 А появляются только после золотоордынского нашествия, т. е. практически со второй половины XIII в. и не характерны для древнерусского вооружения.

Из снаряжения коня и всадника отметим находки удил, стремени и шпор. Удила (Озаричи) относятся к первому типу по классификации А. Ф. Медведева, самому распространенному на всей территории Руси с X по XIV в.[83] Они состояли из двух колец и двух звеньев, сделанных из проволоки круг-

[77] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. XIII—XIV вв.— САИ, Е1-36, с. 95.

[78] *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования.., с. 102, рис. 91, *2*.

[79] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.., с. 84, табл. 21, *19*, *32*; 25, *15*; 30, *37*.

[80] *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1969, № 65, с. 170, рис. 15, *12*.

[81] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.., с. 69, табл. 23, *39*; 27, *8—10*; 30, *45*.

[82] *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования.., с. 93, рис. 78, *7*.

* Раскопки В. Д. Барана.

[83] *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.., с. 185, рис. 22, *5*; 23, *3*.

Рис. 21. *1* — игральная кость; *2* — костяная пластинка; *3—5* — точильные бруски; *6* — обломок зеркала (Озаричи).

лого сечения (рис. 20, *7*, *8*). Толщина проволоки 0,6—0,8 мм. По сохранившемуся обломку стремени [84] (Ломоватое) трудно отнести его к какому-либо типу. Шпоры со звездочкой на шипе или зубчатым колесиком, типичные для XIII—XIV вв., встречены при раскопках у хут. Половецкий [85], а также в Любече, Вышгороде, Киеве [86].

Изделия из рога, кости, камня, украшения и прочее. Небольшую группу материала на исследовавшихся памятниках составляют изделия из рога и кости: проколки, иглы, костяные наконечники стрел, игральные кости (астрагалы), иногда с отверстиями, залитыми свинцом (рис. 21, *1*), костяные пластинки (Озаричи, Комаровка, хут. Половецкий). Одна из них (Озаричи) украшена традиционным циркульным орнаментом (рис. 21, *2*).

Изделия из камня — жернова, песты, точильные бруски (рис. 21, *3*, *5* — Комаровка, Озаричи). Украшений встречено мало. В погребениях Комаровского могильника найдены бронзовые височные кольца очень плохой сохранности и стеклянные бусы [87]. Бронзовая подвеска, которая предположительно датируется XIII—XIV вв., найдена в Черкассах близ «Дома охотника». Она имеет вид кольца с диаметром 3,2 см, к которому с помощью витых дротиков (их три) крепились шарики филигранной работы (сохранился только один) [88].

Редкой находкой является и обломок зеркала с поселения у с. Озаричи (рис. 21, *6*). Зеркало с высокой закраиной, диаметр 80 мм, по окружности идет арабская надпись. Такого рода зеркала характерны для золотоордынской эпохи и встречаются при раскопках золотоордынских городов Поволжья. Известны они и в Поднепровье у кочевников южнорусских степей золотоордынского времени [89]. Обычно они изготовлялись из бронзы, причем, как указывает Смирнов А. П. [90], для получения высококачественных полируемых поверхностей очень умело вводились добавки олова и свинца. Центральная часть обратной стороны украшалась изображениями животных, чаще — львов, переданных в манере, близкой традициям сасанидского искусства [91]. Надпись по кругу выдержана в стиле «куфи» или «насх» благожелательного характера.

Керамические изделия. Эта группа находок включает глиняную посуду, светильники, пряслица и изразцы. Посуда

[84] *Сымонович Э. А.* Раскопки у с. Ломоватое, с. 24.

[85] *Кучера М. П., Довженок В. И.* Отчет о работе.., с. 32, табл. V, рис. 15.

[86] Сведения о находках шпор на этих пунктах см. *Кирпичников А. Н.* Военное дело.., с. 49.

[87] *Кубышев А. И.* Раскопки средневекового поселения.., с. 51.

[88] *Приходнюк О. М., Пономаренко Л. М., Рец С. К.* Археологічні пам'ятки в Черкасах.., с. 92. Подвеска хранится в Черкасском краеведческом музее.

[89] *Смирнов А. П.* Волжские Булгары, с. 116—117; *Ханенко Б. И. и В. И.* Древности Поднепровья. Киев, 1902, табл. XXIV, № 355; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы.., с. 78—83.

[90] *Смирнов А. П.* Волжские Булгары, с. 117—118.

[91] Там же, с. 117; *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.; Л., 1935.

является наиболее широко распространенным видом изделий. По способу употребления она подразделяется на кухонную, составлявшую основную массу керамического материала — горшки и крышки, и столовую — кувшины, миски.

Кухонная посуда. Горшки на рассматриваемой территории принадлежат к нескольким типам, различающимся по технологическим показателям и форме.

Первый тип, менее многочисленный, делится на два подтипа [92]. К первому подтипу относятся сосуды, изготовленные на очень медленном гончарном круге, толстостенные, асимметричных форм, с невыразительными плечиками и короткими, почти прямыми или чуть отогнутыми венчиками. Орнамент — волна, ровная линия или зубчатый штамп — располагается в верхней части сосудов. Ко второму подтипу относятся горшки с хорошо выраженными признаками гончарной техники, более высокого качества, симметричной формы. Венчики отклонены наружу и косо срезаны по краю, иногда закруглены [93].

Этот тип керамики выделен в 1961 г. М. П. Кучерой на материалах средневекового поселения Сокольцы на Южном Буге и датирован по монетам концом XIV — началом XV в. [94] Подобная керамика была обнаружена среди материалов раскопок городища и селища у хут. Половецкий [95]. На других южнорусских памятниках (за исключением Любеча, уроч. Высокое поле) этот тип глиняной посуды пока не известен. Зато он хорошо представлен на Буковине [96], в Предкарпатье [97], а также в Надпорожье [98].

Второй тип горшков характеризуется хорошо выраженными признаками гончарной техники, высоким качеством изделий, незначительными примесями в тесте — главным образом мелкозернистого песка. Горшки довольно тонкостенные, орнамент включал такие составные элементы, как волна, линия и их сочетания, а также ногтевые вдавления. Однако последние встречаются не на всех памятниках. Зона распространения орнамента — верхняя часть горшка, чаще плечики, иногда с переходом на корпус. Сплошная орнаментация встречается крайне редко (Ломоватое) и представляет архаизм. Отдельные сосуды на том же поселении ангобированы [99]. В Киеве (Выдубичи) и на нескольких обломках из Озаричей — зеленая и желтая полива. По формальным признакам и их соотношениям горшки второго типа напоминают древнерусские сосуды XII — первой половины XIII в., но период после завоевания — более выпуклобокие, с короткой, чаще цилиндрической шейкой и слабо профилированным венчиком. Всеми исследователями отмечается и такая характерная особенность их, как утолщение края венчика в виде массивного валика различной конфигурации.

Второй тип кухонных горшков, получивший наибольшее распространение на южнорусской территории во второй половине XIII—XIV в., также впервые выделен М. П. Кучерой на ряде памятников Среднего Поднепровья, в том числе и на поселении у хут. Половецкий, датированном второй половиной XIII—

[92] *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 175.
[93] Там же.
[94] Там же, с. 176.
[95] Там же, с. 175.
[96] Имеется в виду керамика с поселения у с. Рашков Хотинского р-на Черновицкой обл. (раскопки В. Д. Барана), а также материалы исследований Б. А. Тимощука. См. также: *Тимощук Б. А.* Северная Буковина XI—XIV вв. по археологическим данным. Автореф. дис. канд. ист. наук. Черновцы, 1967, с. 8.
[97] *Ратич О. О.* Древньоруські матеріали з розкопок 1955—1956 рр. на Замковій горі у Львові.— МДАПВ, 1961, вип. 3, с. 116—117, рис. 1, *16, 24.*
[98] *Брайчевська А. Т.* Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя.— АП УРСР, 1962, т 12. с. 155—181.
[99] *Сымонович Э. А.* Раскопки поселения.., с. 26.

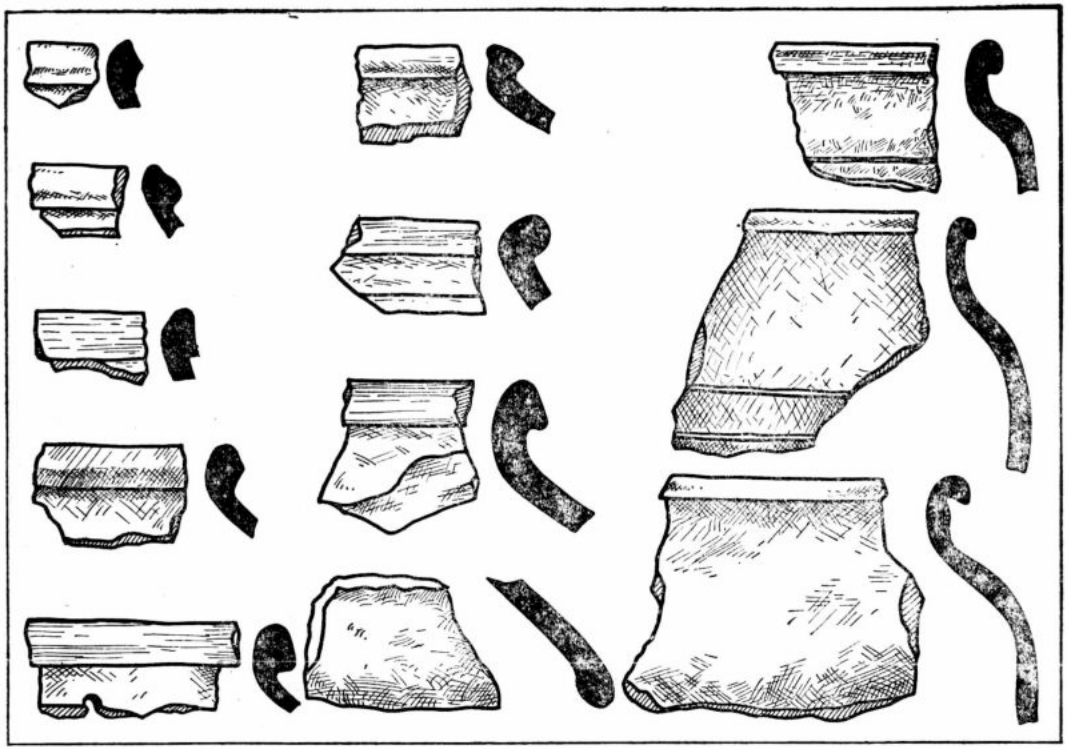


Рис. 22. Керамика Озаричского селища.

XIV в.[100] Как выявлено многими исследованиями, границы распространения этого типа керамики охватывают обширную территорию Южной Руси, выходя за ее пределы на севере и северо-востоке (Белоруссия и ряд областей РСФСР), на юге (Надпорожье, где встречается керамика обоих типов) и на западе — на Правобережье Днестра *, хотя западные границы еще точно не установлены. Такая керамика наиболее широко представлена на Озаричском поселении (рис. 22, 23). Найдена она и на многих памятниках Киевщины, правда, валики здесь еще более утяжелены (хут. Половецкий, Бортничи — рис. 24, *15—19*; Козин — рис. 24, *25—26*; Жовтневе — рис. 24, *30—34*; Комаровка и др.). Весьма близка к ней керамика с менее массивными валиками из Выдубичей (Киев, рис. 25, *1—3*), Процев III (рис. 24, *22*). На внутренней стороне венчика часто встречается выемка для крышки. Таковы сосуды из Выдубичей (рис. 25, *1—3*), Процев III (рис. 24, *20—21*), Вишенок (рис. 24, *27*, *28*), Гнедина (рис. 24, *29*), Жовтневого (рис. *24*, *30—34*) и др. На ряде памятников сосуды с выемкой для крышки характеризуются сложнопрофилированным венчиком в сочетании с цилиндрической шейкой, что является не столько локальным, сколько хронологическим признаком. Из рассматриваемых памятников такая керамика наиболее ярко представлена в материалах с Замковой горы (рис. 26, *8—11*). Встречается она

[100] *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 176—181.

* Имеется в виду керамика из раскопок О. М. Приходнюка у с. Каветчина Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл.

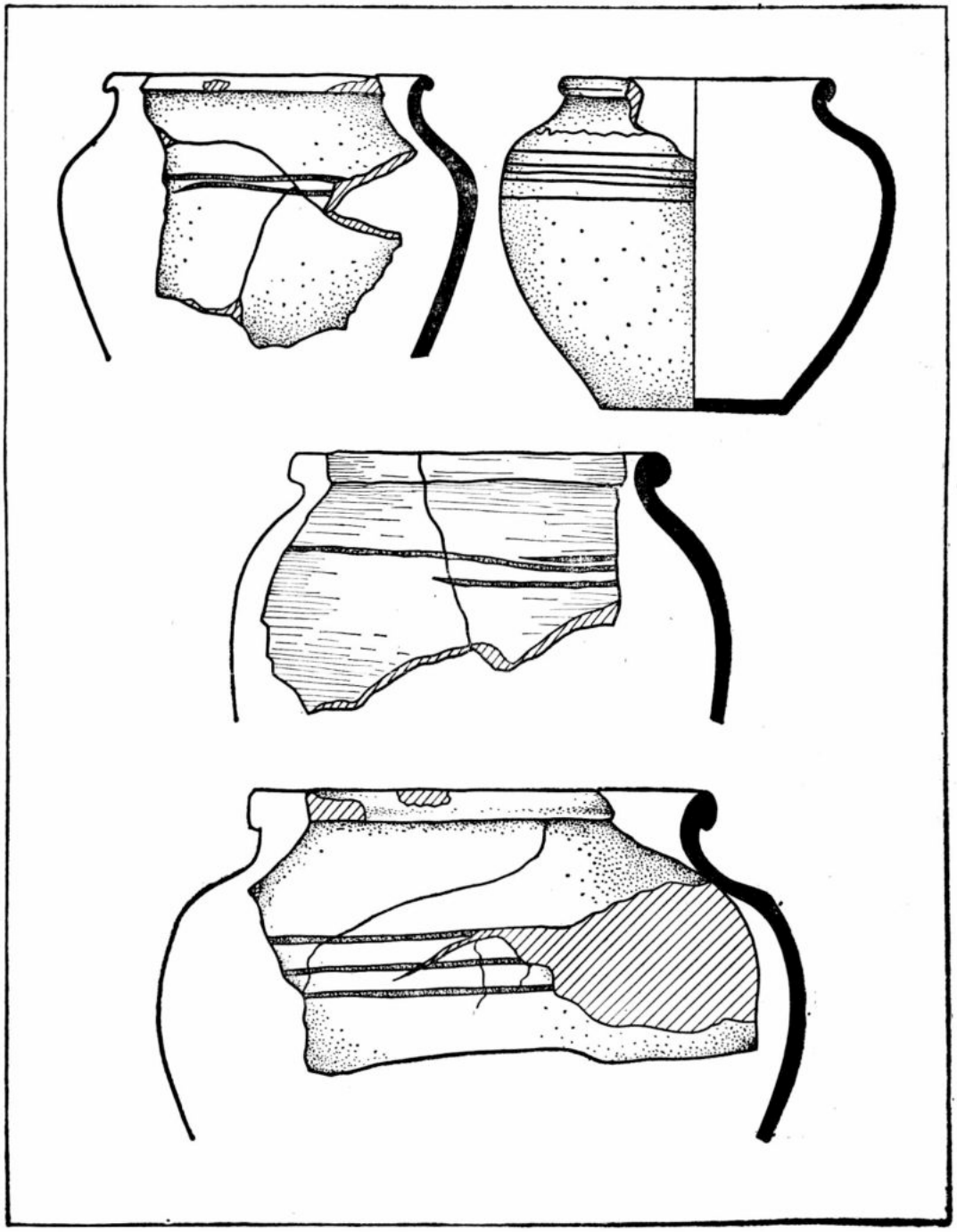


Рис. 23. Реконструкция сосудов (Озаричи).

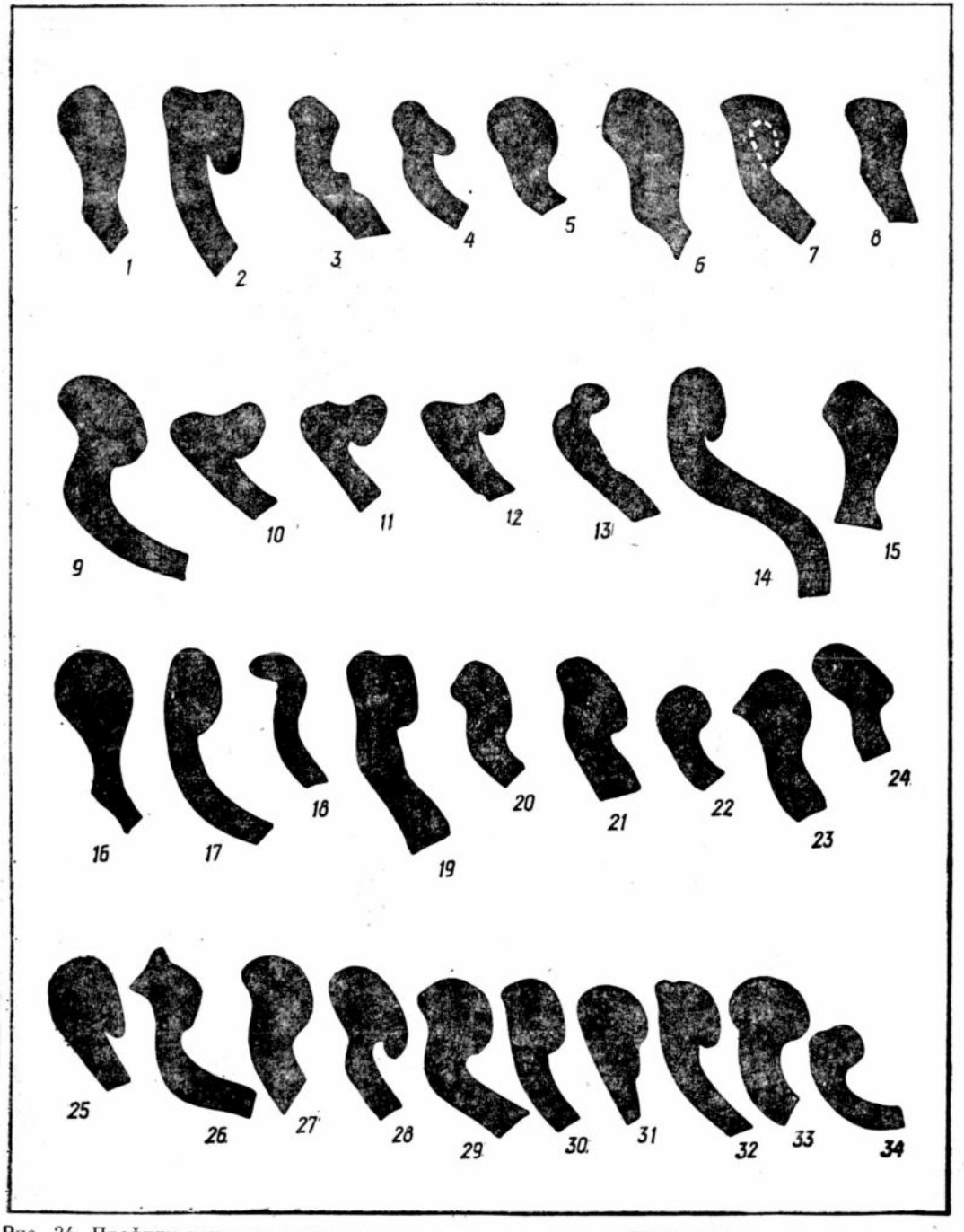


Рис. 24. Профили венчиков южнорусских кухонных горшков XIII—XV вв.

1—9 — Макишин; *10—13* — Лисогубовка; *14* — Путивль; уроч. Городок; *15—19* — Бортничи; *20—22* — Процев, п. III; *23—24* — Процев, п. IV; *25, 26* — Козин, п. I, II; *27—28* — Вишенки, *29* — Гнедин, п. I; *30—34* — Жовтневое, п. II.

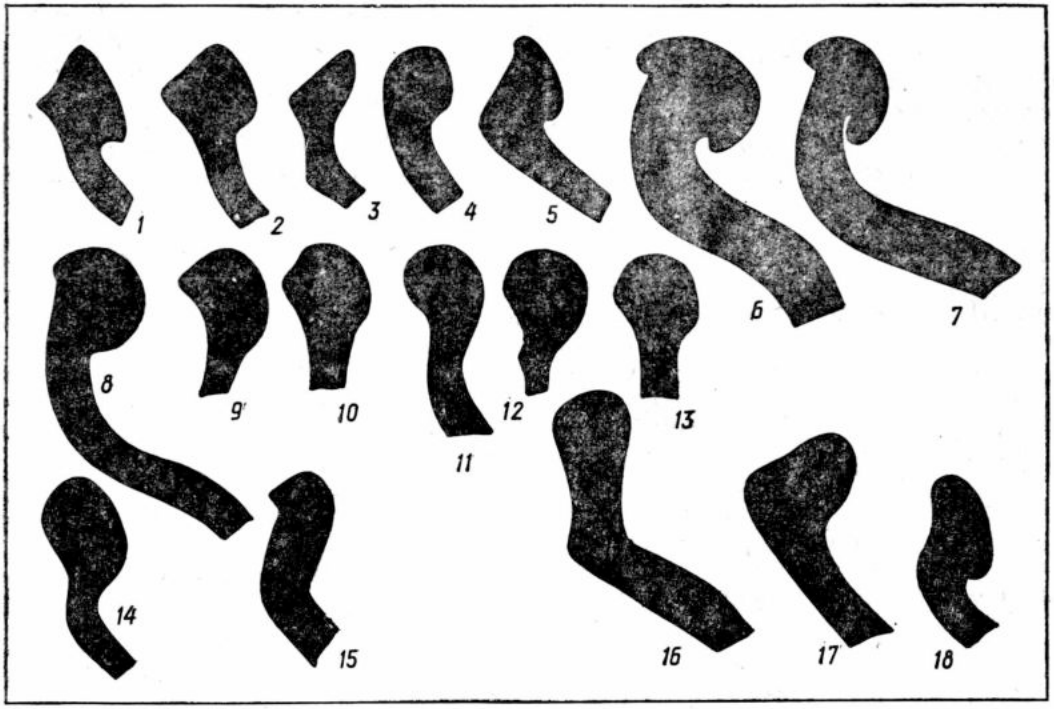


Рис. 25. Профили венчиков южнорусских кухонных горшков второй половины XIII—XV вв.

1—3 — Киев, Выдубичи; *4*, *5* — Киев, Верхний Вал; *6*, *7* — Киев, ул. Ильинская; *8* — Киев, угол Волошской и Героев Триполья; *9—14* — Киев, ул. Андреевская, д. № 14; *15—18* — Белогородка, детинец.

и на Подоле (Киев, рис. 25, *9—14*), а также на многих поселениях: Бортничи (рис. 24, *18*), Вишенки (рис. 24, *27*), Козин II (рис. 24, *26*) и др. Весьма близки ей некоторые формы из Макишина на Черниговщине (рис. 24, *1*, *3*).

Днища горшков встречаются двух типов: плоские и вогнутые (рис. 27). Последние имеют отпечаток подставок гончарного круга в виде округлого или прямоугольного бортика или поддона. Придонная часть ровная или вогнутая, иногда с заплывом. Клейма редки (иксовидные, в виде многолепестковой розетки).

Даже первичный анализ керамического материала исследуемого времени позволяет говорить о многообразии его формальных признаков, ставя перед необходимостью более дробного типологического деления кухонной керамики. Это, в свою очередь, требует разработки единой методики классификации материала, поиска единых критериев его оценки. В качестве отправного образца для древнерусской керамики предлагается классификация керамики из раскопок у с. Озаричи Конотопского р-на Сумской обл., выполненная на основании методики сокращенной программы статистической обработки керамики, предложенной В. Ф. Генингом [101] с учетом формальных особенностей древнерусского материала.

[101] *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1, с. 114—136.

Выбор памятника не случаен. Озаричское поселение содержит прекрасные образцы керамики второго типа, наиболее характерного для южнорусских земель. Памятник раскопан полностью, что позволяет провести максимально точный учет материала, в частности верхних частей сосудов. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что поселение принадлежит к двум периодам: древнерусскому и последующему XIII—XIV вв., что представило точки отсчета для хронологии и планиграфического анализа находок. Керамический материал состоит в основном из фрагментов, найденных в гончарной мастерской, жилищах, хозяйственных постройках и культурном слое. Только в нескольких случаях удалось реконструировать целые формы. Ввиду малочисленности они использовались лишь для сопоставления результатов, полученных при обработке коллекции, составленной из фрагментов верхних частей сосудов (включая наибольший диаметр по корпусу).

Для анализа верхней части горшков было отобрано 95 фрагментов, позволивших ввести в систему учета следующие показатели.

1. Диаметр венчика.
2. Диаметр основания шейки (в данном случае наименьший диаметр по шейке, так как основание шейки у древнерусских сосудов последующего времени не всегда совпадает с наименьшим диаметром, в силу чего последний является более объективным показателем, чем трудноопределяемый диаметр основания шейки).
3. Наибольший диаметр по корпусу.
4. Высота шейки (от наименьшего диаметра до венчика).

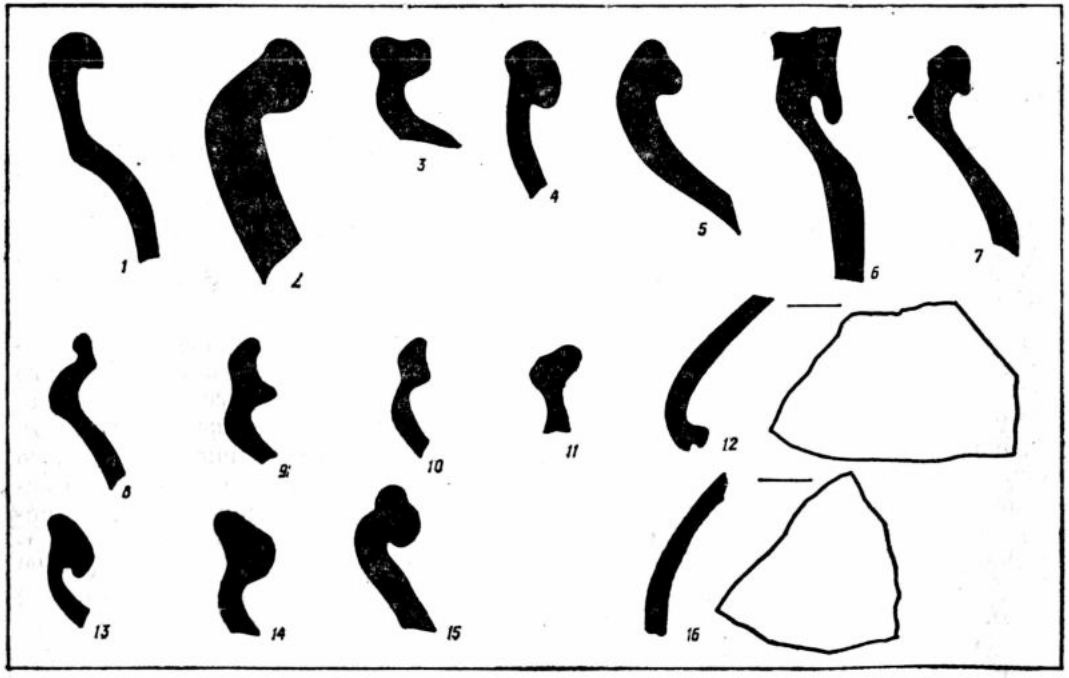


Рис. 26. Керамика с Замковой горы, Киев.
1—11, 13—15 — горшки, *12, 16* — крышки.

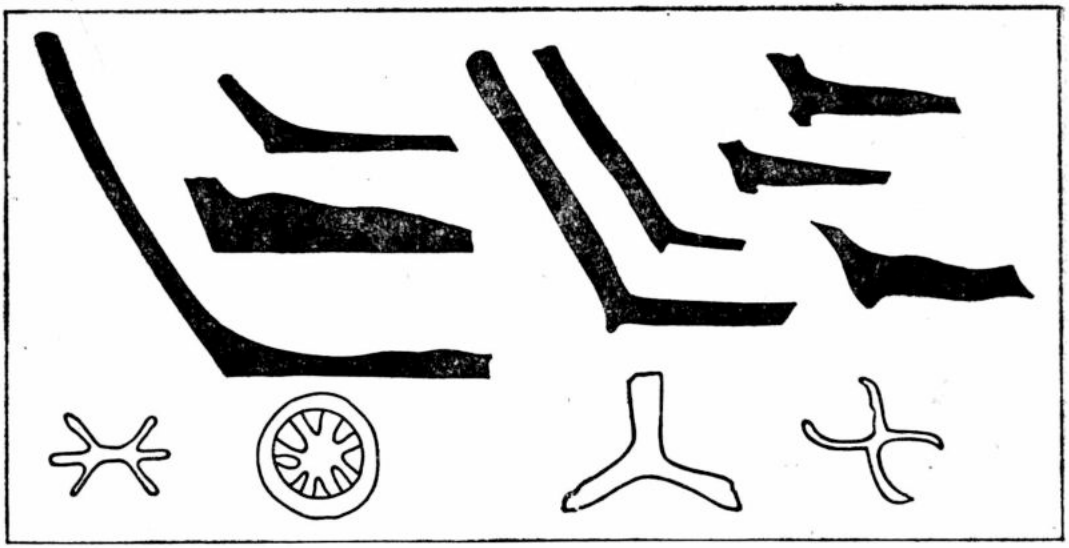


Рис. 27. Основные типы днищ сосудов и клейма (Озаричи).

5. Высота плечика (от наименьшего диаметра шейки).

В программу вошли также дополнительные признаки, имеющие важное значение: детали оформления верхней части (форма венчика и наличие крышки), где выделены две группы: венчики без утолщения валика; венчики с утолщением валика.

Такое деление по взаимоисключающему признаку упростило дальнейшее членение. Каждая из выделенных групп была подразделена на варианты. Венчики без утолщения — по форме среза: плоский, плоский внутрь или вовне, округлый. Венчики с утолщением — по форме утолщения: слабо выраженное, округлое, овальное, ребристое и угловидное. Примеси и орнаменты ввиду своего однообразия в программу не вошли. После проведения предварительной обработки (вычисление указателей формы, где ФА — высота горловины, ФБ — профилировка шейки, ФВ — высота плечиков, ФГ — профилировка плечиков; подсчет количества признаков по каждому из вариантов формы венчика) основной задачей классификации был поиск фактора, который имел бы наибольшее значение для изменения формы и определения мощности его действия на группировку. Метод выделения такого фактора заключается в поиске резко различающихся групп на основе корреляции вариантов формы венчика и формальных указателей. В результате вычислений установлено, что этим фактором является взаимозависимость формы венчика и степени отгиба или профилировки шейки. Именно этот указатель больше всего дифференцирует варианты верхней части сосудов. Для построения типологического ряда сделан подсчет коэффициентов сходства каждого варианта венчика. Полученные суммы далее расположены таким образом, чтобы рядом оказались показатели наивысшего коэффициента сходства, а наиболее различающиеся были максимально удалены друг от друга. Это позволяло перейти к моделированию типов верхних частей сосудов по наивысшим коэффициентам сходства *.

* Подробное изложение методики будет сделано в специальной статье В. Ф. Генинга и С. А. Беляевой.

К первому типу верхней части сосудов относятся все венчики без утолщения и со слабо выраженным утолщением, а также с ребристым утолщением. Сосуды низкогорлые, сильно профилированные, с очень высоким сильно выпуклым плечиком. Почти половина из них с желобком для крышки. Этот тип составляет 16% выборки (23 фрагмента).

Ко второму типу относятся венчики с хорошо выраженным утолщением в виде угловидного, овального и округлого валика. Сосуды низкогорлые, в основном средне профилированные, с высоким средне и сильно выпуклым плечиком. Желобок для крышки почти не встречается. Второй тип составляет 78% выборки (71 фрагмент).

Ко второму типу по своим признакам близки сосуды, венчики которых оформлены в виде обоюдовыпуклого утолщения. Они низкогорлые, с очень слабо профилированной шейкой и сильновыпуклым плечиком. Возможно, они составляют третий тип верхней части сосудов, но из-за немногочисленности найденных фрагментов окончательное решение вопроса пока невозможно.

Выделенные в результате статистического анализа первые два типа верхней части сосудов характеризуются следующими показателями:

Указатель	Тип	Количество, %
ФА		
Очень низкогорлые	30	33
Низкогорлые	70	67
ФБ		
Сильно профилированные	74	34
Средне профилированные	26	66
ФВ		
Очень высокое плечико	82	43
Высокое плечико	18	36
Среднее плечико	—	21
ФГ		
Средне выпуклое плечико	21	49
Сильно выпуклое плечико	70	46
Очень сильно выпуклое плечико	9	5

Продолжение табл.

Указатель	Тип	Количество, %
Шейка		
Цилиндрическая	92	81
Ребристая	8	19
Желобок для крышки		
Есть	47	9
Нет	53	91

Коэффициенты показателей и суммарного сходства типов таковы:

Тип	Показатель				Шейка	Крышка	Суммарный коэффициент сходства
	ФА	ФБ	ФВ	ФГ			
I—II	97	60	61	72	89	62	73

Сравнительный анализ показателей выделенных типов свидетельствует, что они тесно взаимосвязаны. Больших интервалов между величиной формальных указателей нет, налицо непрерывность изменения показателей при переходе от одного типа к другому. Наибольшие отличия наблюдаются по четырем показателям: профилировке шейки (ФБ), высота плечика (ФВ), форме среза венчика и выемки для крышки. Прослеживается тенденция к развитию утолщения валика различной конфигурации по краю венчика. Все вышеперечисленные особенности позволяют ставить вопрос о природе близости этих типов: являются ли они синхронными или представляют постепенное развитие от более ранних форм к поздним. Ответ на этот вопрос дают результаты типологической классификации керамического материала Озаричского селища в совокупности с планиграфическими исследованиями и аналогиями других синхронных памятников (см. раздел «Вопросы хронологии»).

Как указывалось, в процессе поиска типологических рядов были выделены полярные варианты с очень низким коэффициентом сходства.

Эти полярные варианты, вошедшие в разные типы, вероятно, являются полярными и в хронологическом отношении. Проверить наше предположение помогла планиграфия керамического материала Озаричского селища (рис. 28).

Тип I. Верхние части сосудов этого типа (46%) найдены на территории древнерусского поселения XI — первой половины XIII в., т. е. на северном холме (В), 27% — в низменной лощине между древнерусским поселением второй половины XIII—XIV в. (раскоп III) и 27% — на поселении второй половины XIII — XIV вв. (южный холм) (А). Это еще раз подтверждает гипотезу о том, что в древнерусское время поселение было значительно больше—оно занимало оба холма.

Тип II. Верхние части горшков этого типа (100%) найдены на южном холме поселения (А —раскоп III).

Тип III (?). Встречается только на северном холме и характеризует, скорее всего, более поздний этап развития памятника (В — раскоп IV).

Выделение подтипов в первом и во втором типе проведено по тому же принципу, что и выделение типов. В первом типе (древнерусском) выделено пять подтипов, различающихся по форме венчика и набору формальных признаков. По коэффициентам сходства прослежена ступенчатость подтипов от наиболее ранних к поздним, что позволило проследить генезис формы венчика от ребристого к плоскому и новому образованию утолщения. Эти модификации тесно связаны с изменением профилировки шейки — наблюдается тенденция к ее уменьшению. Во втором типе выделено три подтипа. Наиболее близок к древнерусским подтип 1 (венчики с уг-

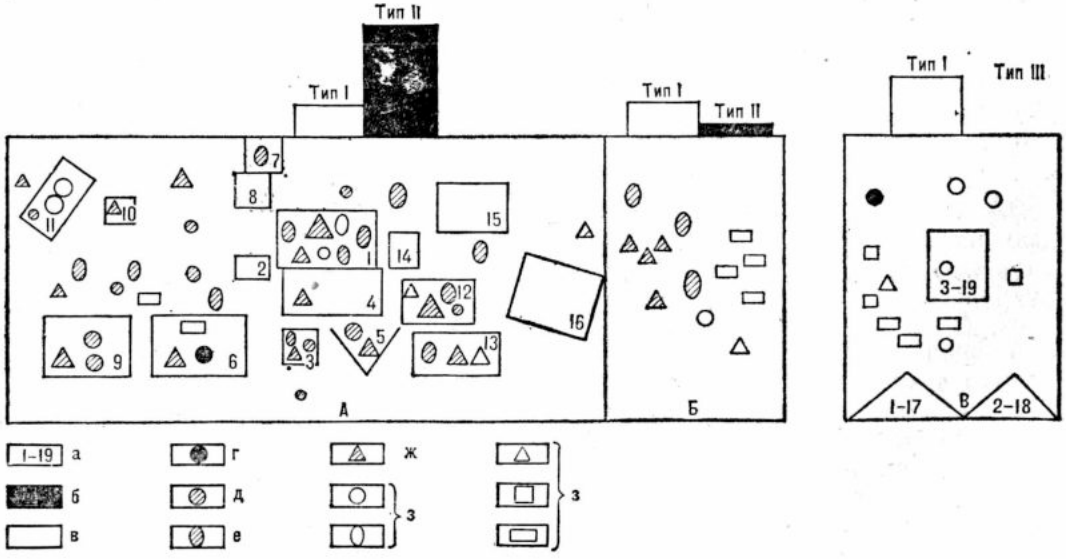


Рис. 28. Планиграфия типов кухонной керамики Озаричского селища.
А, Б — раскоп III, В — раскоп IV; а — постройки, б — тип II, в — тип I, г — тип III, д — подтип III; е — подтип II, ж — подтип I, з — вариации типа I.

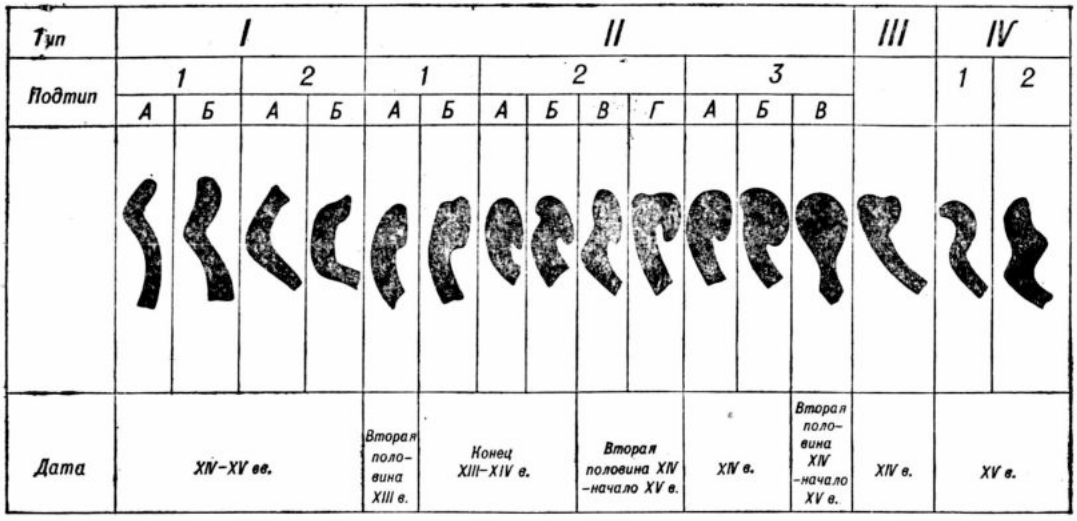


Рис. 29. Основные типы южнорусской керамики и их датировка.

ловидным утолщением), затем идут сосуды с овальным утолщением венчика и наконец — с округлым:

Подтип	Слабо и средне профилированный (ФБ), %	Венчик	Крышка, %	
			есть	нет
1	53	Угловидный	16	84
2	60	Овальный	10	90
3	88	Округлый	—	100

Вместе с тем, надо отметить, что выделенные подтипы, очевидно, существовали в один и тот же весьма близкий хронологический период. Об этом свидетельствуют находки керамики всех или крайних подтипов второго типа в одних и тех же жилищах. Поэтому речь идет лишь о сосуществовании признаков сосудов на протяжении небольшого отрезка времени и последующем доминировании определенного подтипа в то или иное время. Таким образом, в результате типологической классификации керамики Озаричского селища прослежен генезис форм от древнерусских к последующим, перерастание первых во вторые. Задачей будущих исследований является дальнейшая проверка разработанной методики на материалах других памятников, их сравнительный анализ, а также дальнейшее усовершенствование методики типологической классификации.

Как показывает суммарный анализ южнорусской кухонной керамики, керамика всех трех подтипов типа II (по классификации материалов из Озаричей) широко представлена и на других памятниках территории. Особенно это касается подтипов 2—3, но в отличие от Озаричей в керамике ряда пунктов отмечается такая характерная особенность, как бороздка (выемка) для крышки, а также некоторые другие модификации края венчика при сохранении основных признаков вышеописанных подтипов. Близость всего южнорусского керамического материала позволяет, основываясь на классификации Озаричских кухонных горшков, выделить (предварительно) следующие подтипы типа II (рис. 29).

Подтип 1 — горшки с короткой цилиндрической, реже плавной шейкой, средне и сильно профилированные. Край венчика в виде угловидного утол-

щения без (А) или с бороздкой (Б) для крышки (рис. 29).

Подтип 2 — горшки с короткой цилиндрической или плавной шейкой, средне профилированные. Край венчика с овальным утолщением без бороздки (А) или с бороздкой (Б) для крышки. Вместо бороздки иногда появляется выемка (В), у некоторых овальное утолщение образует характерную бороздку, верхняя часть венчика уплощена и перерезана бороздкой (Г). Встречаются и некоторые другие детали оформления верхней части.

Подтип 3 — горшки с короткой, слабо выраженной шейкой, почти всегда плавно переходящей в выпуклые плечики, средне и слабо профилированные. Край венчика с округлым утолщением (валиком) без (А) или с бороздкой (Б) для крышки или выемкой (В) (рис. 29).

Описанные выше модификации оформления края взаимосвязаны с формой края крышки и ее толщиной. Возможно, они являются определенными ступенями в развитии того или иного подтипа и имеют значение для микрохронологии керамики.

На ряде памятников встречаются и сосуды типа III Горшки со сложно профилированным венчиком и выемкой для крышки Хронологически они выходят за рамки изучаемого периода и привлекаются только для сопоставления с более ранним материалом (тип IV).

Аналогии южнорусским кухонным горшкам, в том числе и Озаричским, известны на широкой территории от Северо-Запада РСФСР до Молдавии и от Поволжья до Польши и Чехословакии.

Крышки — округлой формы с утолщением по краю, иногда плоским, различной конфигурации. Диаметры соответствуют отверстию горшков. Фрагменты их найдены на многих памятниках: Озаричи, Вишенки, Гнедин, Выдубичи (Киев), Замковая гора (Киев) и др. (рис. 26, *12*, *16*).

Столовая посуда составляет незначительный процент на всех известных поселениях и городищах исследуемого времени. В Озаричах ее не более 1%. Функции таковой, очевидно, частично выполняли небольшие по размеру горшки, что известно по этнографическим данным и для более позднего времени. Характерен и тот факт, что небольшое количество столовой посуды по отношению к кухонной существовало и в XIII — первой половине XIV в., тогда как в керамике XV—XVII вв., напротив, наблюдается чрезвычайно широкое развитие многочисленных и разнообразных форм столовой посуды, таких, как миски-макитры, обычные миски, блюда и др.[102]

На рассматриваемых же памятниках встречались только обломки кувшинов и мисок. Кувшины по тесту почти не отличаются от кухонных горшков. Венчик прямой, срез внутрь. Ручки небольшие, диаметр сечения в пределах 20—30 мм. Интерес представляют находки кувшинов с поселения у с. Ломоватое[103]. Автор раскопок этого памятника выделяет два типа. Первый — кувшины со сливом, цилиндрическое горло опоясано валиком, под ним — вертикальные широкие полосы лощения. Кувшины второго типа, без слива, орнаментированы вокруг горла врезной волнистой линией, один из черепков покрыт полосками красной краски. Весьма близок к последним и фрагмент кувшина без слива с орнаментацией в виде врезной волнистой линии из Озаричей.

Привозная керамика составляет незначительный процент по сравнению с материалами древнерусского времени. Подсчеты, произведенные по керамическим фрагментам Озаричского поселения, выявили не более 1% импорта. Вероятно, такое же соотношение и на

[102] *Тищенко А. Р.* Древнерусская и украинская.., с. 32.

[103] *Симонович Э. А.* Раскопки поселения.., с. 26.

Рис. 30. Изделия из глины.
1—6 — амфорная керамика; *7—8* — пряслица; *9* — грузило.

поселении в Комаровке. Группу привозной керамики составляют красноглиняные амфоры из Херсонеса с плоским дном и рифлениями в верхней части под горловиной и слабо рифленными ручками (рис. 30, *1—6*).

Из других видов керамических изделий на памятниках встречаются глиняные пряслица, сменившие шиферные, цилиндрические, овальные или конусовидные грузила, обломки детских игрушек в виде миниатюрных горшочков или мисочек (рис. 30, *7—9*), изразцы.

Изразцы XIV в. на рассматриваемой территории известны пока только в Киеве. Много обломков их найдено при раскопках Замковой горы [104], несколько на Подоле (Красная площадь, Житний рынок) [105], а также в Киево-Печерской лавре [106]. Это тонкостенные сосуды цилиндрической формы с фигурной верхней частью. Дно плоское, круглое. Изготавливались они на ножном гончарном круге. Изразцы принадлежат к так называемому открытому типу. Они ставились дном к огню, а отверстием — в помещение [107]. В последнее время на территории Киева найдены и плоские изразцы, предположительно датируемые XIV—XV вв.

На территории Украины аналогии описанным выше изделиям известны из Луцка и Острога [108], найдены они также в Молдавии при раскопках Старого Орхея [109]. Нередки изразцы также в Польше и Чехословакии, где производство их прослеживается уже с XIII в. [110]

[104] *Шовкопляс Г. М.* Середньовічні художні кахлі з Києва.— Археологія, 1975, № 16, с. 105.

[105] Там же; *Івакін Г. Ю.* До історичної топографії пізньосередньовічного Києва.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 221.

[106] *Шовкопляс Г. М.* Середньовічні.., с. 105.

[107] *Івакін Г. Ю.* До історичної топографії.., с. 221.

[108] *Лащук Ю. П.* Кераміка.— В кн.: Історія українського мистецтва. К., 1967, т. 2, с. 394.

[109] *Смирнов Г. Д.* Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхея.— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1956, № 4/31, с. 75—81.

[110] *Smetanka L.* Studii o českych středovekych kachlich. Praha, 1910, s. 247; *Ne-*

Подводя первые итоги изучения материальной культуры южнорусских земель второй половины XIII—XIV в., обратим внимание на ряд аспектов, которые во многом определили историческую сущность и место культуры в развитии восточнославянских народов эпохи «зрелого» феодализма.

Одним из наиболее актуальных является вопрос о преемственности культуры древнерусского времени. Благодаря археологическому обследованию и раскопкам древнерусских памятников удалось установить факт непрерывного существования или возрождения жизни на многих из них (Киев, Белгород, Путивль, городище у хут. Половецкий, Григоровка, поселения у сел Вишенки, Гнедин, Комаровка, Озаричи и др.). Топография и планировочная структура населенных пунктов второй половины XIII—XIV в. восходит к традициям древнерусского времени. До конца XIV в. не прослеживаются какие-либо изменения в устройстве городищ и их укреплений, но многие из древнерусских городищ теряют свое значение. Окончательно вопрос о характере оборонительных сооружений этого времени может быть решен только после проведения дополнительных исследований. Большинство селищ находилось на месте древнерусских, но площади их уменьшились. Продолжаются основные тенденции древнерусского домостроительства XII—XIII вв. На территории Южной Руси сохраняется и срубная и столбовая конструкция построек, хорошо известная по памятникам предшествующей эпохи [111]. Во внутреннем устройстве жилищ остается диагональное соотношение входа и печи, известное в древнерусское время и нехарактерное для последующего этнографического типа украинского жилища Лесостепи.

Очень близка к древнерусской и номенклатура вещественного материала, хотя полный реестр инвентаря исследуемого здесь периода еще не создан, так как большинство находок XIII—XIV вв.— материалы селищ. Из орудий обработки почвы идентичны предшествующим по форме чересла, во многом близки и лемехи. Причем тенденция к асимметрии, как указывалось выше, заметна еще у древнерусских лемехов. Имеющиеся серпы аналогичны таковым XII—XIII вв., но обнаруживают некоторое смешение признаков, свойственных серпам древнерусского времени северных и южных территорий. То же касается и кос.

Идентичны по форме и рыболовецкие снасти: остроги, крючки, грузила. Из орудий универсального назначения (ножи, ножницы) большую коллекцию составляют типы, близкие древнерусским.

Почти не отличаются от древнерусских деревообрабатывающие инструменты (тесло, сверло, струг по дереву). Аналогичны многие предметы домашнего обихода.

Исследованиями А. Н. Кирпичникова доказано и сохранение основных типов вооружения Древней Руси [112].

На основе древнерусских форм XII—XIII вв. происходило развитие керамики.

Таким образом, на всех исследованных категориях археологического материала прослеживается общность с материальной культурой южнорусских земель древнерусского периода.

Вместе с тем в материальной культуре Южной Руси XIII—XIV вв. появляются и совершенно новые черты.

cuda V., Reichertova K. Stredoveka keramika. Brno, 1968, s. 125, 392. Tabl. LXXXVII, 2—4.

[111] *Толочко П. П.* Археологические исследования древнего Киева в 1963—1968 гг.— В кн.: Матеріали XIII конф. ІА АН УРСР (К., 1968), с. 311; *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище...; *Толочко П. П.* Древний Киев, с. 103.

[112] *Кирпичников А. Н.* Военное дело...

В домостроительстве все большее значение приобретает наземная застройка столбовой конструкции, иногда в сочетании со срубным подклетом. Единым типом отопительного устройства становится печь на каркасе. Необходимо отметить прогрессивное развитие ряда сельскохозяйственных орудий. Чересла, сохраняя прежнюю форму, становятся большими по размеру — до 60 см в длину, а лемехи — все более асимметричными. Возможно, что смешение южных и северных признаков у серпов и кос также является следствием конструктивных изменений формы, приближаясь к современным высокопроизводительным типам. Из других новшеств следует отметить тип ножей с пластинчатым черенком со штифтами. Окончательно утверждаются овальные или прямоугольные кресала, вытеснив предшествующие типы.

Получили дальнейшее развитие типы вооружения Древней Руси, что хорошо прослеживается на оружии ближнего и дальнего боя (копья, наконечники стрел), и особенно на дальнейшем усовершенствовании славяно-балтского элемента — шпор с зубчатым колесиком, нехарактерного для золотоордынского вооружения [113].

Изменяется номенклатура керамических изделий: исчезают некоторые мелкие формы, тарная керамика. У горшков прослеживаются изменения верхней части — степень отогнутости венчика и детали формы. Доля импорта, судя по раскопкам, мала. Однако серьезные выводы о его составе и количестве делать еще преждевременно из-за ограниченности городских материалов.

Вплоть до конца XIV в. в материальной культуре Южной Руси наблюдается много общего с другими русскими землями. Уже первые наблюдения показывают, что размещение населенных пунктов и их планировочная структура как на севере, так и на юге очень близка. Сохраняя топографическую особенность древнерусского времени (расположение по рекам), города XIII—XIV вв. были аналогичны древнерусским и по структуре застройки (детинец и посад). К рекам тяготеют и селища. В планировочной структуре на всей территории Руси все чаще прослеживается рядовая застройка. В домостроительстве сосуществовали оба типа жилищ (срубные и столбовые), большинство жилищ однокамерные, но повсеместно отмечается тенденция к увеличению числа жилых помещений. Положение печи еще строго не фиксируется, подавляющая масса их и там и здесь глинобитная на каркасе. Сравнительный анализ вещественного материала, приводимого в настоящей работе, убеждает в существовании почти полных аналогий орудий труда, предметов домашнего обихода, оружия, родственных путей развития их форм. Так, например, на всей территории Руси идет формирование асимметричных лемехов. Особенности в форме верхней части горшков (тип II) прослеживаются на всей территории Руси, а также в Балкано-Дунайском ареале, Польше, Чехословакии.

Вместе с тем имеют место и локальные различия. Так, если в Южной Руси, расположенной в лесостепной зоне, все большее значение приобретает столбовая конструкция жилищ, то в лесной полосе постепенно расширялась территория, занятая срубными жилищами [114], при наличии, как указывалось выше, обоих типов застройки. Идет постепенное формирование устойчивого соотношения печи и входа. В северных областях печь чаще ставили справа или слева от входа, а в южных — по диагонали [115].

[113] *Кирпичников А. Н.* Военное дело.., с. 70—71.

[114] *Рабинович М. Г.* Жилища.— В кн.: Очерки русской культуры.., ч. 1, с. 264.

[115] *Бломквист Е. А.* Крестьянские постройки.., с. 120, 256; *Рабинович М. Г.* Жилища.., с. 267.

Некоторые отличия наблюдаются в степени распространения тех или иных сельскохозяйственных орудий, например, на северо-востоке двузубая соха явно преобладает по сравнению с другими видами пахотных орудий, значительно выше здесь и процент подсечного земледелия, в то время как на юге главный упор делается на плужное земледелие. Некоторые виды изделий на севере неизвестны. Например, на территории к северу от Любеча образцы кухонных горшков типа I, столь широко распространенных в Молдавии и Поднестровье, пока не известны. Многочисленные находки остатков чугунных котлов в жилищах, хозяйственных помещениях, ямах свидетельствуют о достаточно широком употреблении их в Южной Руси, в то время как на севере они пока мало известны. Близостью к кочевому миру обусловлены и находки на юге некоторых специфических типов принадлежностей костюма.

Исследование комплекса материальных остатков второй половины XIII—XIV вв. убедительно доказывает, сколь ничтожно в них присутствие кочевнического элемента. Даже собственно золотоордынские предметы (некоторые типы стрел, обломки бытовых вещей) являются, по существу, случайными находками и не вплетаются органично в культуру южнорусских земель. Единственно, что, возможно, пришло с золотоордынцами, — традиция изготовления чугунных котлов, вошедших в быт южнорусского населения после завоевания, хотя бронзовые и железные котлы были в употреблении и в древнерусский период.

Характер материальной культуры второй половины XIII—XIV в. убедительно показывает, что, несмотря на иноземное завоевание, народным массам удалось сохранить традиции прошлого и сделать определенные шаги к подъему культурного развития. При наличии локальных культурных областей до конца XIV в. прослеживается глубокая общность культуры всей русской земли.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Одной из наиболее сложных проблем в изучении археологических памятников XIII—XIV вв. является хронология.

В отечественной историографии утвердилось мнение, что определенным рубежом, особенно для развития производительных сил, послужило нашествие Батыя 1237—1240 гг. Этот рубеж отмечен тяжелыми разрушениями, смертью тысяч людей, перемещением части населения в более безопасные районы и, наконец, подчинением огромной территории Древней Руси, постоянной выкачкой ее «национальных богатств» в течение длительного времени. Никакого же особого золотоордынского периода в истории Руси, эволюционно не связанного с предшествующим, с точки зрения характера материальной культуры не было да и не могло быть. Убедительные доказательства этому представляет материальная культура. До последнего времени периодизация рассматриваемой эпохи проводилась только в общеисторическом плане, в основу которой положены общие принципы развития феодальной формации. Появление материалов из археологических раскопок вызвало необходимость разработки вопросов датировки древностей, выделения культурного слоя второй половины XIII—XIV в., хронологического взаимоотношения памятников, т. е. создания археологической периодизации. Это, в свою очередь, поможет связать отдельные элементы материальной культуры, проследить динамику ее исторического развития. Выделение памятников с культурным слоем второй половины XIII—XIV в., как отмечалось, началось сравнительно недавно, и критерии определения границы древнерусского и последующего слоя второй половины XIII—XIV в. окончательно не установлены. В большинстве своем следы пожарищ и разрушений на городищах и селищах априорно рассматривались как верхняя грани-

ца их существования и датировались 1239—1240 гг. Некоторые памятники первоначально были отнесены к древнерусскому времени, например городище и селище у хут. Половецкий, и впоследствии в связи с выделением бесспорно более поздних вещей передатированы [1]. Трудности в определении слоя второй половины XIII — XIV в. объясняются рядом причин. Одна из них — относительная неизученность периода в целом. Но главное заключается в том, что, как показал анализ археологических материалов, материальная культура древнерусского и последующего времени была одного и того же порядка: развитие ее непрерывно во времени, а компоненты чрезвычайно близки по своему характеру. Поэтому многие памятники ошибочно могли быть датированы XII — первой половиной XIII в.

Одной из главных задач на данной стадии изучения является поиск дифференциаторов хронологического членения памятников. На некоторых из них необходимо остановиться.

Данные стратиграфии. На ряде известных памятников членение культурного слоя проведено на основе стратиграфии. Так, например, на Комаровском селище слой XII—XIII вв. перерезан более поздним могильником XIII—XV вв. Это хорошо прослеживается при раскопках одного из жилищ, в котором на уровне пола выявлено четыре захоронения [2]. Перерезает древнерусский культурный слой и могильник на Старокиевской горе (Киев) [3]. К двум периодам на городище и селище относятся и погребения могильника у хут. Половецкий. Это засвидетельствовано перекрыванием одних могил другими [4]. Следы древнерусского поселения отмечены на Озаричском селище, особенно в нижних слоях памятника и при расчистке подклета жилища. Над древнерусским слоем XII—XIII вв. находятся и материалы Гнединского селища XIV—XV вв.

Монеты являются традиционным датировочным материалом памятников. Особенно важно их наличие в закрытых комплексах (Комаровка), где золотоордынская монета 1363—1366 гг. найдена в жилище вместе с другим инвентарем [5]. По находкам польско-литовских и чешских монет, в том числе пражского гроша Венцеслава (1378 — 1419 гг.), датирован поздний слой Любеча [6]. Польско-литовскими монетами подкрепляется и датировка позднего слоя Замковой горы (Киев) [7].

Состав находок имеет большое значение для хронологического членения памятников. Еще в конце 40-х годов Б. А. Рыбаков обратил внимание на изменения, происшедшие в археологическом инвентаре после завоевания. Он указывал, что в нем «исчезло много предметов, обычных для предшествующей эпохи — изделия с перегородчатой эмалью, сканью, зернью.., уменьшается число шиферных пряслиц, а к XV в. они сходят на нет, и им на смену приходят глиняные, не встречаются стеклянные браслеты» [8]. Уменьшается и численность видов керамических изделий: нет черпал, корчаг, очень мало обломков амфор.

В слое же XIII—XIV вв. встречаются вещи, характерные для более раннего периода и продолжавшие бытовать, а

[1] *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 178.
[2] *Кубышев А. И.* Раскопки средневекового поселения.., с. 51.
[3] *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Археологические раскопки на Старокиевской горе, с. 234—237.
[4] *Кучера М. П., Довженок В. И.* Отчет о работе.., с. 44.
[5] *Кубышев А. И.* Раскопки средневекового поселения.., с. 50.
[6] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече.., с. 30.
[7] *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг.., с. 86.
[8] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 534—535.

также новые, появляющиеся в исследуемое время. Последние и являются источником для датировок.

Одни из них представляют видоизмененные типы уже известных изделий, как, например, сельскохозяйственные орудия (лемех, чересла), ножи с пластинчатой рукояткой, а также новый тип шпор с многозубчатым колесиком. Аналогии этим вещам известны на памятниках Восточной Европы не ранее второй половины XIII в.[9]

Другие, как, например, чугунные котлы, являются совершенно новым видом изделий. Наиболее вероятно, что их появление на южнорусских памятниках следует датировать не ранее XIV в., так как наиболее близкие им болгарские котлы датируются началом этого века, но не ранее конца XIII в.[10] Характерно, что на Северо-Востоке Руси (Владимир) находки чугуна отмечены в слое XIII—XIV вв.[11]

С приходом золотоордынцев появляются новые типы наконечников стрел. Некоторые из них, в частности стрелы типа 49 А (ромбические крупные), имеют четкие хронологические рамки от золотоордынского завоевания до начала XV в.[12] Кроме того, встречаются предметы кочевнического быта: специфические формы подковок, поясные бляшки, зеркала, датирующиеся в погребальных памятниках кочевников южнорусских степей и золотоордынских городах Поволжья XIII—XIV вв.[13]

Важным датировочным материалом является керамика. Если перечисленный выше инвентарь встречается не так часто, в основном при стационарных раскопках, то массовость керамики позволяет датировать памятник (хотя и предварительно) на всех этапах его изучения. Формальные особенности керамики находятся в постоянном развитии и, таким образом, представляют своего рода хронологическую шкалу, деления которой датируются по другим материалам, а также аналогиям с датированных памятников. Главное место в ней занимает кухонная посуда — горшки и крышки.

Первый тип кухонной керамики, описанный выше, датируется по монетам из раскопок Соколецкого замка XIV—XV вв.[14] Время же существования самого замка известно по письменным источникам: литовским и польским летописям, где он неоднократно упомянут с 1394 по 1435 г., а также по «Списку русских городов, дальних и ближних»[15]. Такая датировка подтверждается и по другим памятникам, например в Рашкове вместе с керамикой первого типа найден ромбический наконечник стрелы типа 49 А. Аналогичная керамика известна и в Молдавии, на поселении Лукашовка, где она датируется также XIV—XV вв.[16]

Керамика второго типа, широко представленного на южнорусских землях, также датирована монетами. На том же Соколецком городище — замчище она синхронна керамике первого типа и таким образом датируется XIV—XV вв.[17]

На южнорусских памятниках эта керамика датирована по материалам Замковой горы XIV—XV вв. и Комаровско-

[9] *Дубинин А. Ф.* Археологические исследования.., с. 95, рис. 41, *6*; *Кирпичников А. Н.* Военное дело.., и др.

[10] *Смирнов А. П.* Волжские Булгары.., с. 114—115.

[11] *Ефимова А. М.* Черная металлургия.., с. 308.

[12] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное.., с. 69.

[13] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы...; *Смирнов А. П.* Волжские Булгары.., с. 116—117.

[14] *Кучера М. П.* Середньовічне городище біля с. Сокільці.., с. 208, рис. 5, *1—3, 5*.

[15] Там же, с. 212—213.

[16] *Хынку И. Г.* К вопросу о средневековой керамике Молдавии.— МАСП, 1959, вып. 2, с. 90—91, рис. 5, *1—4, 6, 7*.

[17] *Кучера М. П.* Середньовічне городище біля с. Сокільці.., с. 211, рис. 5, *14*.

го поселения (монета второй половины XV в.) [18].

Полученные даты представляют точки опоры для хронологического членения, но не заменяют его, так как не отражают развития формы во времени на протяжении второй половины XIII—XIV в. Вместе с тем, как явствует из результатов статистического анализа, выделенные подтипы были не синхронными, а последовательно развивающимися вариациями типа, что привело в конечном счете к образованию нового типа керамики в XV в. На протяжении же XIII—XIV вв. шло накопление отдельных признаков. Подсчеты коэффициентов сходства древнерусской и последующей керамики Озаричского поселения показали, что наиболее близок к формам первой половины XIII в. подтип 1 (рис. 29). Его появление — первый шаг в развитии керамики памятника во второй половине XIII в. Сопоставление его с материалами других памятников позволяет предположить, что он является наиболее ранним подтипом не только для Озаричей. Так, аналогичный подтип горшка (тип V, подтип Б) начинает свое существование, судя по дендрохронологической шкале Полоцка, с середины XIII в. [19] Весьма близки к нему и некоторые формы типа IX подтипа А из Волковыска, которые также появляются с середины XIII в. [20]

Последующие подтипы 2—3, представленные горшками с овальным и округлым валиком, иногда с бороздкой для крышки (2 А, Б; 3 А, Б), характерны не только для памятников Южной Руси, но и находят широкие аналогии на других территориях (рис. 29). Именно такая керамика датирована XIV в. по Комаровке и частично по Замковой горе. В Белоруссии (Полоцке, Волковыске, Туровской земле) она встречается в слое XIII—XIV вв., но наибольшее количество — в слое XIV в. [21] На северо-востоке, в Ярославле, образование пухлого венчика отмечено в XIII—XIV вв., но аналогии нашим подтипам относятся уже к XV в. [22] В Новгороде венчики с округлым валиком (подтип 3 А) также появляются позднее — в XV в. [23] Керамика всех трех южнорусских подтипов найдена при раскопках древнего Браслава, где она датируется XIII—XIV вв. [24] Здесь встречаются и фрагменты горшков третьего типа [25], Весьма близкие аналогии среднеднепровской керамике известны в русской керамике Водянского городища, Болгарах и других памятниках Поволжья, на которых она хорошо датируется джучидскими монетами XIV в. [26]

Уже в конце XIV в. на внутренней стороне венчика вместо бороздки образовывается выемка в виде полусферической вогнутости, но с внешней стороны утолщение сохраняется (2 В, Г; 3 В). Это явление отмечено и в озаричских материалах, но таких фрагментов здесь очень мало. К тому же они найдены на северном холме и знаменуют собой новый этап в истории памятника — расширение его площади к концу

[18] *Богусевич В. А.* Розкопки на горі.., с. 66; *Кубышев А. И.* Раскопки средневекового поселения.., с. 50.

[19] *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 81, 82, рис. 40.

[20] *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск, с. 63, рис. 22, тип IX, *2, 3,* с. 66.

[21] *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк, с. 81, рис. 40, VI; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск, с. 63, IX, *5—8*; *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974, с. 138—139.

[22] *Воронин Н. Н.* Раскопки в Ярославле.— МИА, 1949, № 11, с. 186, средний слой Б, верхний слой Г XV в.

[23] *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55, с. 242 — 247, рис. 6, *10*; рис. 7, *4*; рис. 8, *4*.

[24] *Алексеев Л. В.* Раскопки древнего Браслава.— КСИА АН СССР, 1960, № 81, с. 99—100, рис. 46, *1—3*.

[25] Там же.

[26] *Полубояринова М. Д.* Русская керамика с Водянского городища.— КСИА АН СССР, 1972, № 129, с. 90—95.

XIV — началу XV в., а возможно, и новое поселение этого времени. Более широко такие горшки представлены среди материалов Замковой горы и на ряде поселений Киевщины. Образование выемки — характерная деталь кухонных горшков комплексов XV в. (Лукашовка V) в Молдавии, где этот подтип, по мнению И. Г. Хынку, развивается на базе славянской формы [27]. Постепенно, вместе с формированием вогнутости, усложняется профилировка венчика типа IV (Замковая гора, Подол — Киев; Вишенки, Козин II), последующее развитие которого мы находим уже в украинской керамике XV—XVII вв. [28] Некоторые его вариации напоминают формы новгородской керамики XV в.[29], хотя в целом южнорусские кухонные сосуды ближе керамике районов Белоруссии, примыкавших к южнорусским землям на северо-западе. Сложно профилированные венчики имеются и в керамике XIV—XV вв. на территории Польши и иногда в Чехии и Моравии [30]. Таким образом, начиная с 40-х годов XIII в. до начала XV в. наблюдается эволюция формы горшка, особенно его верхней части. Поэтому находка того или иного типа (подтипа) на памятниках является основанием для его предварительной датировки. Хорошие результаты для датировки памятников дает метод планиграфии вещественного материала, основанный на сопоставлении всего состава находок. В этом случае керамика играет весьма существенную роль, так как помогает уточнить датировку памятника в целом и его отдельных комплексов. Примером тому является планиграфический анализ материалов Озаричского селища. На северном холме его найдены наконечники стрел типа 41 (2), по А. Ф. Медведеву, встречающиеся с XI по XIV в., но аналогии озаричским датируются XII в.[31] Кроме того, среди находок имеются удлиненно-овальное кресало с фигурными пропилами XII в. и обломок стеклянного крученного, или ложновитого, браслета зеленого цвета. Производство и распространение таких браслетов на южнорусской территории, по мнению большинства специалистов, прекращается после нашествия. Расцвет же их употребления приходится на первую половину XIII в. Даже в Новгороде, где такие браслеты встречаются и позднее, основная их масса приходится на 13—14 ярусы, т. е. середину XIII в.[32] Керамика типична для XI — первой половины XIII в., хорошо известная по древнерусским памятникам этого времени. Все эти материалы позволяют датировать северный холм концом XI — первой половиной XIII в.

На южном же холме все наконечники стрел датируются XIII—XIV вв., стеклянных браслетов нет, зато много фрагментов чугунных котлов. Есть и следы пребывания золотоордынцев— ромбический наконечник типа 49 А, железная позднекочевническая бляшка, обломок зеркала.

Керамика исключительно типа II подтипов 1 — 3, разновидности А и Б. В связи с этим селище датируется второй половиной XIII—XIV в.

Сопоставление вещественного материала, особенно керамики, важно и для решения другой задачи — установления хронологического взаимоотношения памятников. Результаты хронологическо-

[27] *Хынку И. Г.* Раскопки на селище XII—XV в. Лукашовка V.— КСИА АН СССР, 1961, № 86, с. 89—91, рис. 36, *14—18*.

[28] *Тищенко А. Р.* Древнерусская и украинская керамика.., с. 30.

[29] *Смирнова Г. П.* Опыт классификации.., с. 246, рис. 8, *1*.

[30] *Necuda V., Reichertowa R.* Středoveca keramika.., Obr. 40, 41.

[31] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.., с. 65, табл. 20 (29), с. 151.

[32] *Полубояринова М. Д.* Стеклянные браслеты древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 117, с. 179.

го членения следующие: наиболее ранние материалы имеются на Озаричском поселении. И статистический анализ, и планиграфия, и аналогии позволяют здесь выделить ранний подтип керамики, хотя в целом селище датируется шире — второй половиной XIII—XIV в. Керамика, близкая к раннеозаричской, встречается на Выдубичах, что, возможно, свидетельствует о синхронном этапе развития обоих памятников. Однако Выдубичи функционировали значительно дольше, о чем говорит находка горшка, типичного для развитого XV в.[33], и керамика XVII в., в изобилии встречавшаяся на памятнике. Поселение у с. Ломоватое [34] датируется (по Э. А. Сымоновичу) XIII—XIV вв. Золотоордынский слой Комаровского поселения (по А. И. Кубышеву) [35]—XIII—XV вв. Аналогична датировка и для позднего слоя городища и селища у хут. Половецкий [36], но большинство найденных здесь материалов характерны для XIV—XV вв. (арбалетные стрелы, шпоры, ножи с пластинчатым черенком), типы I и II (подтипы 2, 3) в керамике. Материалы Замковой горы датируются не ранее XIV, а то и второй половины XIV—XV в. Здесь нет керамических форм второй половины XIII в., зато хорошо представлена вторая половина XIV—XV в.

Поздняя датировка подтверждается и находками изразцов, появляющихся не ранее XIV в., монетами XIV—XV вв., а также историческими сведениями. Как известно, строительство Киевского замка могло происходить не ранее второй половины, а скорее в последней четверти XIV в.

Имеющиеся материалы из раскопок Подола (Киев) — кухонная керамика, изразцы — также могут быть датированы не ранее XIV в.

Ряд памятников датирован авторами раскопок XIV—XV вв. Это поселение у с. Макишин на Черниговщине (Е. А. Горюнов) [37], где найдена керамика типа II (подтипы 2 А, Б и 3 А, Б), типа IV, что делает такую датировку вполне приемлемой, затем поздний слой Путивля (Д. Т. Березовец) [38] и Любеча (Б. А. Рыбаков) [39].

XIII—XV веками датированы многие поселения Киевщины М. П. Кучерой [40], однако изучение керамики этих памятников показывает, что в ней преобладают подтипы (2 (Б, В, Г) и 3 (В, Б), а также тип IV. Это, в свою очередь, говорит о том, что датировка, по крайней мере некоторых из них, еще нуждается в уточнении.

Скорее всего ко второй половине XIV и XV в. относятся и соответствующие материалы Белгорода, так как среди находок встречаются вещи XII—XIII вв. либо конца XIV—XV вв. Такая датировка материалов Белгорода подкрепляется находкой строительных остатков башни XV в. [41]

Таким образом, для определения датировки культурного слоя исследуемого периода, а также хронологического членения памятников необходимо использование всего комплекса традиционных археологических методов датировки: стратиграфии, планиграфии, анализа

[33] *Мовчан І. І.* Археологічні дослідження.., с. 85, рис. 2.

[34] *Сымонович Э. А.* Раскопки поселения.., с. 26.

[35] *Кубышев А. И.* Раскопки поселения X—XV вв..., с. 26.

[36] *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 178.

[37] *Горюнов Е. А.* Отчет об археологическом обследовании поречья р. Снов на участке с. Брусилов — с. Горск Черниговской обл.— Архив ИА АН УССР, 1970/59, с. 5—6.

[38] *Березовець Д. Т.* Дослідження на території Путівльського р-ну Сумської обл.— АП, 1955, т. 3, с. 242.

[39] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече..., с. 30.

[40] *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 181.

[41] *Мезенцева Г. Г.* Звіт про роботу Білгородської експедиції за 1968 р., с. 15 и сл.

состава находок и т. д. Кроме того, возможно и привлечение письменных источников. Вместе с тем необходимо отметить, что в силу тесной взаимосвязи древнерусской и последующей культуры роль хронологических дифференциаторов могут выполнять только некоторые новые или видоизмененные изделия, а также предметы быта поздних кочевников XIII — XIV вв. Особенно важное значение для установления микрохронологии периода и хронологического взаимоотношения памятников имеет керамика. Прослеживаемая общность развития основных направлений в материальной культуре древнерусской территории позволяет использовать для датировок аналогии.

К сожалению, до последнего времени не привлекались для датировок южнорусских памятников методы естественных наук. Исключение составляет только попытка археомагнитного датирования печей Жуковецкого поселения.

Использование всех вышеперечисленных методов позволило уточнить датировку ряда памятников, определить их хронологическое взаимоотношение и поставить вопрос об их месте среди памятников второй половины XIII—XIV в. других районов Руси.

При решении этого вопроса особое значение приобретает анализ вещественного материала. Больших хронологических расхождений в появлении и существовании основных видов инвентаря не выявлено, хотя некоторые отличия есть. Так, на южнорусской территории уже в XIV в. наблюдается формирование асимметрии лемехов, увеличение размера чересл. Это объясняется высоким уровнем пашенного земледелия, основные успехи которого были достигнуты в предшествующий период и не утрачены в последующее время. В известной степени этому способствовали благоприятные физико-географические условия Южной Руси. Еще на рубеже XII—XIII вв. началось здесь распространение овальных двулезвийных кресал, в то время как на северо-востоке они появляются несколько позднее. Несколько раньше появляются на юге и изразцы (XIV в.). Формирование основных типов кухонной посуды синхронно или почти синхронно памятникам Белоруссии, особенно ее юго-восточных районов, но в Ярославле и Новгороде второй тип кухонных горшков известен не ранее XV в. Однако приведенные примеры не снижают широты масштаба общности развития материальной культуры на всей территории Древнерусского государства. Отдельные отличия — опережение или отставание в появлении тех или иных типов вещей— наблюдались и в древнерусское время и проистекали из объективных особенностей развития того или иного района, физико-географических различий, локальных взаимовлияний и т. д. Главные же направления развития материальной культуры формировались одновременно, поэтому масса орудий труда, предметов бытового назначения остается тождественной на всей территории Древней Руси и в древнерусский и в последующий период. Почти синхронно происходит и видоизменение тех или иных типов изделий. Так, при формировании культур трех братских народов — русского, украинского и белорусского — сочетались и унаследованные черты древнерусской культуры, и новые специфические особенности каждой из формирующихся культур в рамках глубокой исторической общности. Все вместе взятое и позволяет поставить южнорусские памятники второй половины XIII—XIV в. в один ряд с синхронными им памятниками других русских земель.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЮЖНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII—XIV в.

Вопрос об экономическом развитии южнорусских земель во второй половине XIII—XIV в. сложен, мало изучен и, естественно, не может быть решен в рамках одной работы. Его освещение в данной главе вытекает из задач исследования и обусловлено спецификой основного источника — археологических остатков материальной культуры. Главное внимание уделено некоторым аспектам развития сельского хозяйства и ремесла.

Экономические основы жизни южнорусского населения подверглись тяжелым испытаниям в период золотоордынского завоевания. Сложилась ситуация, которую Ф. Энгельс считал характерной для любого подобного завоевания. «Каждый раз,— писал он,— когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил» [1].

Особенно значительные масштабы приняло разрушение производительных сил городов, последствия чего не замедлили сказаться прежде всего на развитии товарного производства и товарного обращения, практически содействуя консервации феодальной раздробленности. Между тем именно развитие городов имело первостепенное значение на данном этапе развития феодальной формации, когда горожане становились «классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений» [2].

«Страшный удар был нанесен и производительным силам русской феодальной деревни» [3], но менее сложное по своей структуре сельскохозяйственное

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 20, с. 188.

[2] Там же, т. 21, с. 407.

[3] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы.., с. 179.

производство и промыслы все же меньше пострадали во время завоевания и быстрее восстанавливались.

Сельское хозяйство и промыслы. Несмотря на некоторый отлив части населения, отмеченный рядом авторов, на северо-восток — междуречье Оки и Волги, юго-запад и другие районы, основная масса сельских жителей оставалась на местах. Об этом свидетельствует сохранение древнерусской топонимики на территории южнорусских земель и характер материальной культуры населения. Село было и основным поставщиком дани, источником постоянного обогащения золотоордынских феодалов. На это обстоятельство обратил внимание еще Б. А. Рыбаков [4]: «земледельческое население завоевателям иногда было выгодно оставлять в деревнях, «... ибо да им орють пшеницю и проса» [5].

Письменные источники, правда, для Северо-Восточной Руси называют до 14 видов ордынской дани [6], уносивших львиную долю сельскохозяйственного продукта. Подъему сельского хозяйства мешали постоянные набеги завоевателей. Русские летописцы и иностранные авторы неоднократно упоминают о кочевьях орд то в одной, то в другой части южнорусских земель. Только упорными усилиями крестьянских масс были созданы предпосылки нового подъема, отчетливо обозначившегося уже в XIV в.

Базисом для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства послужил унаследованный от древнерусского времени высокий уровень ведения хозяйства и его технической оснащенности. Для оценки же технического состояния сельскохозяйственного производства во второй половине XIII—XIV в. весьма важно сравнение древнерусских и последующих сельскохозяйственных орудий. В свою очередь анализ такого рода дает возможность судить о прогрессивности или регрессивности данной отрасли хозяйства по сравнению с предшествующим временем. Методологической основой такого отношения к археологическому источнику и использования его для определения уровня производства является известное положение К. Маркса, что «экономические эпохи различаются не тем, что́ производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [7]. Прежде всего обратимся к превалирующей отрасли — земледелию.

Накануне золотоордынского нашествия на территории южнорусских земель господствовала трехпольная система с остатками подсечного земледелия. Основными орудиями обработки почвы были плуг и рало. Об этом свидетельствует земледельческая техника, найденная на ряде памятников, разрушенных во время нашествия, таких, как, например, Райковецкое городище (Колодяжин и др.) [8]. Эти памятники дают нам и точную дату существования подобных орудий — 1240 г.

К сожалению, при исследовании золотоордынских поселений (с учетом относительной немногочисленности раскопанных памятников) пока обнаружено мало орудий обработки почвы. Такое положение, безусловно, нельзя объяснять кризисом зернового хозяйства. Природные условия, весь ход развития земледелия, а также непосредственные находки многочисленных зерновых ям, обломков жерновов определенно говорят о продолжении традиций земледелия. Здесь, скорее, надо принять во внимание то, что в условиях постоянного экономического угнетения далеко не каждая крестьянская семья владела дорогостоящими орудиями, какими бы-

[4] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 525.
[5] *Карпини П.* История монголов, с. 32.
[6] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы.., с. 185.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 191.
[8] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище...; *Юра Р. А.* Древний Колодяжин...

ли плуг и рало. Даже по более поздним документам XVI в. орудия землеобработки считались весьма ценными и были принадлежностью далеко не каждого [9].

Орудия исследуемого времени (лемехи, чересла) имеют несколько иные размеры, а конструкция их более совершенна. Известно, что древнерусские лемехи симметричны (острие лежит на продольной оси, проходящей через середину втулки или трубицы). Нижняя часть имела форму равнобедренного треугольника, а верхние края — плечики симметрично выдавались, как это видно по лемехам с Княжей Горы, Девич-Горы, Райков, Колодяжина и других древнерусских памятников [10]. Еще В. И. Довженок отмечал увеличение одного из плечиков лемеха [11]. Наиболее значителен такой выступ у лемеха с Райковецкого городища [12], что позволяет проследить генезис формы лемеха от древнерусского до известного по этнографическим данным и характеризующим плуг XVIII в. Значительное увеличение верхнего края рабочей части лемеха заметно и у лемеха с Вышгородского селища на Рязанщине [13]. Этот лемех ближе к Комаровскому и по своим пропорциям. Несмотря на определенное сходство с древнерусскими, лемех Комаровского поселения обладает и некоторыми признаками асимметрии. Вместе с тем лемех еще нельзя назвать полностью однобоким или асимметричным, что характерно для плужного лемеха XVIII в., описанного и зарисованного И. А. Гильденштедтом [14] и известному по плугу из Полтавского музея [15]. Как отмечает Г. Е. Кочин [16], форма лемеха имела первостепенное значение (симметричен или несимметричен) для эффективности работы. При этом на протяжении истории плуга совершался постепенный переход от симметричного к асимметричному. Начиная с XVIII в. благодаря одностороннему типу плуга переворачивание пласта доводилось до 180°, поднятый пласт, переворачиваясь, ложился вниз луговиной, в то время как при вспашке древнерусским плугом поднимаемая им земля разваливалась на обе стороны посередине [17].

Описанные выше детали устройства комаровского плуга позволили А. В. Чернецову трактовать его как переходный тип от симметричного древнерусского к позднему плужному лемеху XVIII в. и датировать начало перехода к использованию подобных лемехов на юге XIV в. [18]

Наряду с плугом, очевидно, древнерусского времени сохраняло свое значение и рало, распространенное в лесостепной полосе Руси и Южной Руси в частности. Правда, на исследованных памятниках второй половины XIII—XIV в. до сих пор не найдено ни одного наральника. Однако хорошо известны наральники периода нашествия, в том числе, например, на Райковецком городище. К последним, как единодушно утверждают все исследователи сельскохозяйственных ору-

[9] *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.., с. 26; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951, с. 13.

[10] *Довженок В. И.* Землеробство.., с. 39, рис. 14, *3*, *4*; с. 41, рис. 15, *1*; с. 43, рис. 16, *5*, *6*; *Гончаров В. К.* Райковецкое городище.., табл. IV, рис. 2, 3.

[11] *Довженок В. И.* Землеробство.., с. 75.

[12] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище.., табл. V, рис. 1.

[13] *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 258.

[14] *Гильденштедт А.* Описание некоторых в Малой России употребляемых плугов.— Технологический журнал, Спб., 1884, т. 1, ч. 2, с. 7—12, рис. 5, *6*, *10*—12.

[15] Полтавський державний музей ім. В. Г. Короленко. Полтава, 1928, с. 74—75.

[16] *Кочин В. Г.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965, с. 47.

[17] Там же, с. 46.

[18] *Чернецов А. В.* Классификация и хронология.., с. 33—35, рис. 1, *15*—*17*.

дий, [19] весьма близки рала XVII в., что и дает основание допустить бытование этого орудия во второй половине XIII—XIV в.

Вероятно, и наральники этого времени весьма сходны с узколопастными наральниками Райковецкого городища. Длина их колебалась от 14,5 до 19,5 см, ширина рабочей части лезвия 8,3—9,5 см, длина втулки 8—10 см. Стойкое сохранение конструкции рала на протяжении нескольких веков, возможно, объясняется тем, что этот вид сельскохозяйственного орудия, очевидно, исчерпал конструктивные возможности развития как рала. Тем более что широколопастные наральники были генетическими предшественниками плуга [20].

Природные условия (пойменные луга, близость воды) создавали благоприятные условия для интенсивного скотоводства. Поэтому не случайно на исследованных поселениях встречается огромное количество костей крупного рогатого и мелкого скота, а также ряд орудий (косы, ножницы для стрижки овец), прямо или косвенно связанных с этой второй по значению отраслью сельского хозяйства Южной Руси.

Находки ряда орудий характеризуют промыслы сельского населения: охоту, рыболовство, бортничество. Особенно многочислен и разнообразен рыболовецкий инвентарь. Близость рек, часто крупных, и других водоемов, богатых рыбными угодьями, а также важность рыбных продуктов для питания населения (как известно, по древнерусским материалам лов рыбы проводился круглый год) определили интенсивность рыбного промысла еще с предшествующей эпохи. Орудия рыбной ловли не отличаются от древнерусских.

Таким образом, археологические материалы не свидетельствуют об упадке сельскохозяйственного развития. Напротив, все основные достижения древнерусских крестьян в земледелии и других отраслях сельского хозяйства не были утеряны и получили свое дальнейшее развитие. Сохраняется и усовершенствуется форма ряда орудий, что имело большое значение для интенсификации сельскохозяйственного производства, прироста получаемого продукта, особенно зерна. Аналогичный подъем производительных сил в области земледелия наблюдается и в Северо-Восточной Руси. В свою очередь и там и здесь выявляются сходные процессы роста феодального землевладения и усиления наследственного права на землю. Это убедительно показывают даже те незначительные письменные источники по Южной Руси, которые дошли до нас. Пример тому — текст грамоты 1390 г., в которой перечисляются многочисленные земли рода Рожиновских и подтверждаются их права на наследственное землевладение [21]. В этот период усиливалась хозяйственная роль монастырей, которые становились крупными владельцами земельной собственности, а также получали огромные доходы от повинностей. Состав последних и количество их регламентировались, что хорошо прослеживается по ряду документов уже в начале XV в. [22]

Восстановление производительных сил в сельском хозяйстве южнорусских земель и их дальнейшее развитие создавало благоприятные условия для других занятий, в частности для ремесленной деятельности.

Ремесло. В результате золотоордынского завоевания сильнее всего

[19] См. указ. работы В. И. Довженка, В. П. Левашовой, В. Г. Кочина и др.

[20] *Довженок В. И.* Землеробство.., с. 65—66, 71—72, 74—77.

[21] *Rulikowski E.* Opis powiatu.., s. 34—35. Текст грамоты см. также: *Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии.., с. 190—191.

[22] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1, 1340—1506. Спб., 1846, с. 37—38.

пострадало городское ремесло, включавшее наиболее сложные, трудно восстанавливаемые отрасли производства.

Сельское ремесло пострадало меньше, что обусловлено рядом причин. Во-первых, удары завоевателей были направлены прежде всего против городов — главных ремесленных центров. Во-вторых, сельские ремесленники были рассеяны по многочисленным селам и, естественно, не могли быть полностью уничтожены. В третьих, «захватчики меньше обращали внимание на деревенских мастеровых, иногда оставляя их на месте» [23]. Восстановление сельского ремесла было более простой задачей, так как его отрасли не требовали таких сложных навыков, как, например, городское мастерство скани или зерни. Кроме того, надо учитывать и тот факт, что в селе восстанавливались в первую очередь те отрасли, без которых немыслима обычная жизнь населения средневековья: железоделательная, металлообрабатывающая, гончарство, деревообработка и т. д. Именно эти отрасли отражают важнейший аспект изучения — культуру большинства, культуру народных масс. В условиях застоя городского ремесла, очевидно, поднимается роль сельских ремесленников, часть продукции которых шла в город. К сожалению, наши знания о городском ремесле Южной Руси еще весьма ограничены. Раскопки в Киеве и других городах пока дали мало для изучения его состояния. Сведения исчерпываются только двумя отраслями: гончарством и кузнечным делом. Гораздо больше материалов о ремесле сельском, особенно разнообразны находки Озаричского поселения, которое послужило опорным пунктом для настоящего исследования.

Железоделательное производство, как и в эпоху Древней Руси, было в основном занятием сельского населения. Этому способствовали и естественные условия: близость и богатство сырьевых источников — болотных и луговых руд и топливной базы — лесов. Как известно, в первой половине XIII в. происходит переход к производству железа в наиболее развитом типе сыродутных горнов (райковецкая домница) [24]. Этот же тип металлургического производства существовал и во второй половине XIII—XIV в. Конструкция горнов, выявленная по раскопкам древнерусских памятников, воспроизведена на миниатюрах XIV в.[25] и прослежена по этнографическим данным [26]. На исследовавшихся поселениях второй половины XIII—XIV в. также найдены остатки железоделательного производства. Так, на Комаровском поселении обнаружены следы нескольких горнов, а также продукты добычи железа — крицы весом до нескольких килограмм, а также скопления шлаков [27]. Один из горнов сохранился лучше других — в виде большого развала ошлакованных стенок красного цвета с прикипевшими к ним остатками оплавленных железных шлаков. Следы металлургического производства (шлаки) обнаружены и на Озаричском поселении, а также на городище у хут. Половецкий (шлаки тигельки-льячки).

Имеются данные и о получении стали. Об этом свидетельствуют находки нижней части горшков с куском железа, сросшегося со стенками (Выдубичи, Озаричи). Аналогичные находки известны и в древнерусское время (Старая Рязань, Болгары). Как указывает *Б. А. Колчин* [28], это говорит об исполь-

[23] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 534.

[24] *Колчин Б. А.* Черная металлургия.., с. 54.

[25] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 44, 77. Речь идет о миниатюрах Остермановского тома Никоновской летописи.

[26] *Колчин Б. А.* Черная металлургия.., с. 30—35.

[27] *Кубышев А. И.* Исследования Комаровского поселения.., с. 241.

[28] *Колчин Б. А.* Черная металлургия.., с. 53.

зовании горшка для науглероживания железа и превращения его в сталь. Поэтому иногда при раскопках поселений встречаются маленькие крицы, повторяющие форму дна горшка.

Характеристика железного инвентаря и технология его изготовления. Работами советских историков-археологов убедительно доказано наличие высокого технического уровня металлообработки накануне золотоордынского нашествия. Прежде всего это относилось к ремеслу городскому. Городской ремесленник снабжал село многими орудиями труда и инструментами, а на долю деревенского кузнеца приходилось изготовление изделий, требующих лишь простой кузнечной сварки и ковки [29].

В результате завоевания, как указывал Б. А. Рыбаков, пришли в упадок именно те отрасли «городского ремесла, которые были связаны через рынок с деревней» [30], в том числе и городское кузнечное ремесло. В этих условиях, очевидно, большое значение приобрело производство изделий из железа и стали сельскими мастерами, что не могло не отразиться на качестве.

В предшествующий период инвентарь древнерусских железных изделий насчитывал более 150 наименований [31], в том числе около 50 видов качественных изделий.

Находки железного инвентаря на южнорусских памятниках второй половины XIII—XIV в. многочисленны и разнообразны. К ним относятся такие орудия труда, как ножи, ножницы, серпы, косы, иглы, лемех, чересла, крючки рыболовные, шила, остроги; инструменты — долото, сверло, тесло; оружие — стрелы, боевые топоры, наконечники копей и т. д., другие изделия — гвозди, скобы, цепи, костыли и пр. Ниже приводится характеристика технологии их изготовления. В основу описания положены данные микроструктурного анализа железного инвентаря Озаричского селища *, что дает определенные основания для оценки общего уровня сельского металлообрабатывающего ремесла. Еще в древнерусский период ремесленниками выработаны основные схемы изготовления тех или иных орудий, своего рода стандарт, выполнявшийся при незначительных колебаниях на всей территории государства. Конструктивные изменения в схемах появлялись по мере развития металлообработки и потребностей общества. Таким образом, для определенного хронологического этапа были характерны и свои приемы изготовления орудий. Вместе с тем необходимо отметить некоторую сложность решения вопроса. Если суммарная характеристика древнерусского металлообрабатывающего ремесла в конкретные хронологические отрезки была предметом специального изучения в работах ряда советских исследователей (Б. А. Рыбаков, Б. А. Колчин, В. Д. Гопак и др.), то вопрос об уровне и технологических схемах древнерусского городского и сельского кузнечного ремесла в отдельности разработан слабо. Нет пока и работ, посвященных сельскому ремеслу Южной Руси. Это создает объективные трудности при сравнении техники металлообработки у сельских ремесленников древнерусского и последующего времени на исследуемой территории.

С учетом всех перечисленных факторов, на основании данных металлографических исследований прослеживают-

[29] *Колчин Б. А.* Черная металлургия.., с. 192.

[30] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 534.

[31] *Колчин Б. А.* Черная металлургия.., с. 70.

* Микроструктурный анализ изделий произведен в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН УССР под руководством Д. П. Недопако. Исследовано 57 изделий.

ся следующие технологические схемы изготовления орудий и их эволюция [32].

Ножи. Из 13 исследовавшихся * один изготовлен из низкоуглеродистой стали с замедленным охлаждением. Еще один — из пакетного металла горячей проковкой. Все остальные — из неравномерно науглероженного железа, из одной заготовки методом горячей проковки. Качество металла довольно низкое. Из такого же металла и по аналогичной схеме изготовлен и нож, найденный в древнерусской части Озаричского селища. Изготовление ножей из железа характерно и для ряда других древнерусских памятников, хотя основной схемой для XII—XIII вв. являлась наварка на железную основу стального лезвия. Так, при исследовании В. Д. Гопаком ножей из Белгорода оказалось, что $^1/_3$ их (5 из 15) сделана из железа. Из четырех ножей, происходящих из Родня (Княжа Гора), один железный и т. д. [33] Представляется, что В. Д. Гопак совершенно прав, расценивая эти находки не только как кузнечный брак, поскольку они встречаются в довольно значительном количестве и на многих памятниках. Скорее всего, как пишет он, «наряду с высококачественными ножами ремесленники изготавливали и более дешевую продукцию» [34], что, безусловно, было вызвано потребностями рынка. Еще в начале XII в. в связи с бурным развитием экономики, расширением рынка сбыта ремесленники упрощают технологию изготовления ножей [35] за счет ухудшения качества продукции. Дальнейшее упрощение схемы и неуклонное ухудшение качества отмечается и у ножевников исследуемого времени. Такое явление прослежено Б. А. Колчиным [36] на городских изделиях Северо-Востока и Северо-Запада Руси и прежде всего Новгорода, где в первой половине XIV в. наварные лезвия ножей на железную основу делаются приемом косого шва, при котором, как отмечает Б. А. Колчин, «уменьшалось количество стали, трудоемкость производства», но и ухудшалось качество изделий. В Серенске ножи изготовлялись либо из двух полос, либо торцовой сваркой [37]. Упрощение технологии известно и по материалам Южной Руси. В качестве примера можно привести схему изготовления ножей XIII—XIV вв. из Любеча. Г. А. Вознесенская, исследовавшая их, отмечала, что «к концу XIII и в XIV в. конструкция ножа стала еще более простой, острие наваривалось тонкой стальной пластиной с одного бока железного клинка» [38]. Все эти данные относятся к городскому ремеслу, поэтому не удивительно, что качество металла в сельской местности могло быть еще хуже, а уровень технологии ниже — это видно при исследовании ножей из Озаричей. В отличие от ножей технология изготовления других орудий отличалась большей целенаправленностью на улучшение рабочих свойств изделия.

Сельскохозяйственные орудия. Проводилось изучение микроструктуры серпа и косы. В отличие от ножей они изготовлены из стали, максимальное содержание углерода 0,7%, структура феррито-перлитная, мелкозернистая. Они принадлежат к высококачественным изделиям. Аналогичная структура

[32] *Беляева С. А., Недопако Д. П.* О металлообработке в Посеймье в XIII—XIV вв.— В кн.: Методы естественных наук в археологии. Киев, 1981.

* Сюда входит и нож, найденный в домонгольской части селища.

[33] *Мезенцева Г. Г., Гопак В. Д.* Залізні вироби з стародавнього Белгорода.— Археологія, 1974, № 14, с. 80—81.

[34] Там же, с. 81.

[35] *Колчин Б. А.* Ремесло.., с. 171—172.

[36] Там же, с. 172.

[37] *Хомутова Л. С.* Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске (вторая половина XII—XIV вв.).— СА, 1973, № 2, с. 216—224.

[38] *Вознесенская Г. А.* Стальные ножи древнего Любеча.— КСИА АН СССР, 1965, № 104, с. 49.

и технология изготовления орудий труда наблюдалась и в древнерусский период.

Орудия рыбной ловли. Крючки характеризуются феррито-перлитной структурой с незначительным науглероживанием (до 0,2%). При изготовлении применялось сочетание различных методов для придания орудиям большей упругости. В одном случае крючок откован из железной заготовки, значительный объем которой подвергся цементации (томленая сталь). В другом — при ковке применены специфические приемы: острие и ушко с отверстием изготовлены в виде двойной полосы. В третьем — имело место науглероживание стержня крючка. Остроги и блесна с карабином изготовлены из цементованной или сварочной стали, повышающей упругость изделия. Содержание углерода несколько выше, чем у крючков (до 0,4%).

Деревообрабатывающие инструменты. Их технология не отличается от древнерусской. Они представляют собой высококачественные изделия. Тесло имеет ферритную структуру с цементированным слоем. Сверло изготовлено из двух частей. Основная — стержень из науглероженной заготовки. На рабочую часть наварена узкая стальная полоса — режущая кромка. Операция выполнена исключительно качественно. Шов тонкий, достаточно чистый. После наварки, как показывают исследования, рабочая часть подверглась термообработке (вероятно, закалке), что способствовало получению высококачественного изделия, причем режим термообработки был подобран таким образом, что обеспечил получение оптимальных свойств инструмента: достаточно высокой твердости и при хороших пластических свойствах. Такая же схема применялась в XIV—XV вв. в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси [39].

[39] Очерки русской культуры.., ч. 1, с. 156 и сл.

Оружие. Втульчатый наконечник копья имеет феррито-перлитную структуру, что наблюдалось и в древнерусское время. Три наконечника стрел, в том числе и древнерусский (с северного холма), весьма близкие по структуре, изготовлены из железа. Золотоордынский наконечник (ромбический, тип 49 А) изготовлен из целого куска железа. Ударная часть его выполнена из пакетного металла путем сгибания заготовки и последующей проковки.

Прочие изделия, куда входят в основном предметы домашнего обихода, чаще всего изготавливались из железа.

Анализ материалов показывает, что качество металла и технология производства древнерусских предметов и вещей второй половины XIII—XIV в. не отличаются. И у первых и у вторых металл содержит много пор и неметаллических включений. Но, как указывает Б. А. Колчин [40], влияние шлаковых включений на механические качества выражается только в незначительном уменьшении временного сопротивления на разрыв, что не имело значения для условий эксплуатации железа в древнерусский период и в более позднее время. Достаточно сказать, что шлаковых включений в металле XIX в. больше, чем в древнерусском [41].

Технология изготовления металлоизделий, найденных на Озаричском селище, не выходит за рамки схем в древнерусский период. Более того, орудия из древнерусского и последующего слоя Озаричского поселения не отличаются ни по качеству металла, ни по технологическим приемам изготовления одних и тех же видов орудий. Более сложная технология применялась при изготовлении следующих изделий.

Особенное внимание обращалось на производство качественных изделий, именно на них видно применение более

[40] *Колчин Б. А.* Черная металлургия.., с. 48.

[41] Там же.

Изделие	Технологическая операция				
	Закалка	Наварка стальной рабочей части	Холодная деформация	Цементация	Науглероживание
Инструменты					
сверло	+	+			
тесло		+			
Сельскохозяйственные орудия					
серп					+
коса					+
Орудия рыбной ловли					
крючок (ан. 24)				+	
острога (ан. 18)					+
острога (ан. 60)					+
блесна					+
Оружие					
наконечник копья					+
наконечник стрелы (ан. 30)					+
наконечник стрелы (ан. 40)					+
наконечник стрелы (ан. 68)					
наконечник стрелы — татарский (ан. 62)			+		+
Хозяйственный инвентарь					
кресало (ан. 65)		+		+	
кресало (ан. 71)					+
нож (ан. 48)					+
нож (ан. 51)					+
нож (ан. 66)					

сложных операций металлообработки. Ремесленники учитывали и специфическое назначение изделий и понимали свойства металла. Не случайно качественные изделия древнерусского и последующего времени изготавливались по более близкой технологической схеме, основой которой было соединение стального лезвия с железной основой, применение цементации и изготовление цельностальных изделий. Скорее всего, эти изделия были продукцией городских кузнецов, приобретенной сельскими жителями для своих нужд. Некачественные изделия, представлявшие многочисленный инвентарь, предметы быта и т. д., изготавливались по более простой технологической схеме из низкокачественного металла, в основном из железа. Качество некоторых изделий по сравнению с древнерусским временем несколько ухудшается, что особенно заметно на ножах Озаричского поселения.

Это объясняется, по-видимому, не только увеличением производства, но и тем, что они были изготовлены сельскими ремесленниками, качество продукции которых всегда отставало от городских кузнецов. Тем более что Озаричское поселение представляло в известной степени периферию южнорусских земель и располагалось на значительном расстоянии от крупных городских ремесленных центров. Необходимо учитывать и неблагоприятные условия для развития ремесла, сложившиеся в результате монголо-татарского завоевания.

Сравнительный анализ технологических схем дает основание говорить о

преемственности древнерусских традиций металлообработки в последующее время. Это проявляется и в идентичности подхода к изготовлению тех или иных видов изделий, и в тенденциях развития производства (разница в изготовлении качественных и некачественных изделий, ухудшение качества массовых видов продукции, упрощение их технологии за счет роста количественных показателей и т. д.). Последнее свидетельствует о прогрессивности развития металлообрабатывающего ремесла, так как в первую очередь оно связано с потребностями рынка. Предварительные данные, полученные в результате сравнений коллекций южнорусских изделий (Любеч * и Озаричи) с таковыми из Северо-Восточной и Северо-Западной Руси [42], позволяют ставить вопрос о том, что вплоть до конца XIV в. наблюдается общность направлений развития и близость уровня металлообработки в этих районах.

Чугунолитейное производство. На ряде памятников исследуемого времени обнаружены фрагменты чугунных котлов, а также целые или почти целые котлы.

Перед исследователями встает вопрос о том, являются ли они предметом импорта, или их производство могло развиваться на местной основе?

Для его решения необходимо сопоставить южнорусский чугун с восточным.

Восемь из 29 фрагментов котлов с Озаричского поселения были подвергнуты микроструктурному, химическому и спектральному анализу **.

По химическому составу металл представляет собой образец высокофосфористого чугуна, причем фосфор, вероятно, вводился в сплав специально для понижения температуры плавления и повышения его литейных свойств. Кроме того, повышение содержания фосфора содействует сопротивлению металла коррозии. Возможно, поэтому все образцы малокоррозированы. Чугун с высоким содержанием углерода (от 3,24 до 4,6%). Температура плавлени невысокая и не превышает 1204°. Топливом для выплавки служил древесный уголь. Сравнительный анализ формальных признаков, физико-химических свойств и специфики исследовавшихся образцов позволяет высказать мнение о том, что традиция изготовления чугунных котлов связана с золотоордынским завоеванием, но их нельзя считать всецело элементом пришлой культуры. Котлы из Каракорума (столица древней Монголии), Хирхиры и приморские [43] существеннейшим образом отличаются от озаричских. Так, котлы Шайгинского городища (Приморье) имели весьма своеобразную форму: прямой, орнаментированный выпуклыми линиями венчик, что характерно для всей территории эпохи чжурчженей [44]. Эта особенность не прослеживается на южнорусских котлах. Средняя толщина шайгинских котлов на 2—3 мм больше озаричских. Кроме того, для выплавки чугуна в Приморье применялся каменный уголь, в отличие от древесного в Озаричах [45]. Озаричские котлы сильно отличаются от образцов как Каракорума, так и Хирхиры по форме и по химическому составу [46]. Последние, как и чжурчженские, выплавлялись на каменном угле, что обусловило большой процент серы в чугуне. В Озаричах же, как отмечалось

* Имеются в виду результаты исследования Г. А. Вознесенской по Любечу, опубликованные в указанной статье.

[42] Очерки русской культуры.., с. 156 и сл.

** *Беляєва С. О., Недопако Д. П., Москаленко Н. П.* Про середньовічне чавуноливарне виробництво.— Археологія, 1977, вип. 23, с. 78—87.

[43] *Терехова Н. Н.* Технология чугунолитейного производства у древних монголов.— СА, 1974, № 1, с. 69—78; *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII в. Новосибирск, 1974.

[44] *Леньков В. Д.* Металлургия.., с. 134, рис. 37 на с. 132.

[45] Там же, с. 138.

[46] *Терехова Н. Н.* Технология.., с. 74.

выше, чугун, напротив, высокофосфористый, с низким процентным содержанием серы. Отличается и температура плавления. Образцы из Хирхиры и Каракорума имеют температуру плавления 1300—1400° С, в то время как Озаричские не более 1204°. Значительно ближе к озаричским чугунные изделия из Болгар, где чугунолитейное производство было подготовлено всем ходом развития местной металлургии. Привнесенная извне традиция изготовления чугунных котлов в последующем уже развивалась на основе высокого уровня развития местной металлургии, достигнутого накануне завоевания. Чугунолитейные печи, раскрытые на территории Поволжья, и особенно в Болгарах, датируемые началом XIV, а возможно, и концом XIII в., представляли собой глинобитные сооружения бочковидной формы в диаметре около 1 м и высотой до 3 м [47]. Как показали исследования, температура плавления найденного в Болгарах чугуна около 1000° С. Болгарские котлы отличались от собственно золотоордынских и по форме, т. к. первые в известной мере повторяли формы гончарных изделий ананьинско-пьяноборской культуры [48].

Домницы Древней Руси, как, например, райковецкая, весьма напоминают описанные выше болгарские. Они появились в начале XIII в. как переходный тип от сыродутной печи к чугунолитейной. Это также бочонковидные глинобитные сооружения высотой не менее 2—2,5 м. Важным техническим достижением, как считал Б. А. Рыбаков [49], было наличие в них восьми каналов для стекания шлака. Температура плавления в таких печах могла приближаться к 1000° С. По внешнему виду и размерам озаричские котлы (тип I) близки болгарским, но у них имеется ряд отличий в технологии производства. Если структурный анализ болгарских котлов выявил весьма значительное включение шлаков, рыхлостей и газовых пузырей, что свидетельствует о несовершенстве технологического процесса, то озаричские экземпляры обладают минимальным количеством шлаков, и, как указывалось выше, добавки фосфора придают им дополнительные хорошие литейные и антикоррозийные свойства. В среднем содержание фосфора в озаричском чугуне в 2,5 раза выше, чем в каракорумском, и более чем в 3 раза выше, чем в болгарском. Таким образом, озаричские котлы не имеют полных аналогий по технологии и форме ни с одними из известных нам коллекций с других территорий. Поэтому не исключена вероятность существования какого-то южнорусского центра их производства на местной технологической основе. Вопрос о принципиальной возможности такого явления и времени появления чугуна на Руси уже поднимался в работах советских археологов. Еще в работе Б. А. Колчина по истории древнерусской черной металлургии проводилась мысль о том, что Древняя Русь вместе с Западной Европой подошли в XIII в. «вплотную к новой металлургической технике — чугунолитейному производству» [50]. Первая находка чугунной посудины (сковородки или крышки?) относится к слою XIII—XIV вв. во Владимире [51]. А. М. Ефимова, исследовавшая черную металлургию города Болгара, сопоставив способ производства с уровнем металлургии Древней Руси накануне золотоордынского нашествия, поставила вопрос о возмож-

[47] *Смирнов А. П.* Волжские Булгары.., с. 114, 115.

[48] *Ефимова А. М.* Черная металлургия .., с. 308.

[49] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 207.

[50] *Колчин Б. А.* Черная металлургия.., с. 54.

[51] *Воронин Н. Н.* Оборонительные сооружения Владимира XII в.— МИА, 1949, № 11, с. 239.

ном производстве чугуна на Руси в XIII—XIV вв. или еще ранее [52]. Однако впоследствии Б. А. Колчин отстаивал более позднюю дату появления чугунолитейного производства. В обобщающей работе по истории русской культуры XIII—XIV вв. Б. А. Колчин указывал, что «чугун в России стали производить лишь в начале XVII в.» [53]. Очевидно, такая позиция в отношении поздней датировки появления чугуна объясняется тем, что после владимирской находки изделия из чугуна не были известны на других памятниках Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

Только с открытием чугунных котлов на ряде средневековых поселений Южной Руси и исследованием микроструктуры, химического состава и реконструкции технологии их изготовления стало вновь реальным ставить вопрос о местном центре производства и датировать появление чугуна не позднее XIII — первой половины XIV в.

Поражает и относительная многочисленность находок. На таком небольшом поселении, как Озаричи, обнаружено 29 фрагментов, которые принадлежали по крайней мере восьми — десяти котлам, судя по форме венчика и диаметру. И в Комаровке, и в Озаричах большинство фрагментов найдено в ямах или хозяйственных помещениях.

Котлы в основном имели большой диаметр. Вполне возможно, что последние служили для хранения сельскохозяйственных продуктов, вместо вышедших из употребления некоторых видов тарной керамики, как корчаги и др. [54]

Небольшие по размеру котлы диаметром 24—35 см в значительной степени соответствовали размерам глиняных горшков и, возможно, служили для тех же целей (приготовление пищи), что и употреблявшиеся в древнерусское время медные или железные котлы. Не случайно литейных дел мастера долгое время в эпоху средневековья назывались «котельниками». Вполне вероятно, что подобно Поволжью золотоордынская традиция изготовления котлов, в свою очередь, заимствованная ими и видоизмененная, была перенесена на древнерусскую почву и практически изменилась до неузнаваемости. В технологии она использовала высшие достижения и традиционные приемы местных металлургов. Функциональное же назначение также исходило из потребностей своих новых хозяев. Однако сфера применения чугуна в XIV в. была весьма узкая — котлы, что, по-видимому, является одной из причин поздней датировки исследователями появления чугунолитейного производства на Руси. Только к XVII в. оно находит, по всей вероятности, и другие сферы, и прежде всего оружейное дело. Дальнейшие исследования этой неизвестной в древнерусское время отрасли ремесла помогут окончательно решить поставленную проблему.

Гончарство продолжало играть существенную роль среди других отраслей ремесла, особенно сельского. На всех южнорусских памятниках керамика представляет наиболее массовый материал, встречается и керамический шлак, свидетельствующий о производстве керамики. Интересна и находка постройки на Озаричском поселении, которая, по всей вероятности, была гончарной мастерской [55]. Она располагалась в центральной части селища и представляла собой наземную постройку прямоугольной в плане формы, площадью око-

[52] *Ефимова А. М.* Черная металлургия.., с. 309.
[53] *Колчин Б. А.* Ремесло.., с. 157.
[54] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 535.
[55] *Беляева С. О.* Розкопки поселення кінця XIII—XIV ст. на Сумщині.— Археологія, 1974, № 13, с. 98—104.

ло 48 м². На уровне пола по углам ее зафиксированы три ямы. Одна из них, расположенная в юго-западном углу, округлой в плане формы, диаметром 1,4 м и глубиной до 0,8 м от уровня пола была заполнена фрагментами керамики и костями животных. Вторая яма, в северо-западном углу постройки, овальная в плане, размером 2 × 1,8 м и глубиной 0,7 м. Третья помещалась в юго-восточном углу, также овальной формы в плане, размером 3×2,5 м. Обе ямы были заполнены белой глиной для изготовления керамики. На уровне дна второй ямы найден венчик чугунного котла, на дне третьей — развалы двух сосудов. На полу постройки также была насыпана куча белой глины, частично перекрывавшая ямы. Глина ярко выделялась на фоне песчаного грунта холма, где расположено селище. Возможно, она привезена с берегов р. Езуч в 1—1,5 км от памятника, где при разведке и последующих раскопках Лисогубовского поселения встречались залежи глины, аналогичной озаричской. В северо-восточной части помещения обнаружены остатки довольно мощного глинобитного сооружения, скорее всего печи для обжига керамики, конструкцию которой из-за плохой сохранности проследить не удалось. Мастерская (?) погибла во время пожара, так как сверху слои глины обожжены, на полу — угольная прослойка, остатки дерева обгорелые, а керамика — со следами вторичного обжига, за исключением той, что найдена на дне производственной ямы. Реконструкцию верхней части постройки сделать трудно, но ямки и остатки деревянных опор, сохранившиеся в северо-восточном углу на расстоянии 50 см одна от другой, говорят, возможно о столбовой конструкции объекта. Глина, аналогичная озаричской, белая, или серо-белая, лучшего или худшего качества применялась гончарами на всей южнорусской территории. Такая глина считается самой лучшей для получения высококачественных керамических изделий [56]. Для отощения гончары вводили в состав теста мелкозернистый песок, примесь которого прослеживается на всей исследовавшейся керамике типа II, отмучивали сырье. Что же касается керамики типа I, то тесто ее было отмучено плохо, в состав примеси входила дресва.

Благодаря разработанной в настоящее время методике определения типа гончарного круга по форме дна сосуда [57] установлено, что керамика типа I изготовлена на ручном круге легкого типа. На нем же сделана и часть керамики типа II. Так, на Озаричском поселении 54% горшков изготовлены на легком ручном круге, из них 26% — днища с округлым бортиком и 74% — с квадратным. Широкое распространение получил и ручной круг тяжелого типа. Горшки были сняты с помощью веревки или ножа, при этом дно сосуда оставалось ровным. 46% сосудов Озаричского селища изготовлены на круге тяжелого типа. На нем же сделаны сосуды конца XIV — начала XV в. с северной части памятника (древнерусской). В городском гончарстве в XIV—XV вв. входит в употребление и ножной высокопроизводительный круг, на котором изготавливались ранние изразцы [58], а возможно, и часть других керамических изделий.

Как отмечают некоторые исследователи, при работе на легком и тяжелом

[56] *Розенфельд Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв. — САИ, Е1—39. М., 1968, с. 44.

[57] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 169—171; *Бобринский А. А.* Древнерусский гончарный круг.— СА, 1962, № 3, с. 33—52; *Комша М.* О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи.— Dacia, 1961, № 5, с. 449—461; *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

[58] *Івакін Г. Ю.* До історичної топографії.., с. 221.

ручном круге в XIII—XIV вв. растет качество обработки отдельных деталей, в частности венчика горшка[59]. Еще в первой половине XIII в. применялись различные приемы при формовке сложно профилированного венчика, в частности выемки или бороздки для крышки, что особенно ярко проявилось за пределами исследуемой территории — в галицко-волынской керамике, керамике Польши, Чехословакии [60]. Для собственно южнорусского ареала вплоть до середины XV в. особенно характерен прием формовки утолщения (валика) на внешней стороне венчика: валик лепился на уже сформованный венчик сосуда. При этом учитывались свойства сырья, с которым имели дело гончары: с увеличением тяжести верхнего внешнего края венчика уменьшался угол наклона шейки, верхняя часть сосуда все более выпрямлялась до вертикальной в XV в. Обращая главное внимание на отдельные детали сосуда, гончары XIII—XIV вв. вместе с тем мало занимались разработкой орнаментации и отделки керамических изделий. Поразительно однообразное сочетание волны, линии и ногтевого орнамента с небольшими вариациями и дополнениями характерно для всей славянской территории. Ангобирование изделий в южнорусских землях встречается крайне редко (Ломоватое). Более распространена поливная керамика.

Цветовая гамма ее не изменялась, преобладают желтый, зеленый и коричневый цвет. Особенно много такой керамики на Выдубичах.

Состав продукции гончаров, как отмечалось, по сравнению с древнерусским временем несколько изменился. Особенно это касается тарной керамики и малых форм. Основное же соотношение между кухонной и столовой посудой сохранилось. Помимо производства светильников, детских игрушек, рыбацких грузил теперь важное место занимали глиняные пряслица, пришедшие на смену шиферным. Открытие мастерских по производству шиферных пряслиц не только в Овруче, но и в Киеве [61] позволяет говорить о городском характере этого производства. В этом, по-видимому, кроется объяснение феномена исчезновения шиферных пряслиц в Южной Руси в слоях исследуемого периода. На производство пряслиц шли отходы шиферных плит, привозимых в Киев и другие центры Руси для монументального строительства из овручского центра добычи. С приходом завоевателей крупное строительство почти не ведется. Прекращается и обработка плит для него в мастерских, а с ней и производство пряслиц из отходов. Овручский центр добычи и обработки шифера приходит в упадок, карьеры почти не разрабатываются. Такая оговорка не случайна. Дело в том, что в слоях второй половины XIII—XIV в. белорусских городов и городов северо-востока встречается «немалое число пряслиц» из шифера [62], хотя в целом их количество по сравнению с домонгольским временем сокращается. Вполне возможно, что это остатки старых запасов шиферных пряслиц, продолжавших находиться в обиходе, но не исключено и некоторое возобновление производства, хотя и не столь широкое во второй половине XIII в.

Из других отраслей следует упомянуть развитие деревообработки. Идентичность инструмента древнерусскому

[59] *Малевская М. В.* К вопросу о керамике галицкой земли XII—XIII вв.— КСИА АН СССР, 1969, № 120, с. 8—14.

[60] *Necuda V., Rejčhertowa K.* Stredoveka.., s. 61.

[61] *Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А., Зоценко Б. Н.* Исследования.., с. 286.

[62] *Розенфельд Р. Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц.— СА, 1964, № 4, с. 222.

свидетельствует о том, что уровень развития деревообработки особых изменений не претерпел.

Следует отметить успехи ремесленников — оружейников, благодаря которым непрерывно продолжалось усовершенствование древнерусского оружия, разрабатывались его новые типы, что позволило создать передовой по тем временам арсенал. Более того, отмечал А. Н. Кирпичников, как на севере, так и на юге страны военное дело «развивалось, пожалуй, с большей активностью, чем раньше» [63].

Суммируя вышеизложенное, необходимо отметить, что мы затронули далеко не все отрасли ремесленного производства исследуемого периода. Так, например, не были предметом специального исследования вопросы развития ювелирного дела на территории Южной Руси, которое несомненно в значительной степени пострадало в процессе завоевания, на что указывал Б. А. Рыбаков [64]. Не рассматривались такие отрасли, как косторезное, ткачество, сапожное и т. д., что во многом объясняется недостатком археологического материала.

Ярким показателем поступательного развития Южной Руси второй половины XIII—XIV в. являются торгово-денежные отношения. В первое десятилетие после нашествия из обращения исчезают киевские гривны, которые были основным платежным средством в XII — первой половине XIII в.[65] Их заменили новгородские и частично, как указывает Н. Ф. Котляр [66], черниговские гривны.

Во второй половине XIV в. значительное оживление товарно-денежных отношений знаменуется возобновлением чеканки монет в южнорусских княжествах и систематическим денежным обращением не только собственных, но и многих иностранных монет.

В 60-е годы в Киеве возрождается чеканка монет, вошедших в историю как монеты Владимира Ольгердовича. Они выпускались, как установил Н. Ф. Котляр [67], в течение значительного периода княжения Владимира — с 1363 по 1394 г. Известно пять типов этих монет, в основе легенд которых лежит имя Владимира [68]. Как подчеркивает Н. Ф. Котляр, эти монеты были уникальным явлением в европейском монетном деле. По метрологической характеристике, эпиграфике и иконографии они отличались от монет Северо-Восточной Руси, Литвы, Польши, Чехии и других государств [69]. Ареал их распространения ограничен (Киевщина, Переяславщина и Черниговщина), что позволяет дополнительно убедиться в экономическом и политическом единстве всех южнорусских земель.

Следует сказать и о других монетах, имевших обращение в этот период. Частыми спутниками монет Владимира Ольгердовича были джучидские монеты [70], которые появились еще в XIII в., как свидетельство зависимости от Золотой Орды (захваченные территории даже после победы Ольгерда под Синими Водами в 1363 г. платили дань золотоордынцам). Обращение золотоордынских монет на южнорусских землях достигло наибольшего размаха именно в XIV в. Это косвенно указывает на расширение рынка в данный период. Как правильно отметил Н. Ф. Котляр, такое явление вызвано тем, что потребности внутреннего рынка уже не удовлетворялись местными монетами Владимира и пражскими грошами [71]. Последние вошли в обращение на территории Южной Руси

[63] *Кирпичников А. Н.* Военное дело.., с. 11.
[64] *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 534—537.
[65] *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг.., с. 52, 58.
[66] Там же, с. 58.
[67] Там же, с. 73.
[68] Там же, с. 74
[69] Там же, с. 73.
[70] Там же с. 74.
[71] Там же.

со второй половины XIV в. Кроме того, в пользовании находились генуэзско-крымские монеты, литовские «колюмны», монетные гривны новгородского типа, ладьеподобные гривны и другие монеты. Таким образом, в исследуемый период рынок был насыщен самыми разнообразными монетами, что отражает состояние товарно-денежных отношений и внешнеполитические связи Южной Руси.

Отмечается и определенное оживление строительных работ. Еще в XIII в. был отстроен Успенский собор Киево-Печерского монастыря, который, как указывал М. В. Холостенко, интенсивно эксплуатировался уже в литовско-русский период и был усыпальницей знати [72]. В XIV в. произведен ремонт Печерского собора [73] и Выдубичей [74]. На Замковой горе в это же время осуществляется строительство Киевского замка, что дало и новое название этой горы.

Обзор вышеизложенных аспектов экономического развития убеждает нас в сложности положения южнорусских земель во второй половине XIII—XIV в.

Золотоордынское иго задержало развитие производительных сил феодального города и села, но не могло уничтожить закономерный ход экономических процессов [75]. Полного упадка не было, а со второй половины XIV в. начинается и новый подъем. Он стал возможен благодаря сохранению традиций высокоразвитого сельского хозяйства и ремесленного производства Древней Руси титаническим усилиям народных масс. Несмотря на некоторые отличия на всей территории Руси, в том числе и Южной, наблюдаются общие явления в развитии феодализма. Вероятно, и в Южной Руси, как и в Северной, во второй половине XIII—XIV в. имеет место рост домашнего ремесла, увеличение его специальностей, дальнейший отрыв деревенского ремесла от земледелия [76].

Как отмечала Л. В. Данилова, в XIII—XIV вв. крестьяне Новгородчины сбывали продукцию своего хозяйства не только на месте купцам, но и везли ее непосредственно в города [77], что, в свою очередь, отразилось на развитии товарно-денежных отношений.

В середине XIII в. денежная рента зафиксирована рядом берестяных грамот Новгорода [78]. Денежная рента в Южной Руси констатируется в актовом материале начала XV в.[79] как вполне устоявшаяся форма повинности, наверняка введенная много раньше, возможно, не позднее, чем в Новгороде. Однако малочисленность письменных источников не позволяет проследить время ее появления на юге.

Очевидно, именно в этот период происходила и дальнейшая дифференциация ремесла, формировались зачатки цеховой организации, так как широкое разнообразие профессий и наличие цехов в Киеве, известных по источникам XV—XVI вв., не могло возникнуть мгновенно, а было подготовлено предшествующим развитием. Аналогичные процессы отмечены исследователями на

[72] *Холостенко М. В.* Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва, с. 147.

[73] Там же, с. 150.

[74] *Мовчан І. І.* Археологічні дослідження.., с. 97.

[75] *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории.., с. 154.

[76] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 533; *Колчин Б. А.* Ремесло.., с. 156—230 и др.

[77] *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 42.

[78] *Мордасова И. В.* Натуральная и денежная рента в Новгородском феодальном хозяйстве XIII—XV вв. (по материалам берестяных грамот).— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 101.

[79] Запись о денежных и медовых данях.., с. 37—38.

всей территории Руси [80]. По времени экономический подъем Южной Руси совпал с общим возрождением русских земель.

Но вместе с тем, как показывает анализ экономики, в первую очередь ощущается подъем села, в то время как темпы развития города отставали, создавая тем самым дополнительные трудности для развития товарообмена и расширения внутреннего рынка. Такое противоречие существенно сказалось на дальнейшем процессе социально-экономического развития и обусловило его особенности.

[80] *Рыбаков Б. А.* Ремесло.., с. 781; *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории.., с. 94—103.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев археологические материалы в сочетании с другими видами источников по истории и культуре южнорусских земель второй половины XIII—XIV в., можно подвести некоторые итоги.

Золотоордынское завоевание сопровождалось опустошением территории Южной Руси, уничтожением населенных пунктов, гибелью тысяч людей. Однако как во время нашествия, так и впоследствии не все районы пострадали (от непрекращающихся набегов отрядов завоевателей) в одинаковой степени. Наибольшие испытания выпали на долю Киевской земли, особенно на ее южные пограничные районы. Здесь по Поросской оборонительной линии и далее в глубь территории по направлению к Киеву наблюдается массовое уничтожение городищ, разрушение городов и сел. Значительные удары завоевателей испытал юго-восток Переяславской земли и Черниговщины, в частности Посеймье. Несколько меньше пострадали северо-западные и западные районы Киевской земли. Не был охвачен военными действиями северо-запад Черниговщины.

И во время нашествия, и в период ига главные усилия захватчиков были направлены против русских городов и военно-оборонительных сооружений. Это мешало восстановлению экономического и оборонного потенциала, политическому, социальному и культурному развитию.

Улучшение политической обстановки в середине XIV в. способствовало созданию благоприятной ситуации для подъема экономики и хозяйства. В этот период, и особенно во второй половине столетия, отмечается некоторый рост ранее известных населенных пунктов, появляются новые города и села.

Изучение археологических материалов, найденных в различных районах южнорусской территории, позволило

представить облик материальной культуры второй половины XIII—XIV в., раскрыть ее специфику. Состояние источника таково, что еще не все аспекты могут быть охарактеризованы в одинаковой мере. Карта археологических памятников достаточно четко показывает степень изученности территории в целом и отдельных памятников. Наиболее полно, по данным раскопок, очерчивается материальная культура села, в меньшей степени представлена городская культура.

Исследование различных аспектов культурно-исторического развития Южной Руси второй половины XIII—XIV в. свидетельствует о преемственности с предшествующим периодом. Это видно по историко-географическим данным, материальной культуре, хозяйству и этносу. На территории Южной Руси продолжало жить то же население, что и в период, предшествующий завоеванию. Смены населения не было, хотя отдельные миграции части населения безусловно имели место.

В материальной культуре южнорусского населения прослеживается преемственность в топографии и планировке поселений, конструкции жилищ и в их внутреннем устройстве. В тесной взаимосвязи с предшествующим периодом находится и вещественный материал. Многие из известных нам накануне нашествия видов орудий труда не изменились, развитие других протекало из древнерусских форм. В материальной культуре второй половины XIII—XIV в. отмечаются новые прогрессивные сдвиги: дальнейшее увеличение доли наземного домостроительства, усовершенствование сельскохозяйственных орудий, в первую очередь пахотных, утверждение ряда более эффективных типов орудий труда и передовых видов вооружения и др.

Проанализированные археологические материалы приводят к убеждению о ничтожности золотоордынского элемента на южнорусских памятниках. Большинство вещей, принадлежавших завоевателям, являются случайными находками. Они органически не входят в культуру населения, тем более не определяют ее облик. Более того, завоеватели, как показали обстоятельные исследования советских историков и археологов, и не могли оказать сколько-нибудь решающего влияния на культуру Руси. Их способ производства был прямо противоположным способу производства покоренной им державы, а развитие феодализма в момент завоевания находилось на первой, более низкой ступени, чем в Древней Руси. При длительном же завоевании, как указывал Ф. Энгельс, «менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания» [1]. Именно такое положение и утвердилось в Южной Руси. Вопреки завоеванию и последующей политике Золотой Орды южнорусское население сохранило свою материальную культуру и подняло ее на новую ступень.

При сравнении отдельных сторон развития материальной культуры Южной Руси с другими русскими землями отмечены некоторые отличия в домостроительстве и внутренней планировке жилищ, типах орудий, керамике. Наблюдается асинхронность появления и бытования вещей в тех или иных районах. Специфические черты материальной культуры различных частей Древнерусского государства были известны и по памятникам древнерусского времени. Они объясняются конкретными особенностями в экономике, различиями физико-географического плана, историческими подосновами сложения и развития каждого отдельного ареала,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 188.

другими локальными причинами, но ни в коем случае не «результатом сознательного отрыва от общей культуры древнерусской народности» [2]. В эпоху формирования трех братских народностей: русской, украинской и белорусской — материальная культура каждой из них обретала зримые черты, наполнялась новым качеством.

Вместе с тем в материальной культуре второй половины XIII—XIV в. наблюдается гораздо больше объединяющих черт, чем разъединяющих. Диалектика развития в этот «переходный период в истории восточного славянства» [3] нашла свое отражение в сложном этноисторическом процессе, характеризующемся, по мнению И. Б. Грекова, тем, что «...древнерусская народность себя еще не изжила, а в становлении братских восточнославянских народностей были сделаны только первые шаги...» [4]. Данные языкознания убедительно свидетельствуют о том, что процесс становления русского, украинского и белорусского языка был длительным, четких границ его провести невозможно, а «письменный (не разговорный) древнерусский язык с локальными вариантами сохраняется во многих письменных памятниках в XIV—XV в.» [5]

В общем русле шло и экономическое развитие. И в сельском хозяйстве, и в ремесле прослеживаются явления общего порядка при условии сохранения традиций древнерусского времени. Усовершенствование сельскохозяйственных орудий, прежде всего пахотных, способствовало подъему земледелия, его интенсификации. Упрощаются и унифицируются технологические схемы производства массового инвентаря, сохраняются и упрочиваются приемы изготовления качественных орудий труда, появляются новые виды изделий. Растет специализация производства, закладываются основы цеховой организации, наличие которой известно в XV в. по письменным источникам. Сравнительный анализ формальных признаков, химического состава и технологии изготовления чугунных изделий, из золотоордынских городов Поволжья, Приморья и других районов с южнорусскими находками показал, что последние существенно отличаются от вышеназванных по тем или иным признакам. Кроме того, как показали исследования советских археологов, уровень развития черной металлургии Древней Руси накануне нашествия был настолько высоким, что теоретически он вполне позволял перейти к выплавке чугуна. Все эти данные представляют достаточное основание ставить вопрос о возможности существования местного чугунолитейного центра и пересмотре даты возникновения этой отрасли металлургии на территории Южной Руси. Развивается и техника гончарства. Растет степень совершенства отдельных деталей формовки, изменяются некоторые приемы. Наряду с увеличением производства изделий на тяжелом ручном круге городские мастера в XIV в. переходят к внедрению высокопроизводительного ножного круга. Крупные успехи отмечаются в военном деле. Активно разрабатываются новые типы оружия, совершенствуется осадная техника, развивается строительство военно-оборонительных сооружений.

Однако темпы развития города и села были неодинаковы, и их соотношение складывалось не в пользу прогрессивных потребностей экономического развития. Главная причина этого кроется в отрицательном влиянии золотоордынского завоевания.

Более высокие темпы отмечаются в сельском хозяйстве и сельском ремесле,

[2] *Рыбаков Б. А.* О двух культурах.., с. 31.
[3] *Греков И. Б.* Восточная Европа.., с. 46.
[4] Там же.
[5] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 3.

так как село менее пострадало во время нашествия, а занятия его жителей не требовали сложных навыков и разветвленной ремесленной специализации. Село было и главным хранителем древнерусских традиций изготовления орудий, системы землепользования и приемов обработки земли, что в данной исторической обстановке имело некоторое прогрессивное значение. Являясь главной производительной силой феодальной формации, оно вносило широкую струю культуры народных масс в общее русло культурного развития. Но в этот период гораздо большее значение для прогресса имело развитие городов. А темпы их развития отставали. Ведь города прежде всего пострадали во время нашествия. Большой урон был нанесен и городской культуре. Значительно сократилось число ремесленников, занимавшихся ювелирным мастерством и рядом других сугубо городских видов ремесленной деятельности. Сложный период переживало и монументальное зодчество — строительство каменных зданий светского и религиозного назначения было сведено до минимума. В тяжелые условия было поставлено и городское население. Отставание городов сказалось на развитии товарообмена, внутреннего и внешнего рынка. Тем самым создавались дополнительные трудности для подъема «наиболее прогрессивного крыла демократической культуры, представленного городскими посадскими людьми» [6].

Образовавшееся противоречие между уровнем развития города и села затрудняло процесс их взаимодействия, особенно городского и сельского крыла культуры народных масс. Это обусловило ряд особенностей историко-культурного процесса Южной Руси.

Несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на долю отечественной истории в этот период, вторая половина XIII—XIV в. явилась временем сохранения и дальнейшего развития традиций материальной и духовной культуры Древней Руси. Вместе с другими русскими землями Южная Русь делала первые шаги по пути освобождения от иноземного ига. Этого требовали экономические и политические предпосылки консолидации всей Русской земли.

[6] *Рыбаков Б. А.* О двух культурах.., с. 33.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—XIV В.

1. с. Троянов Житомирского р-на Житомирской обл. Городище-замчище. Снивелировано в результате современной застройки. Остались только незначительные следы между уроч. Покрова, р. Трояновка и костелом. На поверхности площадки выявлены обломки керамики, датированные Р. И. Выезжевым XIV—XV вв. (?)

Виезжев Р. І. Археологічні пам'ятки.., с. 197—206.

2. с. Троянов Житомирского р-на Житомирской обл. Селище расположено в 400 м на юго-запад от р. Гнилопять. Найдена керамика XIV—XV вв. (?)

Выезжев Р. И. Отчет Верхнететеревской разведочной археологической экспедиции 1947 г.— Архив ИА АН УССР, 1947/28, с. 42.

3. с. Пятка Чудновского р-на Житомирской обл. Городище. Остатки его прослеживаются в центре села. Часть вала шириной 6—8 м, высотой 2—3 м и длиной 50 м. Затем вал поворачивает в направлении р. Пятка на расстоянии 120 м и исчезает. На территории, ограниченной валами, найдены фрагменты керамики, датированной Р. И. Выезжевым XIV—XV вв. (?)

Виезжев Р. І. Археологічні пам'ятки.., с. 205.

4. с. Пятка Чудновского р-на Житомирской обл. Селище. Расположено на правом берегу р. Пятка. В центре его в лессовых обнажениях дороги наблюдаются выходы культурного слоя. В нем найдена керамика «польско-литовского» времени (?).

Выезжев Р. И. Отчет Верхнететеревской.., с. 44.

5. с. Сосновка Житомирского р-на Житомирской обл. Селище. Находится на правом берегу р. Пятка, на первой надпойменной террасе от места впадения ее в р. Гнилопять до моста. Найдена керамика «польско-литовского» времени (?).

Выезжев Р. И. Отчет Верхнететеревской.., с. 42.

6. с. Слободище Бердичевского р-на Житомирской обл. Селище. Следы его обнаружены на правом берегу р. Гнилопять. Толщина культурного слоя 60 см. В нем найдена керамика «польско-литовского» времени (?).

Выезжев Р. И. Отчет Верхнететеревской.., с. 42.

7. с. Слободище Бердичевского р-на Житомирской обл. Селище. Найдено в уроч. «Замок» на полуострове, омываемом р. Гнилопять. Встречаются фрагменты керамики «польско-литовского» времени (?).

Выезжев Р. И. Отчет Верхнететеревской.., с. 42.

8. с. Великий Шумск (бывш.), близ с. Троянов Житомирского р-на Житомирской обл. Селище. Находится на северной окраине села в уроч. Папирня, на плато, омываемом с запада р. Гнилопять, а с востока — глубокой балкой, на площади 60 м вдоль реки и 40 м поперек склона. Здесь найдена керамика «польско-литовского» времени (?).

Выезжев Р. И. Отчет Верхнететеревской.., с. 43—44.

9. с. Короченки Чудновского р-на Житомирской обл. Селище. На правом берегу р. Гнилопять, в 300 м от южной окраины села, на пологом склоне первой надпойменной террасы, возвышающейся на 9 м над поймой, и в 45 м от нее встречались фрагменты керамики «польско-литовского» времени (?).

Выезжев Р. И. Отчет Верхнететеревской.., с. 44.

10. с. Белиловка Ружинского р-на Житомирской обл. Городище. Остатки земляных укреплений прослежены в центре села, около впадения р. Сить в р. Роставицу, на левом берегу р. Роставицы. Культурный слой насыщен керамикой XIV—XV вв. (?)

Гончаров В. К. Археологічна розвідка.., с. 243.

11. с. Белиловка Ружинского р-на Житомирской обл. Городище. На правом берегу р. Роставицы, напротив первого прослежено и второе городище, меньшее по размеру. В культурном слое встречались фрагменты керамики XIV—XV вв. (?).

Гончаров В. К. Археологічна розвідка.., с. 243.

12. с. Белиловка Ружинского р-на Житомирской обл. Городище. Находится за околицей села, по дороге на с. Журбинцы, на правом берегу р. Роставица, где найдены остатки земляных укреплений. На поверхности встречаются фрагменты керамики XV—XVI вв. (?)

Гончаров В. К. Археологічна розвідка.., с. 243.

13. с. Томашовка Фастовского р-на Киевской обл. Селище. Находится на северной окраине села на первой надпойменной террасе р. Ирпень. Площадь до 3 га. Мощность культурного слоя 60 см — 1,2 м. На поверхности и в культурном слое встречается керамика XIV в.

14. с. Демидов Киево-Святошинского р-на Киевской обл. Селище. На восточном краю села собрана керамика XII—XIII и XIV вв. Вероятно, здесь существовало селище XII—XIV вв.

Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини в 1972 р.— Архив ИА АН УССР, 1972/24, с. 8; *Кучера М. П.* Давньоруські городища на правобережжі Київщини.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 176—197 (рис. 3, *36*), с. 179.

15. с. Белогородка Киево-Святошинского р-на Киевской обл. Древнерусский город Белгород. На территории Детинца выявлены участки заселения XIV—XV вв. Раскопано четыре жилища. Два наземных и два углубленных (?). Наземные жилища столбовой конструкции. Вещественные находки представлены изделиями из железа (ножи, ключ, подковки от сапог, наконечники стрел, гвозди), керамикой.

Бліфельд Д. І. Дослідження древнього Білгорода, с. 29—36; *Мезенцева Г. Г.* Звіт про роботу...; *Мезенцева Г. Г.* Новые исследования древнего Белгорода.., с. 329 — 330.

16. с. Белогородка Киево-Святошинского р-на Киевской обл. Селище. На северо-западной окраине села в уроч. «Дот», на возвышении 10—12 м над летним уровнем р. Ирпень, на площади 80 × 180 м найдены фрагменты керамики XIII—XIV вв. Культурный слой слабый, до 0,2 м.

17. г. Киев, Старокиевская гора. Могильник XIII—XIV вв. На склонах Старокиевской горы открыто 16 погребений. Все погребения безынвентарные.

Толочко П. П., Килиевич С. Р. Отчет о раскопках Киевской археологической экспедиции в 1965 г.— Архив ИА АН УССР, 1965/IE, с. 6; *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Ответ об археологических раскопках на Старокиевской горе в 1966 г.— Архив ИА АН УССР, 1966/8, с. 3—4, рис. 9, 10; *Толочко П. П. Килиевич С. Р.* Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе в 1967 г.— Архив ИА АН УССР, 1967/1, с. 1, рис. 1, 2; *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе в 1968 г.— Архив ИА АН УССР, 1968/6б, с. 3—6; *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Археологические раскопки.., с. 234—237; *Кілієвич С. Р.* Дослідження Старокиївської гори, с. 28—39; *Кілієвич С. Р.* Археологічні розкопки на Старокиївській горі.., с. 312—314.

18. г. Киев, Замковая гора. Зафиксированы остатки постройки с керамикой XIV—XV вв. Датировка подкрепляется находками польских и литовских монет XIV—XV вв.

Богусевич В. О. Розкопки на горі.., с. 67—68; *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг..,

с. 86; *Шовкопляс А. М.* Керамические комплексы с горы Киселевка в Киеве.— КСИА АН УССР, 1957, № 7, с. 100—102.

19. г. Киев, Главный телеграф. На территории усадьбы зафиксированы остатки постройки и керамика XIII—XIV вв.

Толочко П. П. Гупало К. М. Розкопки Києва у 1969—1970 рр., с. 9.

20. г. Киев, Верхний Вал. Во время раскопок встречалась керамика XIV—XV вв.

Фонды ИА АН УССР, коллекция № 154, 535, 536.

21. г. Киев, ул. Ильинская. Находки керамики XIV—XV вв.

Фонды ИА АН УССР, коллекция № 154, 1157, 1158.

22. г. Киев, угол ул. Волошской и Героев Триполья. Во время раскопок на физкультурной площадке школы на глубине 2,2—2,4 м встречалась керамика XIV—XV вв.

Богусевич В. А. Отчет о работе Подольского отряда экспедиции Большой Киев.— Архив ИА АН УССР, 1950/15; Фонды ИА АН УССР, коллекция № 164.

23. г. Киев, ул. Андреевская № 4. На территории Покровской церкви обнаружены остатки постройки и фрагменты керамики XIV—XV вв.

Гупало К. Н., Івакин Г. Ю., Сагайдак М. А., Зоценко В. Н. Исследования Киевского Подола, с. 287.

24. г. Киев, Красная площадь. При раскопках найдены фрагменты изразцов XIV—XV вв.

Івакін Г. Ю. До історичної топографії.., с. 221.

25. г. Киев, Житний рынок. Отдельные находки изразцов XIV—XV вв.

Івакін Г. Ю. До історичної топографії.., с. 221.

26. г. Киев, Киево-Печерская лавра. Находки изразцов XIV—XV вв. при археологическом исследовании территории.

Шовкопляс Г. М. Середньовічні художні кахлі.., с. 105.

27. г. Киев, Выдубичи. При обследовании территории, прилегающей к Выдубецкому монастырю, на северо-восточном отроге Выдубецкого плато между Наводницкой и Выдубецкой долинами встречалась керамика XIII—XV вв. Удалось зафиксировать остатки двух жилищ и хозяйственную яму, датированных тем же временем. Жилище I выявлено в южной части мыса Чайка. Оно наземное, размером 3,4 × 2 м, ориентировано с юго-востока на северо-восток. Конструкцию печи проследить не удалось, но остатки ее находились в юго-западной части помещения. Второе жилище также наземное с подклетом. Прослежен только подклет. Его размеры 2 × 2 м, с восточной стороны есть выступ. Подклет углублен от современной поверхности на 1,5 м, врезан в материк на 0,8 м. На дне его найден развал сосуда и почти целый сосуд. Большое количество керамики найдено в заполнении хозяйственной ямы, особенно интересна находка нижней части горшка с крицей. Керамика представлена в основном горшками, крышками, светильниками.

Мовчан И. И. Отчет о раскопках на Выдубичах в Киеве в 1971 г.— Архив ИА АН УССР, 1971/18 в; *Мовчан І. І.* Археологічні дослідження.., с. 80—106.

28. с. Козин II Обуховского р-на Киевской обл. Селище. Расположено у подножия коренного берега р. Днепр, на берегу одного из его притоков р. Козинка, в 250 м северо-западнее с. Козин, на сильно задернованном мысе, размываемом водами реки.

Культурный слой поселения в значительной степени уничтожен паводками, однако на протяжении 300—500 м удалось найти подъемный материал, который включал и керамику XIII—XIV вв. Площадь поселения около 8 тыс. м².

Кучера М. П. Отчет об археологической разведке в зоне водохранилища Каневской ГЭС в 1960 г.— Архив ИА АН УССР, 1960/2, с. 2, 3; *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 181; *Приходнюк О. М., Беляева С. А.* Отчет о работе Поросской славяно-русской экспедиции в 1976 г.— Архив ИА АН УССР, 1976/16, с. 14—15; *Приходнюк О. М., Беляева С. А., Мезенцев В. И., Орлов Р. С.* Работы Поросской экспедиции.— АО 1976 г., с. 357—358.

29. с. Жуковцы Обуховского р-на Киевской обл. Селище. Расположено в 3—4 км к юго-востоку от села на юго-восточном склоне надпойменной террасы ручья длиной около 1 км, шириной около 200 м, впадающего в р. Красная (приток р. Днепр), на правом берегу реки. Оно исследовалось как памятник черняховской культуры. Однако в процессе раскопок были открыты три жилища древнерусского времени. Одно из них (жилище № 3) по археомагнитному датированию пода печи (анализы проведены сотрудниками Института геофизики АН УССР О. М. Русаковым и Г. Ф. Загнием) относится к XIV в. (?).

Махно Е. В. Поселення культури полів поховань на північно-західному Правобережжі.— АП, 1949, т. 1, с. 153—176.

30. с. Бортничи Борисполь-ского р-на Киевской обл. Селище. Расположено на западной окраине села на возвышении над р. Проризь в пойме лево-

го берега р. Днепр. Оно вытянуто вдоль берега и занимает площадь 11,2 тыс. м². Поверхность задернована, но испорчена большим количеством поздних ям, что сказалось и на сохранности культурного слоя. Было заложено три шурфа, в которых на глубине 0,2—0,6 м найдена керамика XII—XIV вв.

Кучера М. П. Отчет об археологической разведке.., с. 17, *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 181; *Приходнюк О. М., Беляева С. А.* Отчет о работе.., с. 11—12; *Приходнюк О. М., Беляева С. А. и др.* Работы Поросской экспедиции, с. 358.

31. с. Гнедин Бориспольского р-на Киевской обл. Селище. Находится на юго-западной окраине села над р. Горбачиха, впадающей в р. Узолочь, в пойме левого берега р. Днепр. Культурный слой поселения размывается паводками, но на более высоких участках сохранность слоя хорошая. Размеры его 320 × 120 м, общая площадь составляет 38,4 тыс. м². На территории поселения заложено четыре шурфа размером 2 × 1 м каждый. Культурный слой поселения составляет 1,2 м. От дневной поверхности до 0,6 м идет керамика XIV—XV вв., затем древнерусская XII—XIII вв. Помимо керамики при разведочных раскопках найдена стеклянная бусина и железный серп.

Кучера М. П. Отчет об археологической разведке.., с. 17; *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 181; *Проходнюк О. М., Беляева С. А.* Отчет о работе.., с. 13. 14; *Приходнюк О. М., Беляева С. А. и др.* Работы Поросской экспедиции, с. 358.

32. с. Вишенки Бориспольского р-на Киевской обл. Селище. Расположен на возвышенности на первой надпойменной террасе р. Узолочь (Золоча) в пойме левого берега р. Днепр. По распространению подъемного материала размеры поселения составляют 160 × 80 м, т. е. около 12,8 тыс. м². На поселении проведена шурфовка и заложен небольшой раскоп. Культурный слой до 0,8 м. Керамика XII—XIV вв. залегает до глубины 0,4—0,6 м. В процессе раскопок зафиксирована хозяйственная яма XIII—XIV в. Помимо керамики найдены два железных гвоздя и обломок ножа.

Кучера М. П. Отчет об археологической разведке.., с. 17; *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 181; *Приходнюк О. М., Беляева С. А.* Отчет о работе... с. 12, 13; *Приходнюк О. М., Беляева С. А. и др.* Работы Поросской экспедиции, с. 358.

33. с. Жовтневое II Бориспольского р-на Киевской обл. Селище. Расположено южнее с. Жовтневое, ограничено с юго-запада р. Павловка, а с остальных сторон — заболоченными долинами и небольшими водоемами. Остров возвышается над поймой на 8 м. На поверхности найдена керамика XII—XIV вв.

Кучера М. П. Отчет об археологической разведке.., с. 11; *Кучера М. П.* Про одну групу.., с, 181.

34. с. Процев III Бориспольского р-на Киевской обл. Селище. Расположено к югу от с. Процев, в 2—2,5 км западнее с. Жовтневое, на мысообразном возвышении у края поймы р. Днепр. Высота мыса над уровнем заболоченной долины 2,4—3,5 см, площадь 200 × 200 м. На поселении заложено 4 шурфа, в верхнем слое их встречена керамика XII—XIV вв., а возможно, и XV в.

Кучера М. П. Отчет об археологической разведке.., с. 12, 13.

35. с. Процев IV Бориспольского р-на Киевской обл. Селище. На юго-западной окраине села, на песчаном склоне надпойменной террасы, спускающейся к р. Речище (приток р. Павловка), обнаружены следы поселения. Найдена керамика XII—XV вв.

Кучера М. П. Отчет об археологической разведке.., с. 14; *Кучера М. П.* Про одну групу... с, 181.

36. с. Старое Бориспольского р-на Киевской обл. Селище. Обнаружено в западной части села, вблизи городища Замок. Собрана керамика XIII—XV в..

Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1971 р.— Архив ИА АН УССР, 1971/17, с. 10—18; *Кучера М. П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини, с. 176—197.

37. с. Княжичи Броварского р-на Киевской обл. Городище. Судя по находкам керамики оно, возможно, относится к XIII—XIV вв. (устное сообщение В. В. Дяденко).

38. с. Русанов Броварского р-на Киевской обл. Селище. Расположено на посаде древнерусского городища, на краю низкой надпойменной террасы р. Трубеж, в 300 м от русла реки. Находки керамики XIII—XIV вв. и более поздней.

Кучера М. П. Отчет о разведке древнерусского городища в с. Русанов на Трубеже в 1965 г.— Архив ИА АН УССР, 1965/48, с. 1—8.

39. с. Шкаровка (п. 3) Белоцерковского р-на Киевской обл. Селище. Расположено на склоне плато коренного берега р. Рось. Найдено небольшое количество керамики.

Березанская С. С., Ковпаненко Г. Т., Цвек И. В., Пачкова С. П. Отчет о разведочной экспедиции в зонах Верхнего и Нижнего

Белоцерковских водохранилищ в 1969 г.— Архив ИА АН УССР, 1969/8, с. 4.

40. с. Чмыревка (п. 1) Белоцерковского р-на Киевской обл. Селище. Расположено на высоком плато. Обнаружена поздняя керамика.

Березанская С. С., Ковпаненко Г. Т. и др. Отчет о разведочной экспедиции.., с. 9.

41. с. Пилипче (п. 1) Белоцерковского р-на Киевской обл. Селище. Расположено на острове, образованном рукавами р. Рось. Встречалась поздняя керамика и следы жилищ.

Березанская С. С., Ковпаненко Г. Т. и др. Отчет о разведочной экспедиции.., с. 12.

42. с. Трушки (п. 2) Белоцерковского р-на Киевской обл. Селище. В 0,8—1 км от села, вниз по течению р. Рось, на излучине найдены фрагменты керамики эпохи позднего средневековья (?).

Березанская С. С., Ковпаненко Г. Т. и др. Отчет о разведочной экспедиции.., с. 15.

43. с. Трушки (п. 3) Белоцерковского р-на Киевской обл. Селище. Расположено на острове, образованном рукавами р. Роставицы. Встречается керамика эпохи позднего средневековья (?).

Березанская С. С., Ковпаненко Г. Т. и др. Отчет о разведочной экспедиции.., с. 15.

44. с. Заречье (п. 1) Белоцерковского р-на Киевской обл. Селище. Отдельные находки позднесредневековой керамики (?).

Березанская С. С., Ковпаненко Г. Т. и др. Отчет о разведочной экспедиции.., инвентарная опись, с. 9, № 113—116.

45. с. Александрия (заповедник) Белоцерковского р-на Киевской обл. Селище. Близ заповедника, на пашне, встречаются фрагменты позднесредневековой керамики (?).

Березанская С. С., Ковпаненко Г. Т. и др. Отчет о разведочной экспедиции.., инвентарная опись, с. 9, № 121.

46. хут. Половецкий Богуславского р-на Киевской обл. Городище. Расположено на южной окраине хутора, на левом берегу р. Рось. В процессе раскопок найдены остатки наземных жилищ площадью около 30 м² с подпольными помещениями. Материалы раскопок разновременные: древнерусские и исследуемого периода. Вещественные находки XIII — XV вв. представлены изделиями из железа (ножи, шпоры, наконечники стрел) и керамикой.

Довженок В. И., Кучера М. П. Отчет о работе.., с. 2—34; *Довженок В. И.* Городища и селища на Роси и Россаве, с. 51—54; *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 174—181.

47. хут. Половецкий Богуславского р-на Киевской обл. Селище. Находится на северо- и юго-восток от городища. Найдены остатки жилищ, аналогичных постройкам на городище. Вещественный материал в значительной степени представлен керамикой, аналогичной керамике городища.

Довженок В. И., Кучера М. П. Отчет о работе.., с. 39—44; *Довженок В. И.* Городища и селища на Роси и Россаве, с. 51—54; *Довженок В. И.* Раскопки древнерусских памятников.., с. 146—155.

48. хут. Половецкий Богуславского р-на Киевской обл. Могильник. Исследовано 40 погребения, принадлежащих двум периодам жизни на поселении: древнерусскому и последующему. Погребения почти безинвентарные.

Довженок В. И., Кучера М. П. Отчет о работе.., с. 34—39.

49. с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. Селище. Расположено вдоль залива Васильков в направлении с севера на юг в левобережной пойме Днепра. Площадь поселения 8—10 га. Поселение XIII—XV вв. возникло на месте древнерусского, занимая меньшую площадь, чем в предыдущее время. Открыто 12 жилищ, 7 хозяйственных построек и 25 хозяйственных ям. Жилища в основном наземные, три с подклетом. Выявлены остатки железоделательного производства (горны, крицы, шлаки). В культурном слое и постройках встречается разнообразный инвентарь (орудия труда: лемех, чересла, долота, ножи, ножницы, серпы, топоры, шила, рыболовные крючки), предметы домашнего обихода (ключи, дужки от ведер, оковки), изделия из рога и кости. Выявлены фрагменты чугунных котлов. Есть почти целые экземпляры. Керамика представлена горшками с валикоподобным венчиком. Поселение датируется XIII—XV вв. по керамике, находкам чугуна, стратиграфии и золотоордынской монете 1363—1366 гг.

Кубышев А. И. Раскопки средневекового поселения.., с. 49—51; *Кубышев А. И.* Раскопки поселения X—XV в ..., с. 24—27; *Кубишев А. І.* Робота Комарівського загону.., с. 158—159; *Кубишев А. І.* Комарівське поселення XI—XV вв., с. 33—341; *Довженок В. И.* Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села.., с. 7—33.

50. с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. Могильник. Перерезает юго-восточную часть древнерусского поселения, то хорошо видно по раскопкам одного из древнерусских жилищ, в котором на уровне пола выявлено четыре захоронения. Всего за время

раскопок открыто 85 погребений. Они зафиксированы на глубине 0,3—0,8 м от современной поверхности, в могильных ямах, костяки вытянуты на спине по оси восток — запад. Погребения безынвентарные, по христианскому обряду. Только в нескольких из них найдены височные кольца из бронзы очень плохой сохранности и стеклянные бусы. Могильник относится к XIII—XV вв.

Кубышев А. И. Раскопки средневекового поселения.., с. 51.

51. с. Григоровка Каневского р-на Черкасской обл. Городище. Находится на южном конце с. Григоровка на правом берегу Днепра. Площадь городища 3 тыс. м². Основной слой древнерусский, но встречается и керамика последующего времени.

Довженок В. Й., Приходнюк О. М. Звіт про роботу Канівської експедиції 1971 р.— Архив ИА АН УССР, 1971/14; *Довженок В. И.* Среднее Поднепровье.., с. 81.

52. с. Григоровка Каневского р-на Черкасской обл. Селище. К югу от городища, на возвышенности, ограниченной со всех сторон балками и оврагами, встречается керамика.

Довженок В. И. Среднее Поднепровье.., с. 81, 82.

53. с. Бучак Каневского р-на Черкасской обл. Селище. Между селами Григоровка и Бучак, ближе к с. Бучак, на правом берегу р. Днепр, на возвышении, окруженном балками и ярами, находятся остатки поселения древнерусского времени. На нем встречается и керамика XIV — XV вв.

Довженок В. И. Среднее Поднепровье.., с. 82.

54. г. Канев Черкасской обл. Городище. Расположено на южной окраине г. Канева, на горе Московка. На его детинце выявлены материалы польско-литовского времени (предметы быта, посуда). Открыта также каменная вымостка и кафельные плитки. Найденные материалы могут быть датированы не позднее конца XVI — начала XVII в., а возможно, и XIV—XV вв. (?), так как во второй половине XVII в. на месте городища существовало кладбище. На это указывают находки монет в погребениях, например польского солида 1665 г.

Выезжев Р. И. Отчет о полевых исследованиях Каневского отряда Поросской экспедиции 1949 г.— Архив ИА АН УССР, 1949/35, с. 1—21.

55. с. Ломоватое Черкасского р-на Черкасской обл. Селище. Расположено на краю первой надпойменной террасы над одним из притоков р. Плоская — притока р. Днепр, в 2 км от него. Поселение многослойное, в верхнем слое остатки XIII—XIV вв. Жилых помещений не обнаружено, за исключением одного подклета наземного жилища. Размер подклета 1,8 × 1,5 м. Он впущен в материк на глубину 0,4—0,5 м, дно круглое. В постройке и прилегающем к ней культурном слое найдено около 200 фрагментов керамики, кости животных, а также изделия из железа. Последние представлены орудиями труда (шила, проушная игла, обломок массивного фигурного топора) и военным снаряжением (двухперая стрела, обломок стремени). Керамика представлена двумя видами посуды: горшками и кувшинами. По керамике и инвентарю поселение датируется XIII—XIV вв.

Сымонович Э. А. Раскопки поселения.., с. 21—26.

56. г. Черкассы, район гостиницы «Турист». Городище. Занимает небольшой по размерам останец, отделенный от плато неглубокой впадиной (4—5 м), шириной 30—40 м. На верхней площадке прослеживаются остатки небольшого вала. Городище разрушено с северо-западной стороны. Полевые сборы дали керамику XIII—XIV вв.

Приходнюк О. М., Пономаренко Л. М., Рец С. К. Археологічні пам'ятки в Черкасах, с. 91—93.

57. г. Черкассы Замковая гора. Городище. Оно, по-видимому, существовало между ул. Раскопная и Охотничий спуск, где прослеживаются остатки укреплений. Здесь найдена редкая находка — бронзовая подвеска XIII—XIV вв.

Приходнюк О. М., Пономаренко Л. М., Рец С. К. Археологічні пам'ятки в Черкасах, с. 91—93.

58. г. Черкассы (с. Василица). Городище. Оно расположено на северо-западной окраине Черкасс, на выступе террасы, около большого яра. С юго-востока заметны остатки вала. На городище найдена керамика XIII—XIV вв. Клад в глиняном горшке (монеты XIII—XIV вв.) находится в КИМе.

Приходнюк О. М., Пономаренко Л. М., Рец С. К. Археологічні пам'ятки в Черкасах, с. 91—93; *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг.., с. 85.

59. г. Любеч Репкинского р-на Черниговской обл. Древнерусский город. В результате исследований, проведенных под руководством Б. А. Рыбакова на Замковой горе, на территории древнего Любечского городища в верхних горизонтах культурного слоя найдена керамика XIV—XV вв. и монеты (например, пражский грош Венецеслава — 1378—1419).

Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече.., с. 28—30.

60. г. Любеч Репкинского р-на Черниговской обл. Селище. В уроч. Высокое поле на поверхности — отдельные находки керамики XIII—XIV вв.

Телегин Д. Я., Груц В. А. Отчет о работе Киевской экспедиции в 1966 г. — Архив ИА АН УССР, 1966/1, с. 29—30; *Кучера М. П.* Про одну групу.., с. 179.

61. с. Макишин Городнянского р-на Черниговской обл. Селище. Оно находится на полого снижающемся к руслу р. Снов мысе коренного берега, вблизи старицы. Здесь высота мыса составляет 2,5—3 м, в 60—80 м от реки равна 6—8 м. Руслом р. Снов поселение ограничено с востока. С северо-востока и юго-востока к нему примыкает пойма. Южная его граница проходит через балку, тянущуюся в пойме Снова, западная — через пашенное поле. Площадь поселения 120 × 60—80 м. В результате полевых сборов и шурфовки собрана коллекция керамики, в которой наряду с материалами позднезарубинецкого времени (киевского типа) имеются фрагменты позднесредневековых горшков. Венчики их оформлены в виде тяжелого округлого валика. На внутренней стороне — выемка для крышки. По керамике поселение датируется XIV—XV вв.

Горюнов Е. А. Отчет об археологическом обследовании поречья р. Снов на участке с. Брусилов — с. Горск Черниговской обл. Архив ИА АН УССР, 1970/59, с. 5—6.

62. с. Воинцы (бывш.) Оржицкого р-на Полтавской обл. Городище. Находки керамики. Следы жилищ.

Кучера М. П. Переяславская земля, с. 124.

63. с. Воинцы (бывш.) Оржицкого р-на Полтавской обл. Селище. Находки керамики. Следы жилищ.

Кучера М. П. Переяславская земля, с. 124.

64. с. Лисогубовка Конотопского р-на Сумской обл. (п. 1). Между селами Лисогубовка и Выровка остатки селища. Отдельные находки керамики XIII—XIV вв. (?)

Беляева С. А. Отчет о работе Озаричского отряда Древнерусской экспедиции в 1975 г.— Архив ИА АН УССР, 1975/27а. Дневник, с. 9.

65. с. Лисогубовка Конотопского р-на Сумской обл. (п. 2) (Озаричский мост). Селище. Отдельные находки керамики XIV—XV вв.

Беляева С. А. Отчет о работе Озаричского отряда.., с. 7.

66. с. Лисогубовка Конотопского р-на Сумской обл. (п. 3). Селище. Открыто краеведом Б. П. Филипенко и С. А. Беляевой в 1971 г. Расположено в 2 км к северо-востоку от села на возвышении правого берега р. Езучь (левый приток р. Сейм), уроч. Остров. С запада и северо-запада возвышение окружено рекой, а с севера и северо-востока ее старицей. Поверхность распахана. Сборы дали керамику второй половины XIII—XIV в., а также других археологических эпох (Киевской Руси, эпохи бронзы, неолита). Культурный слой последующего времени сильно поврежден пахотой. Так как основным и наиболее мощным является неолитический слой, дальнейшие исследования, проводившиеся В. И. Неприной (при участии автора в 1971г.), были направлены на изучение этого периода существования памятника. Однако в процессе раскопок в верхнем слое поселения постоянно встречались обломки керамики XIV—XV в., выявлено также несколько хозяйственных ям, в заполнении которых найдена аналогичная керамика. Это и позволяет датировать их, как и все поселение в целом, XIV—XV вв.

Беляева С. А. Разведка на р. Сейм. — АО 1971 г. М., 1972, с. 313; *Неприна В. И.* Отчет о работах Сейменского отряда в 1971 г. (Раскопки в Лисогубовке) — Архив ИА АН УССР, 1971/7а; *Неприна В. И.* Отчет о раскопках Лисогубовского поселения в 1973 г.— Архив ИА АН УССР, 1973/24; *Неприна В. И.* Отчет о раскопках Лисогубовского поселения в 1974 г. — Архив ИА АН УССР, 1974/23; с. 8.

67. с. Озаричи Конотопского р-на Сумской обл. Селище. Открыто С. А. Беляевой и Б. П. Филипенко в 1971 г. Поселение расположено в уроч. Лутымнины грудки на всхолмлениях в пойме правого берега р. Сейм над старицей. Исследовалось автором в 1971—1975 гг. Во время раскопок установлено наличие древнерусского и последующего слоя. Общая площадь около 8 тыс. м², из них собственно последующего 3,2 тыс. м². Выявлено 19 жилых и хозяйственных построек, три из которых расположены на северном (древнерусском поселении) и 16 — на южном. Основное внимание было сконцентрировано на раскопки позднего поселения. Из 16 объектов — 7 жилищ, гончарная мастерская и остальные — хозяйственные постройки. Жилища наземные столбовой конструкции, одно с подклетом. Печи жилищ на опечках. Размеры построек колеблются от 18 до 51 м², среди жилищ преобладают средних размеров — 20—30 м². В объектах и культурном слое памятника найдено большое количество вещественного материала: орудия труда (ножи, ножницы, серп, косы, обломок топора, иглы, рыболовные крючки, остроги, сверло, тесло), предметы домашнего обихода (кресала, ключи, дужки от ведер, оковы от ведер и бочек), строительный инвентарь (гвозди, скобы, мо-

тыги), оружие (наконечник копья, стрелы), конское снаряжение (удила) и др. Особо следует упомянуть о находке 29 фрагментов чугунных котлов. Керамика поселения представлена двумя видами посуды: кухонной (горшки и крышки) и столовой (кувшины и миски). Датируется второй половиной XIII—XIV в.

Отчеты С. А. Беляевой за 1971—1973, 1975 гг.— Архив ИА АН УССР, 1971/76, 1972/25а, 1973/25, 1975/27а; *Беляева С. А.* Разведка на р. Сейм, с. 313; *Беляева С. А.* Работы в Посеймье, с. 306; *Беляева С. О.* Розкопки поселення кінця XIII—XIV ст. на Сумщині, с. 98—104, и др.

68. с. Волынцево Путивльского р-на Сумской обл. Селище. В 300 м от уроч. Стан I за озером, на сильно задернованной дюне Д. Т. Березовцом открыты остатки углубленного жилища. Оно квадратное в плане, размером 3,8 × 4 м. На полу найдены: железный ложкарь, железные пряжки, костяная игла, обратная половина креста — складня, керамика. Д. Т. Березовец датировал жилище XIV в. (?).

Березовец Д. Т. Отчет об археологических работах.., с. 22—24, 26—29.

69. г. Путивль Сумской обл. Древнерусский город. Раскопки Д. Т. Березовца на месте летописного Путивля в уроч. Городок показали наличие мощного, хотя и перемешанного культурного слоя до 3,5 м, насыщенного керамикой. Она представлена горшками с небольшой шейкой и массивными венчиками, образующими валик снаружи. На основании керамики Д. Т. Березовец датирует этот слой Путивля XIV—XV вв.

Березовец Д. Т. Отчет об археологических работах.., с. 32—35; *Березовец Д. Т* Дослідження на території.., с. 242—250.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	— Археологические исследования на Украине
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВИ	— Вопросы истории
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИАН	— Известия Академии наук СССР.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук УССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
Труды ГИМ	— Труды Государственного исторического музея

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ . . 6

ЮЖНАЯ РУСЬ XIII—XIV ВВ. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК . . . 27

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА 41

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ 82

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЮЖНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — XIV В. 89

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 106

ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII — XIV В. 110

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 118

Светлана Александровна Беляева

ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII—XIV в.

(По материалам археологических исследований)

Утверждено в печать ученым советом Института археологии АН УССР

Редактор
А. А. ЗОЛОТАРЕВА

Оформление художников
Ю. Я. РУБЦОВА, П. И. ЯРЕСЬКА

Художественный редактор
С. П. КВИТКА

Технический редактор
Г. М. ТЕРЕЗЮК

Корректоры
О. Е. ИСАРОВА,
Н. А. ЛУЦКАЯ, З. П. ШКОЛЬНИК

Информ. бланк № 4375

Сдано в набор 26.02.81. Подп. в печ. 07.09.82. БФ 00715. Формат 70×90/16. Бум. тип. № 1. Выс. печ. Усл. печ. л. 8,78. Усл. кр.-отт. 8,48. Уч.-изд. л. 9,33. Тираж 1200 экз. Зак. № 1—406. Цена 1 руб. 40 коп.

Издательство «Наукова думка», 252601 Киев, ГСП, Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографией, г. Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8, с матриц Головного предприятия РПО «Полиграфкнига», 252057, Киев-57, Довженко, 3. Зак. № 5240.

1 руб. 40 коп.

ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII–XIV в.

НАУКОВА ДУМКА

Монография является первой обобщающей работой в отечественной историографии, посвященной изучению культурно-исторического развития Южной Руси второй половины XIII—XIV в. по материалам археологических исследований. Рассматривается историко-географическая ситуация, сложившаяся в Среднем Поднепровье XIII—XIV вв., выделяются основные признаки материальной культуры южнорусских земель золотоордынского периода. Дается характеристика экономического развития территории. Сделаны выводы о единстве развития общерусской материальной культуры исследуемой эпохи и глубокой историко-культурной общности трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Для археологов, историков, краеведов, преподавателей и студентов исторических факультетов.